

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

*Сборник материалов конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Филология в XXI веке»*

(г. Пермь, ПГНИУ, 13–14 мая 2022 г.)

Пермь 2022

УДК 80

ББК 1.1/2+83

П781

Проблемы филологии глазами молодых исследователей
П781 [Электронный ресурс]: сборник материалов конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Филология в XXI веке» (г. Пермь, ПГНИУ, 13–14 мая 2022 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2022. – 4 Мб; 145 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2022.pdf. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3931-1

В сборнике публикуются материалы докладов участников конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Филология в XXI веке», проведенной на базе филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 80

ББК 81.1/2+83

*Издается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственный за выпуск *Д.А. Сухоева*

Рецензенты: канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод» Пермского национального исследовательского политехнического университета **И. К. Федорова**;
канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории, истории литературы и методики преподавания литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета **Ю. Ю. Даниленко**

ISBN 978-5-7944-3931-1

© ПГНИУ, 2022

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'33

Ирина Андреевна Обухова

ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания,
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ireneobukhova@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ИНТРО-ЭКСТРАВЕРСИИ И ПОЛА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭМОТИКОНОВ И ЭМОДЗИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕНИИ

Исследуется влияние сочетания параметров «интро-экстраверсия» и «пол» на использование эмодзи и эмодзи в текстах пользователей социальной сети ВКонтакте. Материалом исследования послужили комментарии пользователей, прошедших психологический опрос по установлению степени интро-экстравертности. В статье представлен классификатор, включающий категории эмодзи и эмодзи; выявлены частотность обращения пользователей к выделенным категориям и связи между использованием тех или иных категорий и уровнем интро-экстравертности у женщин и мужчин. Установлено, что на использование ряда выделенных категорий в интернет-коммуникации влияние психологического параметра оказывается более значимым, чем пол информантов.

Ключевые слова: эмодзи; эмодзи; интроверсия; экстраверсия; амбиверсия; пол; социальные сети.

В данном исследовании эмодзи и эмодзи рассматриваются в качестве графических символов сетевой коммуникации, способных передавать эмоциональное состояние, настроение, мнение по поводу чего-либо, а также невербальные сигналы пользователей социальных интернет-сервисов. Ср. следующие определения: «Эмодзи [англ. emoticon < emotion – эмоция + icon – образ] – информационная система сокращений и значков (чаще шуточных), используемых в электронной почте из-за невозможности передать нюансы своего настроения с помощью жестов, мимики или даже почерка...» [Комлев 2006: 589]. Если эмодзи представляют собой комбинации типографских знаков (чаще знаков препинания), то эмодзи – это цветное «цифровое изображение, добавленное к тексту сообщения в электронной коммуникации с целью выразить определенную идею или чувство» (перевод наш. – *И.О.*) [CALD: электр. ресурс].

Эти знаки широко используются в электронной коммуникации: 90% пользователей Интернета используют эмодзи с целью придания письму эмоциональной окраски [Ведешкина 2012: 36]. Пополняющийся набор эмодзи и эмодзи, использование этих знаков в массовой культуре, привлечение брендами внимания потребителей с помощью указанных знаков, а также автоматическая

замена знаков естественного языка на эмодзи-пиктограммы в мессенджерах и социальных платформах свидетельствуют о популярности эмотиконов и эмодзи. В связи с активным использованием этих знаков в сетевом общении представляет интерес изучение влияния психологических, поведенческих, социальных и др. параметров авторов сообщений на использование ими эмотиконов и эмодзи в текстах интернет-коммуникации.

В настоящей статье рассматривается влияние психологического параметра «интроверсия-экстраверсия» на использование эмотиконов и эмодзи при написании комментариев в социальной сети ВКонтакте женщинами и мужчинами с разными показателями по шкале интро-экстравертности.

В работе повторяется методика сбора, обработки и анализа экспериментального материала, представленная в ранних исследованиях (см. подробнее [Белоусов, Обухова 2019; Гендерные аспекты языка, сознания... 2020: 335–361]).

Данное исследование является частью проекта, посвященного изучению взаимосвязей между социальными, психологическими, поведенческими и языковыми параметрами пользователей социальных сетей (подробное описание проекта представлено в [Белоусов и др. 2020: 12–29]). Материалом исследования послужил размеченный и зарегистрированный в качестве базы данных веб-корпус комментариев пользователей социальной сети ВКонтакте [База данных... 2018]. Собранный текстовый корпус размечен с помощью иерархического классификатора, который одновременно учитывает разные языковые и внеязыковые параметры реплик пользователей: стилистику, лексические единицы (см. подробнее [Ерофеева, Руденко 2018]); жанры, семантику (модальность и дейксис), графику (эмотиконы и эмодзи) и др. Общий объем корпуса – более 19 тыс. текстов (комментариев к постам), полученных от 93 мужчин и 206 женщин. Каждый комментарий соотнесен с пользователями, которые предварительно прошли психологический опрос по установлению показателей пяти шкал The Big Five Inventory (BFI), адаптированный С.А. Щebetenko¹ [Shchebetenko 2017]. Все данные об участниках исследования были обезличены. Классификация лингвистического материала и генерация таблиц проводилась с помощью ИС «Семограф» (<https://semograph.org>).

В данной статье учитывается только раздел классификатора, отражающий *графические параметры* реплик пользователей (использование эмотиконов и эмодзи). Этот раздел представлен набором категорий эмотиконов/эмодзи, каждая из которых образовывалась множеством комментариев, объединенных общим семантическим признаком. С помощью инструментария ИС «Семограф» автоматически вычислялся объем выделенных категорий эмотиконов/эмодзи.

Психологический параметр «интроверсия-экстраверсия» и классификатор эмотиконов и эмодзи. Опросник BFI вычисляет пять психологических параметров, однако для целей данной статьи использовался только один показатель теста – «интроверсия-экстраверсия».

Интроверсия и экстраверсия рассматриваются в едином пространстве измерений, поэтому низкие показатели одной психологической характеристики

подразумевают высокие показатели другой. Промежуточное положение между крайними полюсами интроверсии-экстраверсии занимает амбиверсия (смешанный психотип). С позиций физиологии в основе интро-экстравертированной направленности личности лежат генетически определенные особенности центральной нервной системы: при экстравертности доминируют процессы возбуждения, а при интровертности – процессы торможения [Айзенк 1999]. Если экстраверты характеризуются как общительные, дружелюбные и энергичные личности, а интроверты – как замкнутые, неуверенные и инертные личности, то амбиверты в равной степени сочетают качества и тех, и других [Thompson 2008].

Информанты, прошедшие психологический опрос, были поделены на три группы: интроверты, амбиверты и экстраверты. Распределение информантов представлено с учетом пола испытуемых; объемы выборок указаны в абсолютных и относительных значениях (см. табл.).

Таблица

Выборка информантов

Психологическая характеристика	Женщины		Мужчины	
	абс.	отн.,%	абс.	отн.,%
Интроверсия	38	19%	17	18%
Амбиверсия	132	64%	67	72%
Экстраверсия	36	17%	9	10%

Показатели интро-экстраверсии вычислялись для каждого информанта на основе среднего значения (M) и стандартного отклонения (SD), отбрасываемого от среднего значения влево и вправо. Показатели по шкале «интроверсия-экстраверсия», превышающие $M+SD$, означали, что у испытуемого выражены черты экстраверсии; значения на шкале, отбрасываемые влево от $M-SD$, выражали черты интроверсии. Значения, выражающие черты амбиверсии (невыраженность признака), располагались в интервале между $[M-SD, M+SD]$. Так, интро-экстраверсия информантов характеризуется интроверсией ($M-SD$), амбиверсией («0») и экстраверсией ($M+SD$). Значения M и SD для рассматриваемой шкалы следующие: $M = 3.38$ и $SD = 0.71$.

Остановимся на описании разработанного классификатора графических средств. Классификатор, учитывающий 15 категорий эмотиконов и эмодзи, подробно описан в работах [Белюсов, Обухова 2019: 7–10; Гендерные аспекты языка, сознания... 2022: 340–344]. Основу классификатора составляют эмоции человека, а также жестовые и мимические проявления. Классификация знаков разнородная, поскольку учитывает особенности собранного речевого материала, различные психологические основания классификаций эмоций, а также основные виды эмотиконов и эмодзи. Классификатор состоит из следующих категорий: «радость», «любовь», «печаль», «подмигивание», «сарказм», «одобрение», «удивление», «благодарность», «безразличие», «недоумение», «страх», «вина», «смущение», «злость» и «задумчивость».

Результаты исследования. В ранее проведенных исследованиях были установлены 1) интегральный признак, позволяющий отнести те или иные эмодзи/эмотиконы к конкретной категории; 2) частотность употребления выделенных категорий в комментариях информантов, прошедших психологический опрос по установлению уровня самооценки; 3) связи между использованием тех или иных категорий и уровнем самооценки у мужчин и женщин; 4) частотность использования категорий с учетом только полового признака информантов; 5) примеры используемых графических знаков и функционирование некоторых категорий в текстовом корпусе, а также 6) совместная встречаемость разных категорий эмодзи/эмотиконов в текстах мужчин и женщин (см. подробнее полученные результаты в [Белоусов, Обухова 2019; Гендерные аспекты языка, сознания... 2022: 335–361]).

Было также установлено, что мужчины в сетевом общении не используют четыре категории графических средств обозначения эмоций из 15 выделенных нами, а именно: «вина», «смущение», «злость» и «задумчивость». В рассматриваемом корпусе реплик обращение женщин ко всему выделенному набору графических средств указывает на бóльшую склонность передавать через эмодзи и эмодзи свое эмоциональное состояние и настроение (см. [там же]).

К данным первичного количественного анализа комментариев пользователей, представленного в ранних исследованиях, оказалось невозможным применить инструменты параметрической статистики (среднее, стандартное отклонение и др.) в силу сильной несбалансированности количества комментариев, образующих ту или иную категорию эмодзи/эмотиконов. Непараметрическая статистика продемонстрировала выбросы двух частотных категорий («радость» и «любовь»), при этом медиана приходилась на категорию «благодарность». Таким образом, для выявления влияния интро-экстраверсии и пола пользователей на использование ими категорий графических средств было принято решение рассматривать только те, которые во всем корпусе текстов встречаются в более чем 0,1% текстов информантов, а именно категории «радость», «любовь», «печаль», «подмигивание», «сарказм», «одобрение», «удивление», «благодарность» и «безразличие». Оставшиеся шесть («недоумение», «страх», «вина», «смущение», «злость» и «задумчивость») не будут учитываться, поскольку в анализируемом корпусе они встречаются в менее чем 0,1% текстов информантов.

Опишем связи между использованием категорий графических средств и экстраверсией, амбиверсией и интроверсией пользователей с учетом их пола.

Характеристика «экстраверсия». На Рис. 1–3 представлена частотность (ν) комментариев, в которых встречаются выделенные нами категории эмодзи/эмотиконов. Гистограмма на Рис. 1 отражает использование категорий экстравертами, на Рис. 2 – амбивертами, а на Рис. 3 – интровертами. Представленные гистограммы описываются аналогичным образом: частотность комментариев с выделенными категориями представлена в относительных показателях, однако каждая категория женской выборки соотносится с соответствующей категорией мужской выборки в процентном виде.

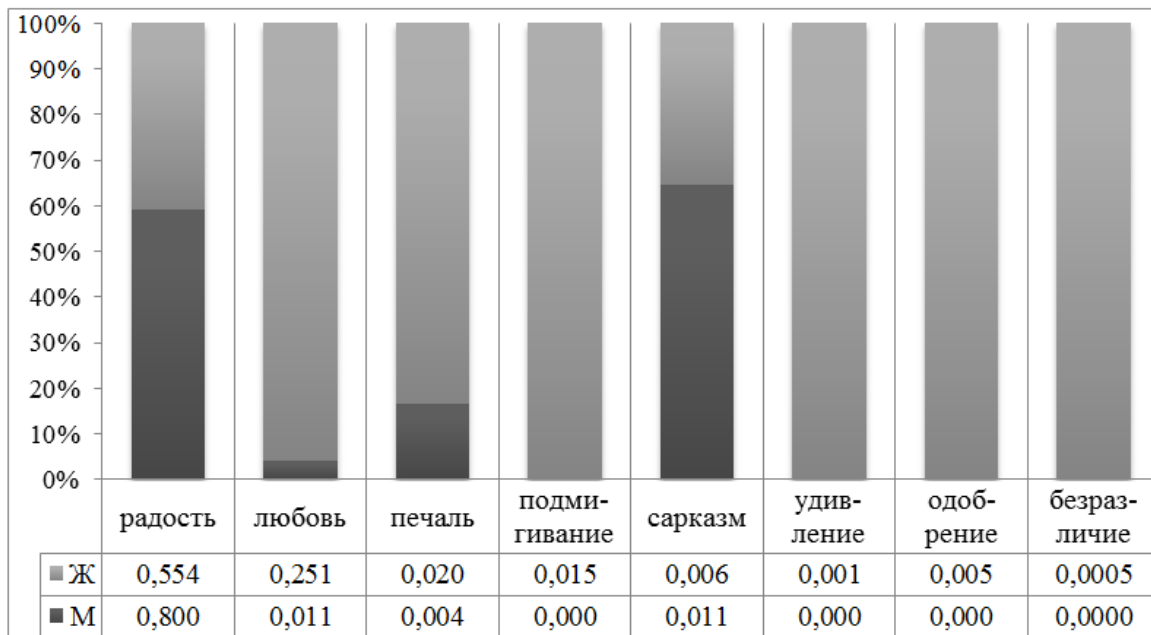

Рис. 1. Частота использования категорий эмотиконов и эмодзи в комментариях экстравертов, отн.

Как видим на Рис. 1, для мужчин и женщин с чертой «экстраверсия» общими используемыми категориями являются «радость», «любовь», «печаль» и «сарказм». В комментариях мужчин-экстравертов выделяются только эти перечисленные категории, тогда как в комментариях женщин с той же психологической чертой встречаются еще и знаки с семантикой «подмигивание», «удивление», «одобрение» и «безразличие».

Обращение к самой частотной категории «радость» более свойственно мужчинам, чем женщинам ($\nu = 0,800$ у мужчин и $\nu = 0,554$ у женщин). Самая значительная разница в частоте употребления наблюдается для знаков с семантикой «любовь»: в женских репликах эти знаки встречаются почти в 23 раза чаще, чем в мужских (0,251 случая у женщин и 0,011 случая у мужчин). Как видим, у обоих полов остальные выделенные категории относительно «радости» в целом являются низкочастотными (исключением является только категория «любовь» у женщин).

Рассмотрим использование низкочастотных категорий информантами с характеристикой «экстраверсия». Обращение к категории «сарказм» более свойственно мужчинам, чем женщинам: мужчины используют данные знаки почти вдвое чаще ($\nu = 0,011$ у мужчин и $\nu = 0,006$ у женщин), однако частота использования знаков с семантикой «печаль» у женщин в 5 раз выше, чем у мужчин ($\nu = 0,02$ в женских текстах и $\nu = 0,004$ в мужских). Таким образом, женщины-экстраверты используют в сетевом общении более широкий арсенал эмотиконов и эмодзи, чем мужчины с той же психологической чертой.

Психологическая черта «амбиверсия». Согласно гистограмме на Рис. 2, категория «радость» остается самой частотной и для пользователей-амбивертов.

При написании комментариев в социальной сети к данной категории чаще обращаются женщины-амбиверты, чем мужчины с той же психологической чертой (ср: $\nu = 0,570$ у мужчин и $\nu = 0,632$ у женщин). Остальные категории являются у обоих полов низкочастотными.

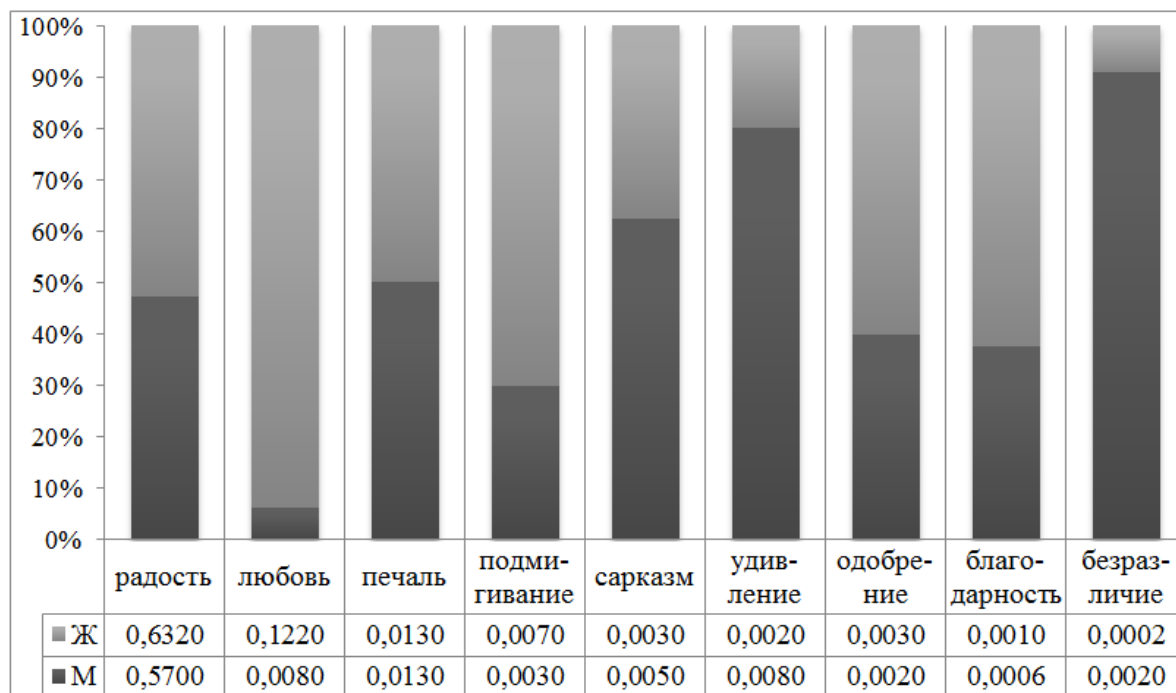

Рис. 2. Частота использования категорий эмодзи и эмодзи в комментариях амбивертов, отн.

Обращение к знакам с семантикой «любовь» более свойственно женщинам ($\nu = 0,122$), мужчины же используют знаки с указанной семантикой только в 0,008 случая. Категорию «печаль» мужчины и женщины используют одинаково редко (0,013 случая у обоих полов). Знаки, отображающие подмигивание, одобрение и благодарность, используются в большей степени женщинами, а знаки с семантикой «сарказм», «удивление» и «безразличие» – мужчинами. Особо отметим, что в мужских текстах категория «удивление» встречается в 4 раза чаще, чем в женских (0,008 случая у мужчин и 0,002 случая у женщин). Значительно различается и частота использования категории «безразличие» у обоих полов; к знакам с указанной семантикой мужчины обращаются в 10 раз чаще (0,002 случая у мужчин и 0,0002 случая у женщин). В целом информанты-амбиверты используют в текстах больший перечень эмодзи, чем информанты с характеристикой «экстраверсия».

Психологическая черта «интроверсия». Согласно Рис. 3, только «радость», «любовь», «печаль» и «удивление» являются для мужчин и женщин с характеристикой «интроверсия» общими используемыми категориями. Высоко-частотная категория «радость» используется женщинами-интровертами почти вдвое больше, чем мужчинами с той же психологической чертой (0,622 случая у

женщин и 0,335 случая у мужчин). Отметим, что частотность знаков с семантикой «любовь» в женских комментариях в 28 раз выше, чем в мужских ($\nu = 0,112$ у женщин и $\nu = 0,004$ у мужчин). Женщины также в большей степени обращаются к знакам с семантикой «печаль» и «удивление», однако разница в использовании этих категорий у мужчин и женщин незначительна (ср. частотность указанных категорий на Рис. 3).

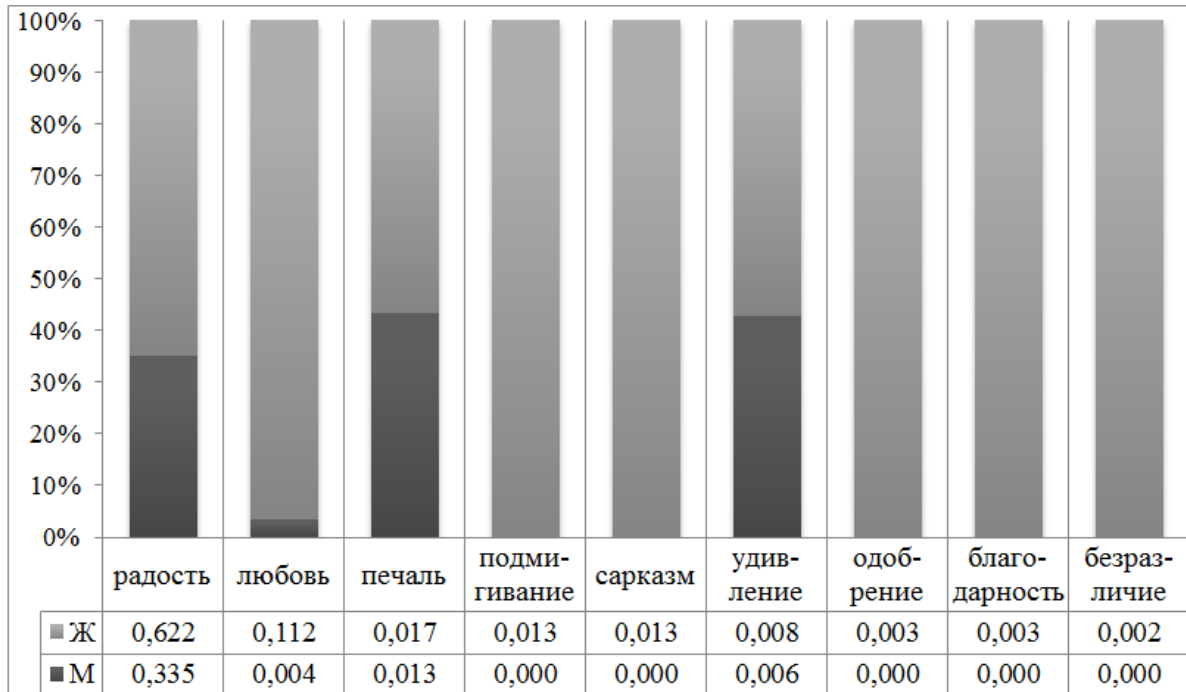

Рис. 3. Частота использования категорий эмотиконов и эмодзи в комментариях интровертов, отн.

Отметим, что низкочастотные категории «подмигивание», «сарказм», «одобрение», «благодарность» и «безразличие» используются только женщинами.

Результаты частотного анализа выделенных категорий, представленные на Рис. 1–3, демонстрируют не только гендерные различия в использовании отдельных категорий графических средств, но и соотношение с уровнем интро-экстравертности. Наиболее показательным примером является самая частотная категория «радость». Если мужчины-интроверты обращаются к указанной категории только в 0,35 случая, то мужчины-амбиверты – в 0,57 случая, а мужчины-экстраверты – в 0,8 случая. У женщин аналогичные показатели следующие: 0,622 – 0,632 – 0,554. Таким образом, у мужчин при росте показателей по шкале интро-экстраверсии увеличивается частотность обращения к категории «радость». Для женщин в этом случае психологические показатели значения не имеют.

Для категории «любовь» у обоих полов просматривается та же тенденция, что и для категории «радость» у мужчин. Если у мужчин-интровертов графические знаки с семантикой «любовь» встречаются всего в 0,004 случая, то у мужчин-амбивертов – в 0,008 случая, а у мужчин-экстравертов – в 0,011 случая.

У женщин аналогичные показатели следующие: 0,112 – 0,122 – 0,251. Следовательно, у обоих полов рост показателей интро-экстраверсии приводит к более частому употреблению данного графического знака в сетевом общении. Те же явления характерны для категории «сарказм» у мужчин. Ср. частоту встречаемости знаков с семантикой «сарказм» в текстах мужчин с характеристикой «интроверсия», «амбиверсия» и «экстраверсия»: 0; 0,005 и 0,011 соответственно. Видим, что рост показателей по психологической шкале также приводит к увеличению частотности указанной категории в комментариях мужчин.

Обратное явление наблюдается при росте показателей интро-экстраверсии у женского пола и употреблении им знаков с семантикой «удивление» и «благодарность»; рост показателей психологического параметра приводит к снижению частотности указанных категорий. Ср. частотность категории «удивление» у женщин с характеристикой «интроверсия», «амбиверсия» и «экстраверсия»: 0,008 – 0,002 – 0,001 соответственно. Также ср. частоты знаков с семантикой «благодарность» у женщин с теми же характеристиками: 0,003 – 0,001 – 0.

Результаты исследования показывают, что мужчины в сетевом общении через эмодзи и эмодзи склонны проявлять только эмоцию радости; для мужчин данная категория является самой частотной в текстах. При этом у мужчин частотность обращения к знакам с семантикой «радость» значительно увеличивается при росте показателей по шкале интро-экстраверсии. Женщины в сетевом общении для выражения эмоций, как правило, склонны использовать две категории эмодзи – «радость» и «любовь», при этом у них частота обращения к категории «любовь» увеличивается при росте показателей интро-экстраверсии. Несмотря на то, что категория «любовь» не является для мужчин частотной, для указанной категории у мужчин просматривается та же закономерность, что и у женщин.

Отметим, что при росте показателей по шкале интро-экстраверсии а) увеличивается частота употребления категории «сарказм» у мужчин и б) уменьшается использование знаков с семантикой «удивление» и «благодарность» у женщин.

Таким образом, в проведенном исследовании определено влияние пола на использование графических знаков в открытом сетевом общении информантами с разными показателями по шкале интро-экстраверсии. Выявлено, что психологический параметр, включающий интроверсию, амбиверсию и экстраверсию, для ряда выделенных категорий эмодзи является более значимыми, чем пол информантов.

Примечание

¹ Автор статьи благодарит д. психол. н. С.А. Щебетенко за предоставленные данные психологического опроса информантов.

Список литературы

Айзенк Г. Структура личности. СПб: Ювента, 1999. 464 с.

Белоусов К.И. и др. Многопараметрический анализ лингвистических данных в информационной системе «Семограф» (на примере исследования речевого поведения пользователей социальной сети) / Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Баранов Д.А., Зелянская Н.Л., Щebetenko С.А. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 5–29.

Белоусов К.И., Обухова И.А. Влияние пола и самооценки пользователей социальной сети на использование эмотиконов и эмодзи в процессе речевой коммуникации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 5–18.

Ведешкина Б.Н. Эмотиконы как семиотическая система // Язык и культура (Новосибирск). 2012. № 1–2. С. 35–39.

Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / Анков А.А., Вепрева И.Т., Гаранович М.В., Гриценко Е.С., Данилевская Н.В., Долешаль Урсула, Ерофеева Т.И., Кирилина А.В., Норцева А.А., Обухова И.А., Пермьякова Е.Г., Рудакова А.В., Стернин И.А., Сюй Шаньшань, Федорова Л.Л., Черноусова А.С., Черных О.Ю. Пермский государственный национальный исследовательский университет. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.

Ерофеева Е.В., Руденко Е.С. Лексические слои в интернет-коммуникации: к вопросу о конструировании виртуальной языковой личности // Вторая зимняя школа по гуманитарной информатике. 2018. С. 44–51.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений / Н.Г. Комлев. Москва: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). 669 с.

База данных «Речевые и неречевые параметры пользователей социальной сети»: Свидетельство о государственной регистрации базы данных, охраняемой авторскими правами / Баранов Д.А., Белоусов К.И., Боронникова Н.В., Ерофеева Е.В., Зелянская Н.Л., Константинов И.М., Обухова И.А., Руденко Е.С., Русинова И.И., Худякова Е.С. М.: Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Внесена в реестр баз данных, регистрационный № 2018621839 от 20.11.2018.

CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/emoji> (дата обращения: 30.10.2021).

Shchebetenko S. Reflexive characteristic adaptations explain sex differences in the Big Five: But not in neuroticism // Personality and Individual Differences. 2017. Vol 111. P. 153–156.

Thompson E.R. Development and Validation of an International English Big-Five Mini-Markers // Personality and Individual Differences. 2008. Vol 45 (6). P. 542–548.

I.A. Obukhova

Assistant of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Postgraduate Student of Philological Faculty

Perm State University

**THE INFLUENCE OF INTROVERSION-EXTRAVERSION AND GENDER OF SOCIAL MEDIA USERS
ON THE USE OF EMOTICONS AND EMOJI IN ONLINE TEXT-BASED COMMUNICATION**

The article examines the influence of “introversion-extraversion” dimension in men and women on the use of emoticons and emoji in users’ texts in the social networking service VK. The research is based on more than 19 thousand comments left by 299 users that have passed the psychological test to determine the introversion and extroversion degree. A classifier that includes 15 categories of emoticons/emoji was developed. The frequency of users referring to the selected categories and the relationship between the use of certain categories and intro-extraversion level in men and women were revealed. It was found that the influence of the psychological parameters on the use of certain categories is more significant than informants’ gender.

Key words: emoticons; emoji; introversion; extraversion; ambiversion; gender; social networks; internet communication.

УДК 81'276.1

Татьяна Николаевна Тихон
преподаватель кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
tanya.tikhon@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается сленг как социально направленное, свойственное неформальному общению явление, характеризующееся ускоренным развитием; проводится анализ наиболее значимых социальных и территориальных групп, способствующих наполнению интернет-сленга в социальных сетях; выявляются сленговые единицы, наиболее характерные для данных сообществ; устанавливаются причины, способствующие распространению сленговых единиц среди англоязычного населения.

Ключевые слова: сленг; интернет-сленг; сленгизм; афроамериканцы; хип-хоп культура; ЛГБТ-сообщества; территориальная маркированность.

Немаловажной составляющей современной коммуникации является сленг. Это явление привлекает внимание многих ученых-лингвистов со всего мира. Изучая сленг, исследователи формулируют определения, которые отражают основные характеристики данного феномена. Т.М. Беляева и В.А. Хомяков в работе «Нестандартная лексика английского языка», а также В.А. Хомяков в работе «Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода» рассматривают сленг как *«относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный лексический пласт, компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией»* [Беляева 1985: 17–21; Хомяков 1980: 43–44]. Устойчивость сленга в определенные периоды означает, что он отражает процесс развития культуры, народа, фиксирует и передает от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [Беляева 1985: 17–21; Хомяков 1980: 43]. Аналогичный подход к трактовке понятия предлагает О.С. Ахманова: *«Сленг – 1) разговорный вариант профессиональной речи; 2) элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску»* [Ахманова 1966: 419]. Исходя из данных определений, можно предположить, что

в языке могут укорениться только те единицы, которые связаны с культурой, эталонами или национальными стереотипами, а также те, которые отражают особенности менталитета.

В современном англоязычном словаре «Collins Dictionary» понятие *сленг* определяется следующим образом: «1) специализированная лексика преступников и бродяг, целью которых было скрыть от посторонних смысл сказанного; 2) специализированная лексика тех, кто работает в определенной сфере деятельности, ведет схожий образ жизни и т.д.; 3) крайне неформальная речь, которая выходит за рамки общепринятого или стандартного употребления и состоит как из придуманных слов и фраз, так и из новых или расширенных значений, придаваемых установленным терминам, развивается из попытки найти свежее и энергичное, красочное, острое или юмористическое выражение и обычно либо выходит из употребления, либо приобретает более формальный статус» (Перевод наш – Т. Т.) [Collins Dictionary 2022]. Данное определение совмещает как современную, так и устаревшую трактовку понятия, а также демонстрирует особенности сленговой лексики и процесс ее развития. На основании этого можно сделать вывод, что сленг – социально направленное явление, характерное для неформального общения, развивающееся быстрее скорости изменения языковой нормы. В результате развития сленговая лексика приобретает формальный статус либо прекращает использоваться. Для достижения первого сленговые единицы должны быть широко распространены в обществе и должны употребляться на постоянной основе, чему способствует развитие интернета и социальных сетей.

Ввиду распространенности интернета (на 2022 год интернетом пользуются 58,99% от общего населения планеты [Internet usage statistics 2022]) и, в частности, социальных сетей, которые занимают значительную долю в современной коммуникации (53,16% населения земли активно используют социальные сети [Internet usage statistics 2022]), появляется новый вид сленга – интернет-сленг. На сегодняшний день он занимает лидирующую позицию по распространенности в обществе и среди иных видов сленга. Интернет-сленг популяризирует слова и выражения, которые раньше были присущи конкретным группам в социуме или меньшинствам, таким образом стирая границы между ними и остальным миром. Интернет-сленг можно охарактеризовать словом «всеобъемлющий», так как он был «создан» людьми разной этнической, территориальной и социальной принадлежности. Поэтому сленговые единицы, привнесенные этими людьми, маркируют принадлежность автора к какой-либо социально-этнической или территориальной группе.

В интернет-сленге можно выделить несколько наиболее значимых групп, которые способствовали его наполнению. Прежде всего, это представители афроамериканского сообщества, которые привнесли в современный интернет-сленг такие сленгизмы, как *thang* (вещь), *hood* (человек из гетто), *deadass* (серьезно), *chile* (призыв успокоиться), *finna* (собираться сделать что-то), *flex* (хвастаться), *kick to the curb* (расстаться с партнером), *stanku* (вонючий), *boogie blunt*

(афроамериканец, курящий марихуану), *kicks* (обувь), *bae* (детка), *thug* (преступник), *bussin* (великолепный), *drip* (модный образ), *monie* (деньги), *lawd* (бог), а также нарушения грамматических правил, например, *I be havin – I'm having*. Данные сленгизмы можно встретить в аккаунтах знаменитостей, а также в комментариях их подписчиков, которые относятся как к африканскому населению англоговорящих стран (например, SZA, Кевин Харт), так и к иной расовой группе (например, Кэти Перри).

Вторая группа, которая очень тесно связана с афроамериканцами, – представители хип-хоп культуры, которые также привнесли свой вклад в современный интернет-сленг, а именно распространили такие сленгизмы, как *hit me up* (позвони мне), *no cap* (говорить правду), *now or nah* (сейчас или никогда), *crib* (хата), *getting jiggly with it* (наслаждаться жизнью, несмотря на трудности).

В последнее время, ввиду распространения идеи гендерного равенства в обществе, особой популярностью пользуются сленгизмы, появлением которых мы обязаны социальным меньшинствам, а именно ЛГБТ-сообществу, которое подарило нам такие слова, как *gworl*, означающее девушку или парня (более известно по тренду в TikTok, начавшемуся осенью 2021 года, *material gworl*, в котором девушка или парень демонстрирует роскошный образ жизни, дорогие покупки), *per* (гендерно-нейтральное местоимение), а также слова *snatched* (носить что-то модное или выглядеть очень хорошо) и *okur* (дерзкий и задорный способ сказать «ОК»; используется, когда кто-то взволнован и согласен с чем-то). Эти слова часто используются представителями Дрэг-культуры. Слово *okur* сейчас более известно как фирменный выкрик рэперши Карди Би, который она зарегистрировала как торговую марку. Данные сленговые единицы все чаще можно услышать в речи не только представителей ЛГБТ-сообществ, но и тех, кто считает себя самодостаточным и независимым человеком, который не следует правилам, а создает свои собственные – или, говоря на языке английского сленга, *a badass person*. Такие единицы все чаще входят в обиход простого населения для создания образа успешного человека. Особенно интенсивно данные единицы употребляют знаменитости, блогеры и инфлюенсеры, в частности выходцы из социального низа. Употребляя в речи сленгизмы, характерные для социального класса, в котором они выросли, знаменитости популяризируют их употребление. Люди, вдохновленные успехом кумира, начинают копировать его лексикон, наполненный сленгизмами, считая такое поведение признаком успеха. Так сленгизмы, характерные для рабочего класса, перерастают в единицы, создающие видимость успеха. Например, в 2020 году Ники Минаж провела прямой эфир в Instagram (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией), в котором употребила слово *chile*, характерное для афроамериканского сообщества. Вскоре фрагмент этого стрима стал вирусным, а само слово стало распространяться в обществе. Сегодня же его можно встретить не только среди фанатов рэперши, но и среди других пользователей сети.

Интернет-сленг также изобилует единицами, которые маркированы территориально. Например, сленгизмы *mane* (человек), *dang* (черт), *be fixin tuh* (собирается что-то сделать), *be stoked* (быть счастливым) характерны для юга США,

gyal (девушка), *ting* (вещь), *fi* (предлог *to*) – для Карибских островов, слово *oi* (привет) – для сленга кокни (лондонское просторечие), а слово *naur* (нет) – для австралийского сленга. Такие единицы тоже получают распространение в интернете благодаря знаменитостям и инфлюенсерам-уроженцам этих территорий.

Так, Рианна, будучи уроженкой Барбадоса, использует карибский вариант слова *ting* вместо *thing* («*It's called a no makeup makeup lewk! I'm back with a new tutorial showin' y'all how to keep it #FENTYFACEFRESH with my new @fentybeauty Cheeks Out Cream Blush & Cream Bronzer. Head to <http://youtube.com/fentybeauty> to see the full **ting***») [Rihanna 2020]. Кевин Харт, будучи афроамериканцем, использует слово *stanky*, что является характерным для афроамериканцев неправильным произношением слова *stinky* («*Happy B Day you big bald unattractive flat foot no neck **stanky** leg truck driving weight lifting tequila drinking no running constipated in the face looking to small pant wearing lovable guy.... Hope you have a blessed one @therock*») [Kevin Hart 2020]. Среди комментариев подписчиков в Facebook-аккаунте Снуп Догга (Facebook запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией) также присутствовали сленговые единицы, характерные для хип-хоп сообществ, например, *hit me up* («*Dear Snoop Dogg, if you are ever in the Augusta Georgia area please **hit me up**. One of my dreams is to eat at Waffle House with you! (It's the little things)*»). Благодаря использованию этой единицы можно понять, что данный комментарий написал человек, идентифицирующий себя как поклонник Снуп Догга, одним из направлений творчества которого является хип-хоп [Snoop Dogg 2022].

Более того, сленгизмы могут инкорпорироваться в рекламные кампании для продвижения брендов знаменитостей в социальных сетях или же в названия самих брендов и их продуктов, что призвано добавить эксцентричности и выделить торговую марку среди конкурентов, а также способствует привлечению большего количества потребителей, которые ищут «свой» бренд. Например, Рианна инкорпорировала в название своего бренда «Savage X Fenty» сленговую единицу *savage* (классный, храбрый человек), которая несет сообщение о том, что данный бренд предлагает покупателю что-то новое и неординарное, выходящее за рамки нормы; что-то, что позволит потребителю быть «savage». Так, на сайте бренда сообщается: «“Savage X Fenty” поощряет бесстрашие, уверенность и инклюзивность» (Перевод наш. – Т. Т.) [About Savage X Fenty]. Еще одним примером является бренд Кайли Дженнер «Kylie Cosmetics», который использует сленговые единицы в названиях продуктов бренда, например, «*A Whole Lewk*» (полноценный образ), «*Baddie on the Block*» (крутая девочка в здании), «*4 Ever Ting*» (вещь на целую вечность), «*Snatched*» (девочка на стиле). Все выделенные единицы маркированы социально или территориально (*lewk*, *snatched* характерны для ЛГБТ-сообщества, *baddie* – для афроамериканцев, *ting* – для населения Карибских островов), а вместе они призваны привлекать внимание каждой из отдельных групп. В результате употребление таких сленгизмов возрастает ввиду популярности бренда и его создателя, а также становится признаком принадлежности к особому, привилегированному классу в социуме, что ведет к созданию тренда.

Таким образом, социокультурная маркированность интернет-сленга характеризуется присутствием в сленге интернет-коммуникации единиц, характерных в большей степени для афроамериканского, хип-хоп, ЛГБТ-сообществ, а также для сообществ, обусловленных территориальным положением. Данные единицы могут быть заимствованы и популяризированы людьми с высоким социальным статусом.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.В. Лозова, М.: Советская Энциклопедия, 1966. 598 с.

Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомяков. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 138 с.

Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. ... канд. филол. наук / В.А. Хомяков. Л., 1980. 168 с.

About Savage X Fenty Savage X Fenty. URL: [https://www.savagex.com/ featured/aboutus](https://www.savagex.com/featured/aboutus) (дата обращения: 04.10.2022)

Internet Usage Statistics Internet World Stats. URL: <https://www.internet-worldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 04.09.2022).

Kevin Hart Instagram. URL: https://www.instagram.com/p/B_sXT3iFDzs/ (дата обращения: 04.09.2022) (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией).

Rihanna Twitter. URL: <https://twitter.com/rihanna/status/1254488668439363584> (дата обращения: 04.09.2022) (заблокирован на территории РФ).

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (дата обращения: 05.09.2022).

Snoop Dogg Facebook. URL: <https://www.facebook.com/snoopdogg> (дата обращения: 04.09.2022) (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией).

T.N. Tikhon

Teacher of the Department of History and Grammar of the English Language
Minsk State Linguistic University

SOCIO-CULTURAL MARKING OF INTERNET SLANG IN SOCIAL NETWORKS (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

The article deals with a socially oriented phenomenon, belonging to informal communication that is characterized by accelerated development, i.e. slang; analyzes the most significant social and territorial communities that contribute to the filling of Internet slang in social networks; reveals the most typical for these communities slang terms; establishes the reasons that contribute to the spread of the slang terms among the English-speaking population of the world.

Key words: slang; internet slang; slangism; African Americans; hip-hop culture; LGBT community; territorial marking.

УДК 81'27

Дарья Егоровна Чурина
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
churina.dasha8@gmail.com

СЕРИАЛЬНОСТЬ В СОЦСЕТЯХ: КАРТОЧНЫЙ ФОРМАТ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА

В работе анализируется феномен сериальности в социальных сетях. Удобство восприятия и органичная встраиваемость в жизнь пользователя позволяют сериалу стать оптимальным типом организации новостного контента. Объектом исследования выступают посты бизнес-медиа РБК за 2021 год. Исследование проводится в Информационной системе «Семограф» (semograph.com). В работе противопоставляются посты-некарточки, которые были конвертированы под формат соцсети, и посты-карточки – отдельный вид контента, близкий к презентациям и инфографике. В ходе исследования проанализированы темы, которые хорошо конвертируются в формат карточек в социальной сети.

Ключевые слова: нарратив; социальные сети; сериальность в соцсетях; новостной контент; посты-карточки.

Сериальность не является новым феноменом для человеческой культуры: это возвращение к традиционным или даже архаическим принципам создания текста, однако свое развитие в новых медиа данный принцип организации информации начинает относительно недавно.

Для анализа феномена сериальности стоит обратиться к более широкому понятию нарратива. «Нарратив – форма коммуникации и организации человеческого опыта, которая представляет собой репрезентацию событий, представленных в виде временной или причинной последовательности в определенной семиотической системе» [Качанов 2021: 22]. В медиaprостранстве нарратив также является коммуникативной техникой, неким способом передачи информации. Нарратив в новых медиа предоставляет зрителю расширенные способы погружения в «историю» (рассказываемое событие). Пользователь – уже не сторонний наблюдатель, а часть этой истории благодаря коммуникативному эффекту, который превращает зрителя в адресата сообщения. «Сериал» и «сериальность» – часть медианарратива. «Сериал – универсальный формат, прочно вошедший в жизнь потребителя масскульты. Не без оснований можно говорить о том, что приобщение к сериальной продукции – одна из форм современной медиазависимости» [Захарченко 2017: 1–2].

Данный феномен известен человечеству давно. Например, «Мифы и легенды Древней Греции» есть не что иное, как воплощение сериальности в виде собрания историй о богах Олимпа и древнегреческих героях. Ближайшим же прототипом современных серий можно назвать роман-фельетон, зародившийся во Франции XIX века, и роман-сериал, появившийся в том же веке в Англии.

Серии и сериальность – это прежде всего следование определенному формату. «Принцип сериальности на сегодняшний день является одним из продуктивных в оформлении контента. Он позволяет тиражировать, популяризировать наиболее зрелищную, коммерчески выгодную телепродукцию, он обладает эффектом повторяемости, позволяет зрителю стать частью экранного действия» [Захарченко 2017: 2].

Сериал выгоден с точки зрения «упаковки» – массовый продукт создается и продается по частям, в маркетинге возрастает потребность в продолжении и производстве новых серий, разработке и создании новых форматов. Сериальная продукция встроена в жизнь потребителя масскульта, что приводит к медиазависимости. Новшество сериала заключается в изобретенном способе потребления: небольшая продолжительность серии, которая легко встраивается в график работающего человека, дополненная возможностью бесконечного продления – а значит, долгого наблюдения за жизнью героев. Формат сериала очень удобен для современного зрителя и тем, что режиссерское решение облегчено: зритель может начать смотреть сериал с любого сезона без потери смысла. Благодаря этому потребитель может осуществлять просмотр в «фоновом режиме», пока занимается другим делом: например, во время уборки, еды или поездки в транспорте (что в современном мире является частой практикой).

Среди причин актуализации феномена сериальности в медиасфере выделяют ускорение темпа жизни. Отсюда следует вывод, что современному человеку необходима быстрая, «клиповая» информация, возникает потребность воспринимать ее с первых секунд.

К специфическим чертам сериала мы можем отнести особый формат данного жанра: он имеет точный размер и интервал серий, обладает прерывистостью формы изложения и увлекательной фабулой, сочетает вымысел и реальность и характеризуется интригующим поворотом сюжета. Кроме того, сериал тесно связан со зрителем. Потребитель масскульта приобщен к сериальной продукции, для него сериал – доступный и удобный формат, который легко встраивается в жизнь современного человека. Зритель способен не только наблюдать за развитием сюжета, но и влиять на него. Принцип сериальности предполагает обращение к общеизвестной и интересной теме, которая отличается наибольшей приближенностью к зрительскому опыту.

Эти особенности обуславливают тот факт, что сериальность как модель телепрограммирования успешно реализуется не только в телевизионных сериалах, но и в социальных сетях. Реализация сериальной стратегии SMM возможна по трем моделям: серия постов; спецпроект; сериал.

Наиболее простой и доступной как для автора, так и для пользователя стратегией SMM по типу сериала является серия постов. Одним из таких видов можно считать посты-карточки. Карточки – формат, который помогает авторам оформить сложную информацию в доступной форме, представить материал в виде истории, развлечь читателя. Это вид контента, который содержит элементы инфографики или презентации. Размещать текст не внутри поста, а на картинках

– это подходящий вариант, когда нужно просто и эффектно выделить контент на фоне остального в ленте. Карточка может содержать текст, ссылки, картинки, видео, инфографику и GIF-анимацию. С помощью такого контента можно рассказать историю, дать пошаговую инструкцию или рецепт, опубликовать список популярных направлений для путешествий, описать преимущества и недостатки подходов к организации семейного бюджета. Формат карточек подходит для авторов, которые создают интересный контент, но не пишут длинные тексты. Более того, карточки удобны для пользователя своей организованной структурой и выделяющимся дизайном. Они ориентированы на мобильные телефоны, так как зачастую люди потребляют информационный и развлекательный контент именно с мобильных устройств.

Из классического сериала карточки позаимствовали точный размер, что реализуется в строгом формате организации контента, где расположение материала ограничено; также карточки обладают единым оформлением. Увлекательность сюжета подкрепляется ярким заголовком и дальнейшим описанием проблемы. Посты-карточки удобны по своему формату для пользователя, они наглядны и понятны, тематика приближена к опыту читателя.

В нашей работе анализируются два противопоставленных друг другу типа организации новостного контента: посты-карточки, содержащие особенности принципа сериальности, и посты-некарточки, не содержащие в себе элементы инфографики и состоящие из фотографии и описания под ней.

Всего проанализирован 1081 пост за 2021 год, среди которых 556 постов-карточек и 525 – некарточек. Контент взят из интернет-издания Rbc.ru, занимающего первое место в рейтинге ТОП-10 популярных российских интернет-СМИ 2021 года. РБК – холдинговая компания России, которая включает в себя различные медиаресурсы и публикует статьи и новости на тему бизнеса и экономики. Отбор контента был проведен по месяцам в равных долях.

Анализ постов проводился в информационной системе «Семограф»: сначала были выделены темы текстов во всех постах, далее по общим основаниям мы объединили темы в смысловые поля и определили частоту их встречаемости.

На основании полевого анализа постов-карточек всего было выделено двадцать шесть полей: Числовые характеристики (встречаемость – 35), Бизнес (32), Подборки (30), Интертекстуальность (26), Бизнесмены (24), Карьера (19), Бытовые проблемы (13), Взаимоотношения с коллегами (10), Финансы (9), Деятели культуры (8), Культурная жизнь общества (7), Урбанистика (7), История (6), Международные проблемы (6), Рынок (6), Технологии (6), Литература (5), Поведение людей в интернете (5), Законодательство (4), Образование (4), Политические новости (4), Криминалистика (3), Отдых (3), Политики (3), Психология (3), Covid-19 (3).

Анализ позволил выявить тематические группы, значимые для анализируемого новостного дискурса, в целом: *Числовые характеристики* (35), *Под-*

борки (30), **Интертекстуальность** (26). Данные темы отражают способы формальной организации новостного контента: что именно обязательно сохраняется новостным изданием при переходе в среду социальных сетей.

Наиболее значимые тематические поля из выборки *некарточек* – **Политики** (16), **Политические новости** (13), **Чрезвычайные ситуации** (13) – связаны с переходом новостей в социальную сеть, ориентированную на визуальность. Так, наиболее типичные и востребованные новостные повестки просто были перенесены в среду популярной соцсети.

Наиболее встречаемые тематические блоки, характерные для постов, организованных по принципу сериальности (наиболее значимые в *карточках*), – **Подборки** (встречаемость 30), **Бизнес** (32), **Бизнесмены** (24), **Карьера** (19). Мы сделали вывод, что в рассматриваемой нами социальной сети данные темы авторами постов (в соответствии с редакционной политикой) оцениваются как хорошо конвертируемые в карточный формат. Это происходит благодаря близкой аудитории тематике и тому, что бизнес-темы подходят ресурсу РБК.

На основании анализа совместной встречаемости тематических полей в постах-карточках мы на платформе Scivi создали семантические модели, отражающие самые распространенные новостные сюжеты, для которых в РБК избирался формат карточек в 2021 году.

На рисунках представлены графические модели, репрезентирующие наиболее типичные группы связей между темами новостей, которые РБК транслировали в Инстаграм (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией).

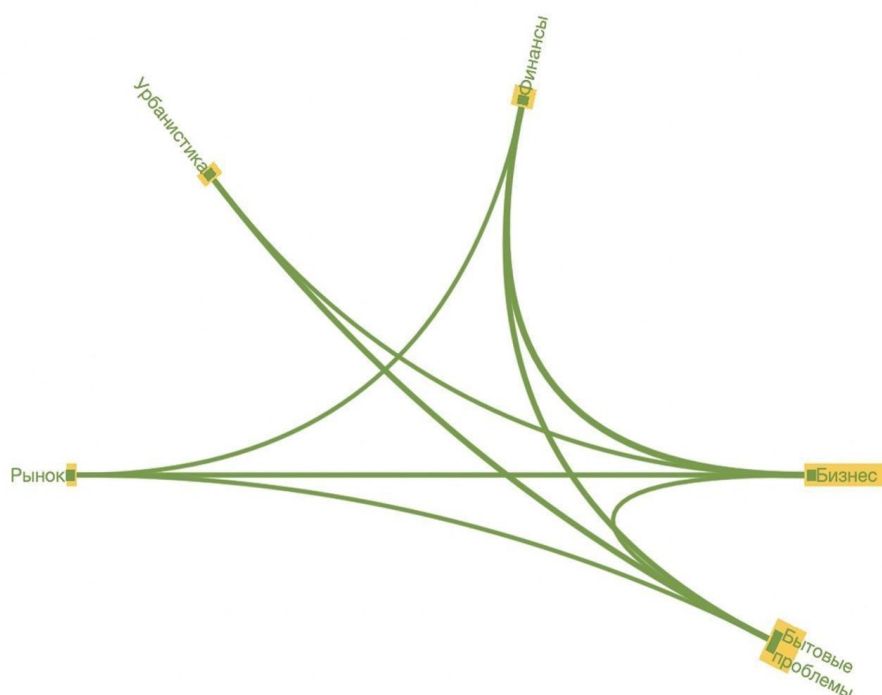

Рис. 1. Основные направления бизнес-проблематики

На Рисунке 1 представлен сценарий, в котором наиболее важно тематическое поле **Бизнес**. Самая большая связь наблюдается между полями **Бизнес** и **Финансы**. **Бизнес** также сталкивается с полями **Урбанистические** и **Бытовые проблемы** (как представители бизнеса решают/игнорируют проблемы города/региона, с которым связаны; какие вопросы организации своей повседневной жизни их интересуют). С точки зрения сериальности мы видим актуальные для пользователя направления для освещения бизнес-проблематики.

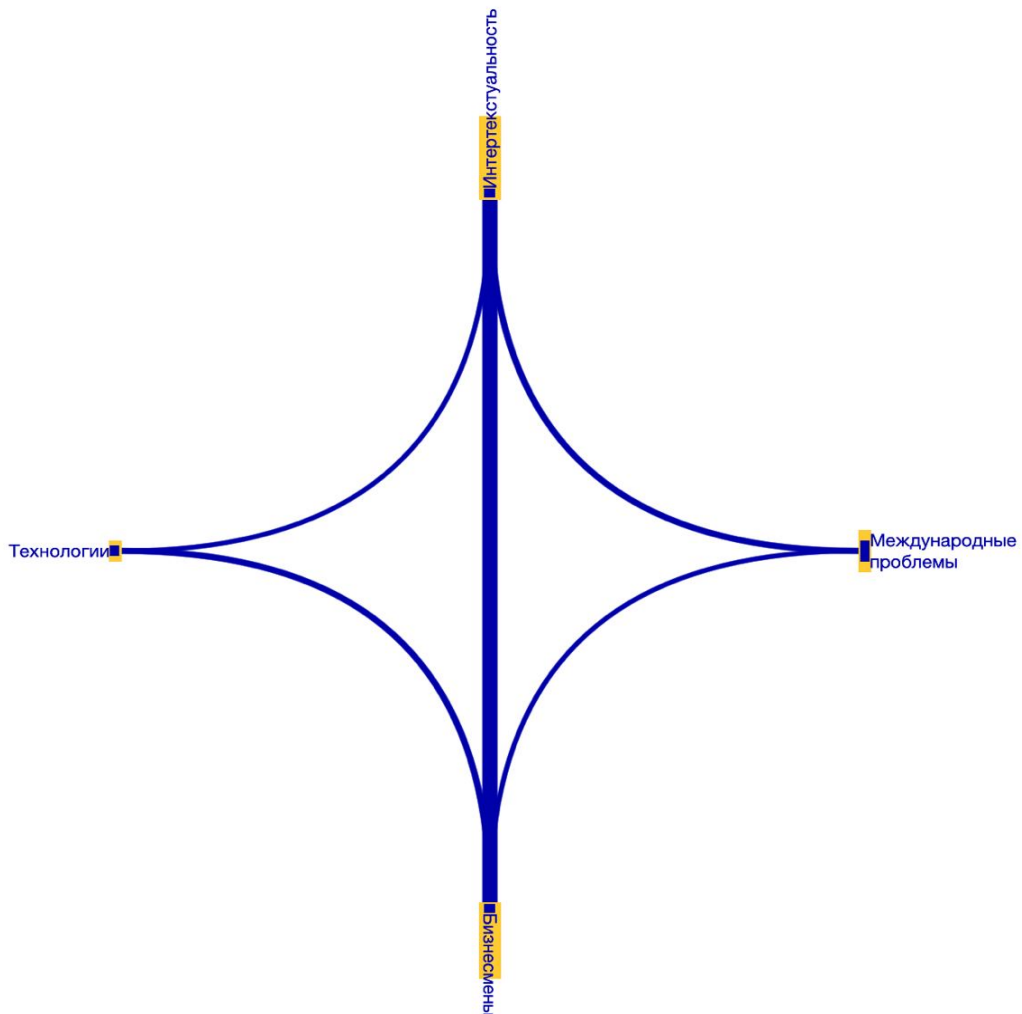

Рис. 2. Личные истории бизнесменов

На Рисунке 2 мы видим еще один часто встречающийся сценарий организации новостного контента в виде карточек. Следует отметить важность персоналий, сильных личностей, «главных героев» и их историй, их слов и действий. Это выражается очень сильной связью тематического блока **Бизнесмены** с блоком **Интертекстуальность** (на Рисунке 2 связь отображена линией). Как часть личных историй бизнесменов здесь разворачиваются темы технологического развития (на Рисунке 2 мы видим связь полей **Бизнесмены** и **Интертекстуальность** с полем **Технологии**). Через истории персоналий бизнесменов

также происходит выход на международную проблематику (связь с полем *Международные проблемы*). Таким образом, в сериалах важны истории основных персонажей.

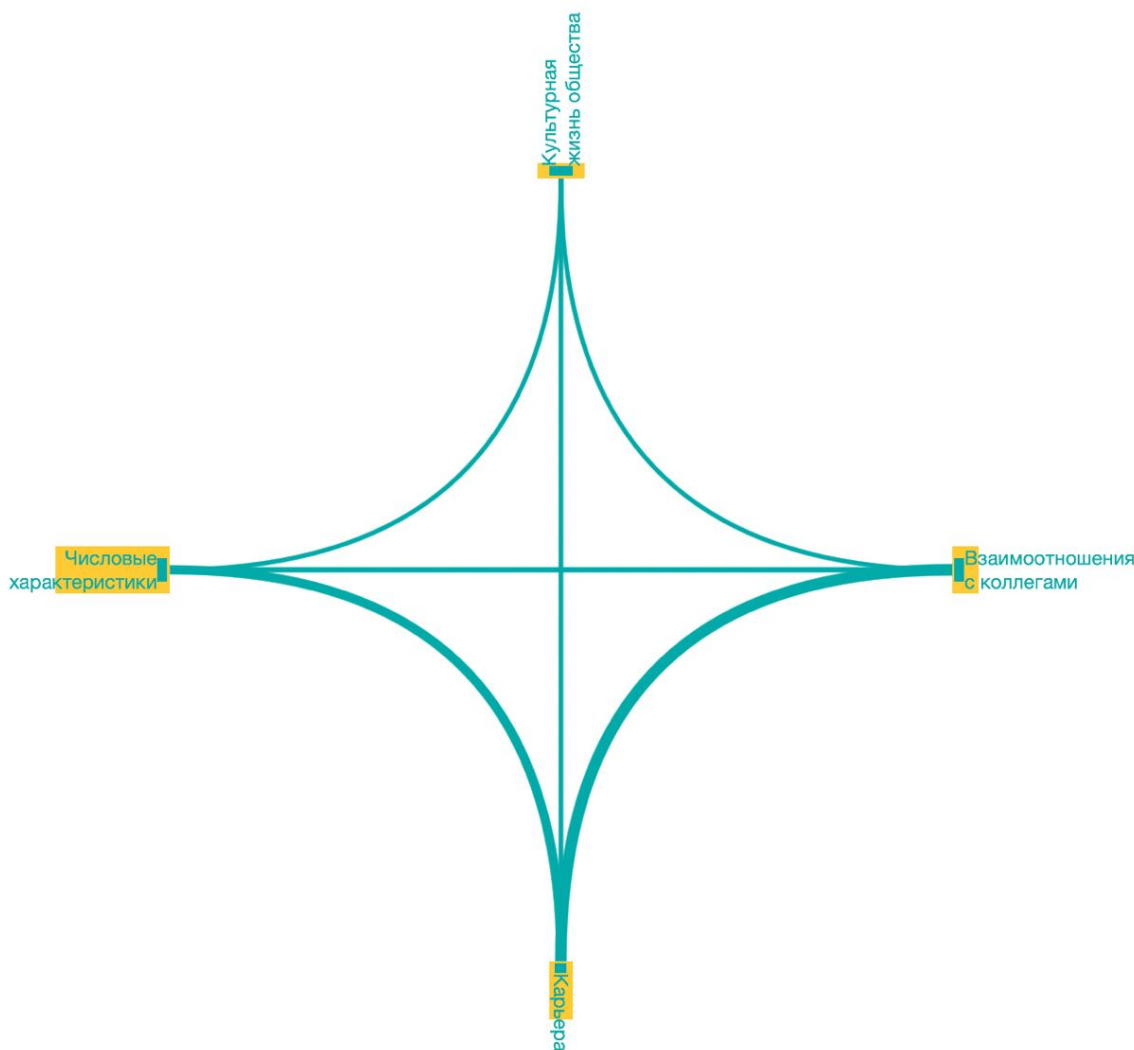

Рис. 3. Истории о карьере

Модель на Рисунке 3 демонстрирует информационный сюжет, разворачивающийся вокруг значимого тематического блока, выраженного полем **Карьера**, в которое входят истории карьерного роста известных фигур бизнеса, а также различные советы для руководителей компаний и для сотрудников в рабочем пространстве. В данном блоке принцип сериальности вновь представлен через изображение продолжающейся истории, а также в виде советов о том, как стать успешным в рабочем пространстве, что является актуальной темой для среднестатистического человека.

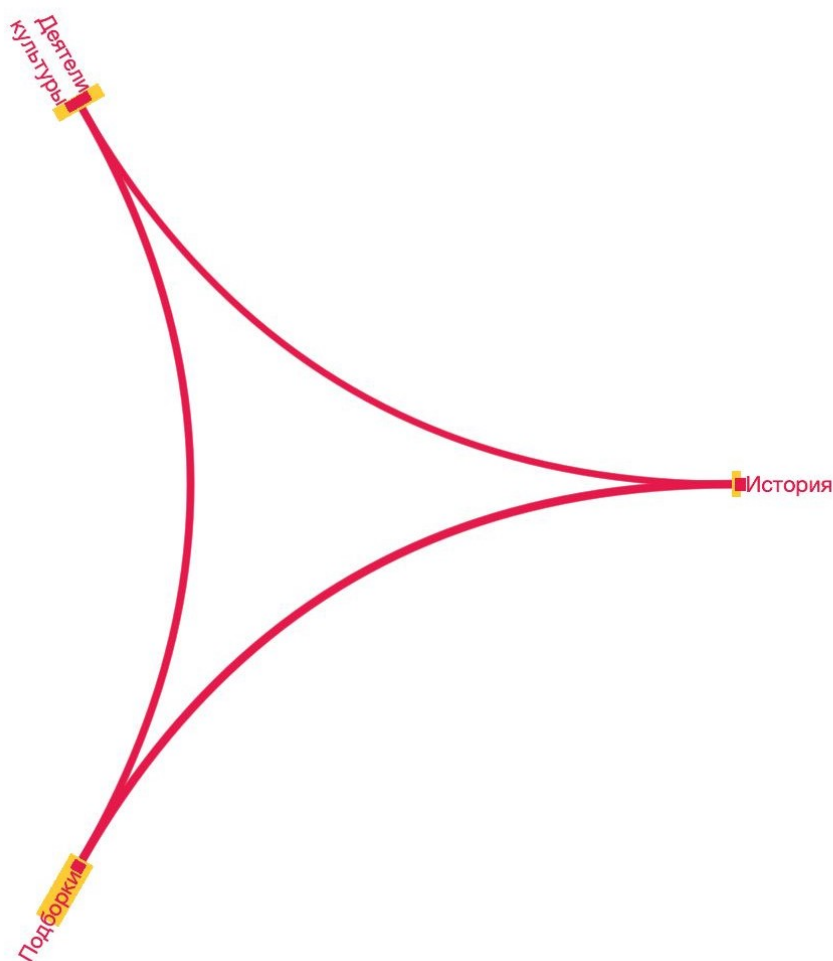

Рис. 4. Истории о деятелях культуры

На Рисунке 4 представлен сценарий, раскрывающий реализацию формального эквивалента сериальности в организации новостного контента – представлении информации в виде подборок карточек. Несмотря на частотность тематического поля *Подборки*, последовательно карточки организуются таким образом только при освещении культурно-исторической проблематики. Так принцип сериальности реализуется здесь в подборках и новостях о значимых для истории и культуры персонажах.

В рамках всей выборки большим количеством связей между собой связаны тематические кластеры «Основные направления бизнес-проблематики» и «Личные истории бизнесменов». Эта тематическая близость обусловлена общими смысловыми полями *Бизнес* и *Бизнесмены*. Также наблюдается сильная связь между кластерами «Истории о карьере» и «Истории о деятелях культуры», это происходит из-за связи доминирующих по важности полей *Подборки* и *Числовые характеристики*. Мы видим, что новостной контент РБК, организованный по принципу сериальности, очевидно объединяет такие темы, как культура и карьера, а также истории бизнесменов и основные проблемы бизнеса в целом, что

вполне логично с точки зрения интересов издания и законов организации информации, диктуемых жанровой формой.

Таким образом, сериальность – это продуктивное и удобное оформление контента. Было выявлено, что карточки обладают особым формальным признаком – организацией информации в виде тематических подборок. И в формат данного типа постов хорошо конвертируется тема бизнеса, представленная полями **Бизнес, Бизнесмены и Карьера**. Эта тема разворачивается в виде историй отдельных личностей, истории подаются в интересующем обычного человека ракурсе; на первое место выходят принципы продолжаемости и циклизации, оформления в подборки. Другие темы, которые РБК начинает постепенно вводить в формат карточек, связаны с культурной жизнью и спортом; эти темы также организуются по уже апробированным принципам карточной сериальности. После генерации семантических карт и создания сценариев кластеров, которые сформировались на основе данных семантических карт, мы определили, что сильным в аспекте сериальности является сценарий «Личные истории бизнесменов». В данном кластере на первый план выходит не бизнес, а человек в бизнесе, некий персонаж: это особенно ценно для зрителя и является особенностью сериального мира. Это развивает и уточняет такие общие черты сериальности, как ориентация на потребителя и увлекательная фабула личных историй бизнесменов.

Список литературы

Абашев В.В., Абашева М.П. Новеллизация игровой вселенной как серийное производство: межавторский литературный цикл S.T.A.L.K.E.R – STALKER – СТАЛКЕР // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий: моногр. / Г. Л. Тульчинский [и др.]; отв. ред. Т. Е. Автухович; под науч. ред. М. П. Абашевой, И. Л. Савкиной, М. А. Черняк. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 68–84

Захарченко Н.А. Принцип сериальности как способ организации современного телевизионного контента // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т.1. № 2. С. 140–146.

Захарченко Н.А. Принцип сериальности как способ организации современного телевизионного контента / Фетисова Т.А. Культурология. 2018. № 4(87). С. 201–204.

Качанов Д.Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // МедиаАльманах. – 2021. №. 3 (104). С. 20–29.

Качанов Д.Г. Нарратив в мультимедийных журналистских проектах: от вербальной к поликодовой технике // МедиаАльманах. 2019. № 1. С.59–69.

Тульчинский Г.Л. Сеттинг, сериальность и запрос на стабильную смысловую картину мира // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий: моногр. / Г.Л. Тульчинский [и др.]; отв. ред. Т.Е. Автухович; под науч. ред. М.П. Абашевой, И.Л. Савкиной, М.А. Черняк. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 7–17.

Цветкова О. Л. Онтологические аспекты сериальности // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий: моногр. / Г.Л. Тульчинский [и др.]; отв. ред. Т.Е. Автухович; под науч. ред. М.П. Абашевой, И.Л. Савкиной, М.А. Черняк. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 18–28.

Черняк М.А. Литературный сериал и роман-буриме в контексте жанровых экспериментов новейшей литературы // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий: моногр. / Г.Л. Тульчинский [и др.]; отв. ред. Т.Е. Автухович; под науч. ред. М.П. Абашевой, И.Л. Савкиной, М.А. Черняк. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 128–142.

D.E. Churina

Student of Philological Faculty
Perm State University

PHENOMENON OF SERIES IN SOCIAL NETWORK: HOW CARDS ARE USED IN NEWS REPORT

The paper analyzes the phenomenon of series in social networks. The convenience of perception and organic usefulness in the user's life allow the series as the optimal type of news content. The object of the study is the posts of the RBC news business media for 2021. The research is carried out in the Information system "Semograph" (semograph.com). The work contrasts non-card posts, which have been converted to the format of a social network focused on the visual presentation of the material, and card posts. It's a separate type of content that is close to infographics. In the course of the study, the main topics that are well converted into the format of cards in a social network are analyzed.

Key words: narrative; social network; series in social networks; news report; card.

УДК 81'27

Анастасия Андреевна Стародумова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
starmeda0111@gmail.com

АРХЕТИПИКА УСПЕШНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОПУЛЯРНОГО БЛОГА)

Статья посвящена изучению архетипических образов и сюжетов, влияющих на продвижение товаров и услуг в блогосфере. Архетипические образы, реализованные в текстах, могут способствовать более эффективной коммуникации с аудиторией, так как они оказываются более близкими массовому сознанию. В условиях постоянного развития мира архетипические схемы, укорененные в человеческом бессознательном, трансформируются, обращение к актуальным образам, имеющим архетипическое основание, помогает в успешном продвижении бизнеса. В статье рассматривается вопрос о том, с помощью каких архетипов, сценариев и схем нужно взаимодействовать с потребителем, чтобы произвести впечатление на аудиторию и подтолкнуть ее к обратной связи.

Ключевые слова: архетип; продвижение; сюжет; сценарий; образ.

Архетипы – устойчивые схемы образов и сюжетов, скрытые в глубинах бессознательного. Это своего рода первичные представления о мире, жизни и человеческих отношениях, которые являются базовыми и не зависят от уровня образованности. К ним относятся также врожденные символы, модели восприятия, мировоззренческие идеи, коллективные установки, универсальные конструкты психики, воспоминания и т.д. По мнению исследователей, бессознательные процессы имеют важное значение, так как они влияют на мышление, чувства и поступки. Описывая процессы передачи архетипов от поколения к поколению, исследователи используют термин «социальное наследование» [Бондырева, Колесов 2007: 176].

Каждый архетип выполняет свои задачи и имеет свои поведенческие характеристики, смыслы, уровни ценностей, качества, триггеры, влияющие на эмоциональное состояние человека и вызывающие в нем те или иные реакции. Единое число архетипов определить сложно, но возможно обратиться к самым основным. Основатель учения о коллективном бессознательном К.Г. Юнг к ним относил Персону, Тень, Аниму, Анимус, Мудреца и Самость. Каждый из них, по мнению ученого, реализует последовательные этапы становления и развития внутреннего мира человека [Шульга 2014: 177]. Все выделенные исследователем архетипы обладают набором как положительных, так и отрицательных черт, имеют свои особенности, при этом они взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга.

Архетипические образы и символы отражаются в языке и литературе. С точки зрения архетипики, языковой знак имеет двойственную природу. С одной стороны, он обладает всеми семиотическими характеристиками, вызванными его условностью. С другой стороны, языковой знак реализуется как образ, в котором все воображаемое, повествовательное и конкретное выступает в качестве символа, указывающего на таинственность референта, на иную действительность. В связи с этим возникает новый смысл: пересечение связей реальности и ирреальности, то есть того, что воображаемо. Вместе эти две стороны олицетворяют целостность мировоззрения, стремление «во временном увидеть вечное» [Алефиренко 2014: 12]. Первичные схемы образов и сюжетов составляют некий первоначальный фонд литературного языка, понимаемого в самом широком смысле.

Архетипические сюжеты в рекламной коммуникации используются для воздействия на сознание человека. Образы и символы в рекламе, отражая объективную реальность, одновременно оказывают влияние и на восприятие действительности, то есть рациональную сферу человека, и на бессознательное – эмоциональную составляющую индивида [Кошлякова 2011: 210].

Воздействие архетипических образов в рекламе не осознается человеком так просто. Такой процесс специфичен, подчинен факторам формирования сознания, зависящим от картины мира, сложившейся под влиянием средств массовой информации. На сознание оказывает давление также восприятие себя и своего внутреннего мира. Каждая компания при создании рекламного продукта указывает на его ценность и старается донести ее до потребителя с минимальными искажениями. Архетип предполагает соединение индивидуальных ценностей, идей и смыслов с общенациональными и общечеловеческими. Это позволяет архетипической теории быть применимой к налаживанию грамотного позиционирования личного бренда, компании или уникального продукта.

Символы придают компаниям и их услугам «живость», позволяющую разрабатывать движущие силы бренда, формы коммуникации и общие ценности аудитории, которые, в свою очередь, влияют на психологический портрет целевой аудитории.

Архетипы воплощают личность бренда и предоставляют возможность точнее угадывать боли целевой аудитории с помощью сформированного образа компании. Образы позволяют, во-первых, определить сильную связь с целевой аудиторией, во-вторых, сделать акцент на индивидуальности бренда, которая отличает его на рынке товаров и услуг. Модели поведения, запрограммированные в нашем подсознании, формируются из нашего личного опыта, из того, что мы где-то видели или слышали. Знакомые нам модели поведения при продвижении передаются архетипическими образами и сюжетами.

Для выявления архетипических составляющих сценария успешного продвижения блога в медиaprостранстве мы анализировали посты популярной российской медиа-персоны и блогера Александры Митрошиной, вошедшей в топ-3

рейтинга самых популярных аккаунтов в России в категории «Предприниматели». Материал отобран из социальной сети Инстаграм (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией).

Из 54 постов мы выделили тематические компоненты, которые сгруппировали в тематические поля. Получившиеся направления соответствуют наиболее известным архетипическим сюжетам, по нашему мнению, обуславливающими популярность при ведении А. Митрошиной своего блога в этой социальной сети. Они нацелены на передачу ценностных установок девушки, на ее страхи, переживания, а также на главные составляющие ее жизни. Анализ осуществлялся в ИС «Семограф» (semograph.com).

Среди 19 получившихся архетипических образов и мотивов мы определили значимые и незначимые с точки зрения встречаемости в выборке. К частотным можно отнести архетипы Мудрец (встречаемость 20), Учитель (16), Трансформация (20). Менее встречаемыми являются Искатель (6), Борьба (6), Любящий (6), Смерть-возрождение (5).

Архетипические сюжеты реализуются в постах А. Митрошиной посредством отбора предпочитаемых тем: блогер преподносит читателю лучшие стороны себя как личности, не обращая внимание на другие, намеренно или бессознательно «вычищая» то, что считает слабостью или отрицательной чертой.

Далее на основании семантических карт совместной встречаемости тематических групп в выборке были построены круговые графы в визуальном редакторе Scivi. У нас получилось 4 сценария (кластера), которые демонстрируют наиболее важные связи между архетипами продвижения, характерными для блогерской деятельности А. Митрошиной.

На Рисунке 1 представлен первый кластер. Он объединяет наиболее важные поля, которые образуют сильные связи. Мы считаем, что он демонстрирует и затрагивает главные и самые актуальные темы в блоге А. Митрошиной.

Архетипы Трансформация, Мудрец и Учитель взаимодействуют с другими полями больше всех. При этом все три образа напрямую взаимодействуют с образом Героя (встречаемость 10), который в текстах А. Митрошиной, очевидно, через сюжеты Трансформации превращается то в Мудреца, то в Учителя. Блогер показывает, что пытается создать лучшую версию себя, трансформируя и развивая свои качества. Архетип Хаос (7) в этом сценарии обозначает определенные переходные состояния, человеческие переживания, передает иногда потерянность и бессмысленность. В это тематическое направление входят редкие случаи, когда блогер задевает темы личных переживаний, дополняя наиболее сильные архетипы.

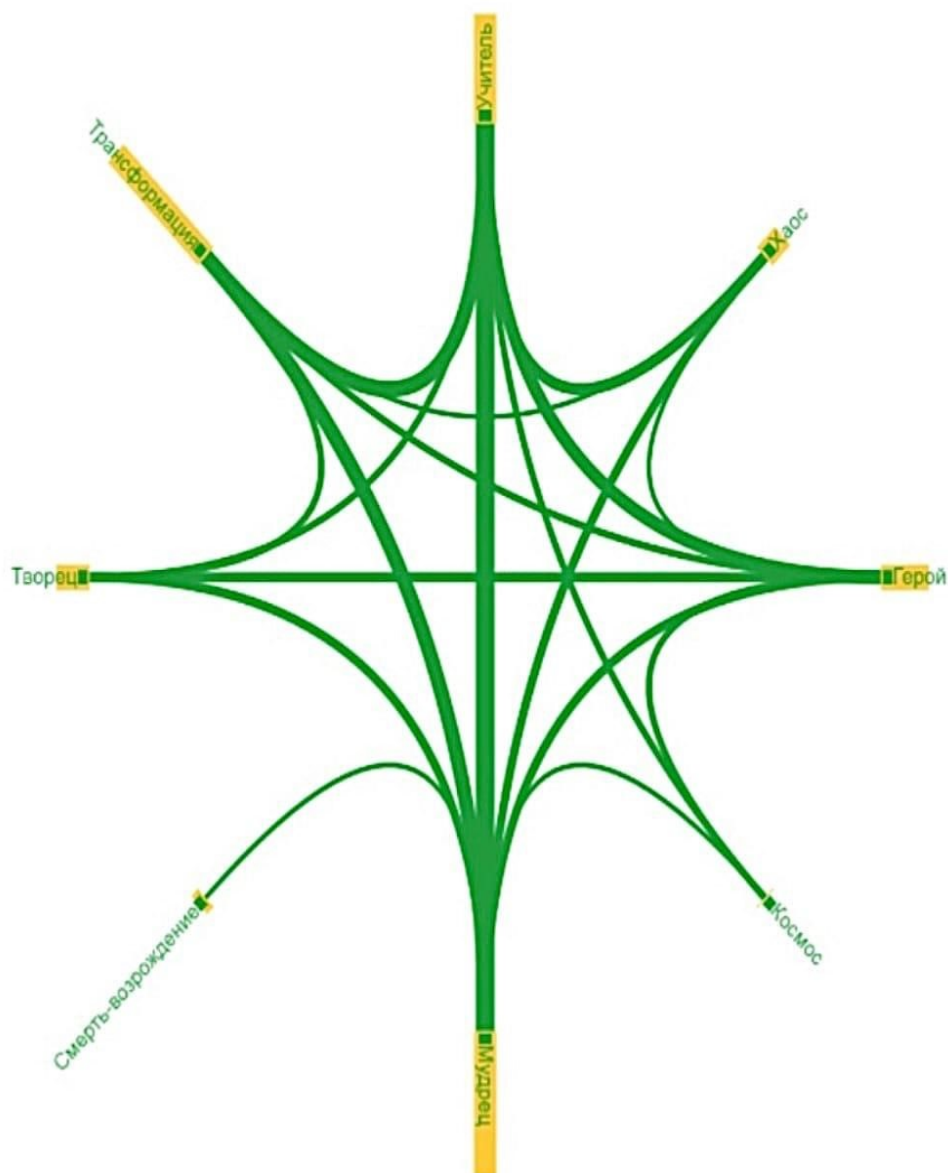

Рис. 1. Ведущие ипостаси главной героини в постах блога А. Митрошиной

На Рисунке 2 представлен сценарий, состоящий из малозначительных по частотности полей (показатели незначительно отличаются от средних). Здесь мы видим сочетание архетипа Путешествие (встречаемость 11), Борьбы и Маски (8). Этот кластер основан на внутренних, скрываемых переживаниях А. Митрошиной, на которых она старается не акцентировать внимание.

Стоит заметить, что доминирующим архетипом в кластере является Борьба. А. Митрошина противодействует внешнему миру, сложностям жизни, сопротивляется им, старается держаться до конца и в то же время мотивировать людей на успех. Возможно, девушка бросает вызов самой себе, чтобы проверить себя и свои возможности. Об этом свидетельствует та половина кластера, которая тематически совпадает с первым: Борьба и Путешествие тесно связаны с желаемыми и демонстрируемыми явно ипостасями героической личности (какой

хочет предстать автор блога), соотносимы со сценарием Трансформации. Но кластер вскрывает и обратную сторону этого сценария. Так, обнаруженный архетип Страх (7) имеет связь только с архетипом Борьбы. Можно предположить, что блогер показывает свои страхи и беспокойства, характеризуя ту или иную ситуацию, связанную со столкновением с обстоятельствами и противостоянием им. Несмотря на это, девушка также старается скрыть данную сторону формирования ее как личности. А архетип Маска обнаруживает тенденцию сокрытия истинного: чувств, мыслей, желаний – и выстраивание образа «для всех», «напоказ», бесстрашного героя, жаждущего путешествий и борьбы, вместо вытесняемого боящегося персонажа.

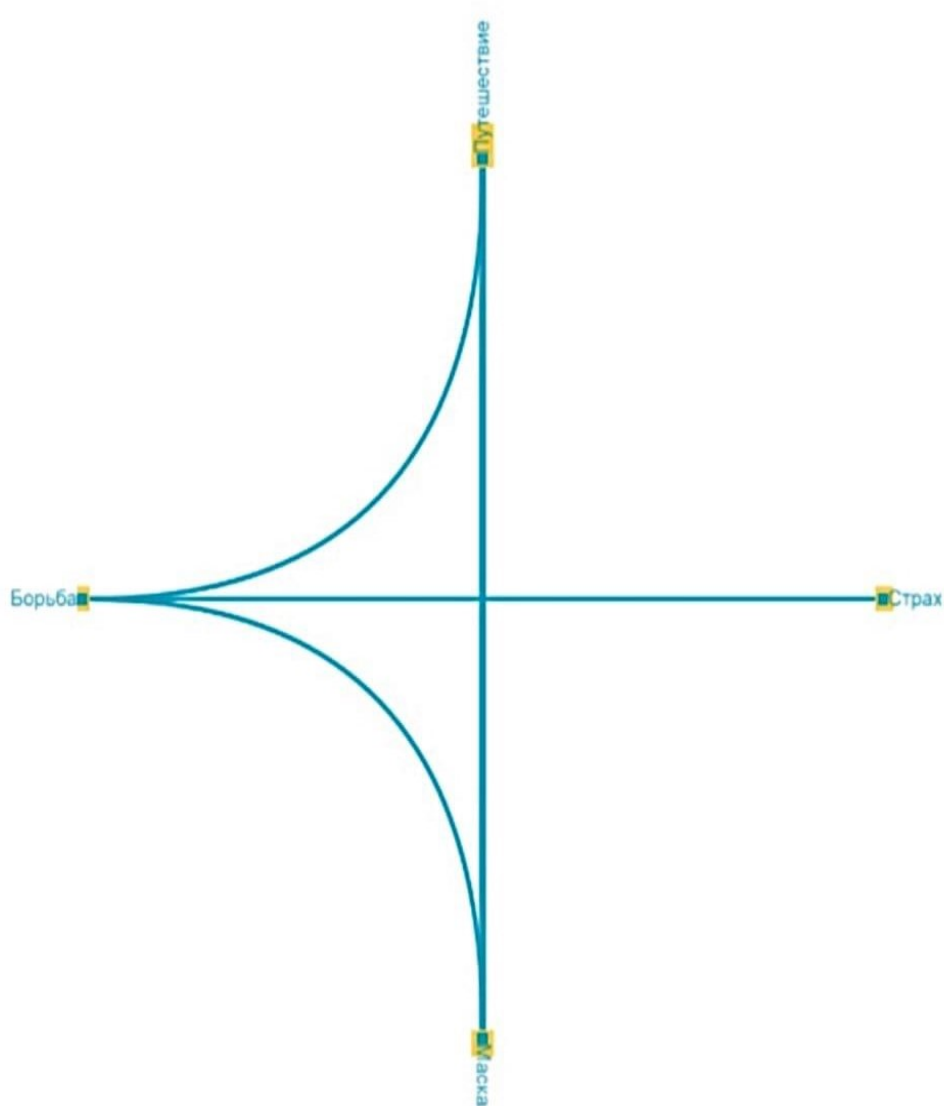

Рис. 2. Скрываемые ипостаси главной героини в постах блога А. Митрошиной

Рисунок 3 отображает третий кластер. Сценарий не менее важен для понимания архетипической логики продвижения личного блога А. Митрошиной. В сценарии появились такие образы как Любящий (встречаемость 6), Анима (5)

и Кузнец (8). Сюжет основан на теме любви, в частности – к своему делу. С помощью архетипа Анима передается мысль, что человеку нужны внутренние изменения, он указывает на характеристики, которых не хватает нашей душе. Архетип Любящий связан в постах А. Митрошиной с принятием, пониманием себя и бережным отношением к себе. Но главное в этом архетипе – черты подчеркнутой женственности. Стоит обратить внимание, что Кузнец, очень близкий к архетипу творца и демиурга, уточняет образ Анимы как раскрывающей свою суть через дело, которым занимается. Этот мотив сильнее выражен в первом кластере. Но акцент в третьем сценарии сделан не на знаниях и передаче опыта, здесь выдвигаются на первое место чувства и душевный отклик. Кластер 3 строится вокруг осознания героиней себя как женщины, способной любить (архетип Любящий). Однако сценарий строится из нечастотных архетипических образов, что в общем контексте выборки свидетельствует о предпочтении автора блога в пользу трансформации своей способности любить в самореализацию в качестве бизнесвумен, героя, борца. Архетипические образы третьего сценария характеризуют душевное состояние героини постов.

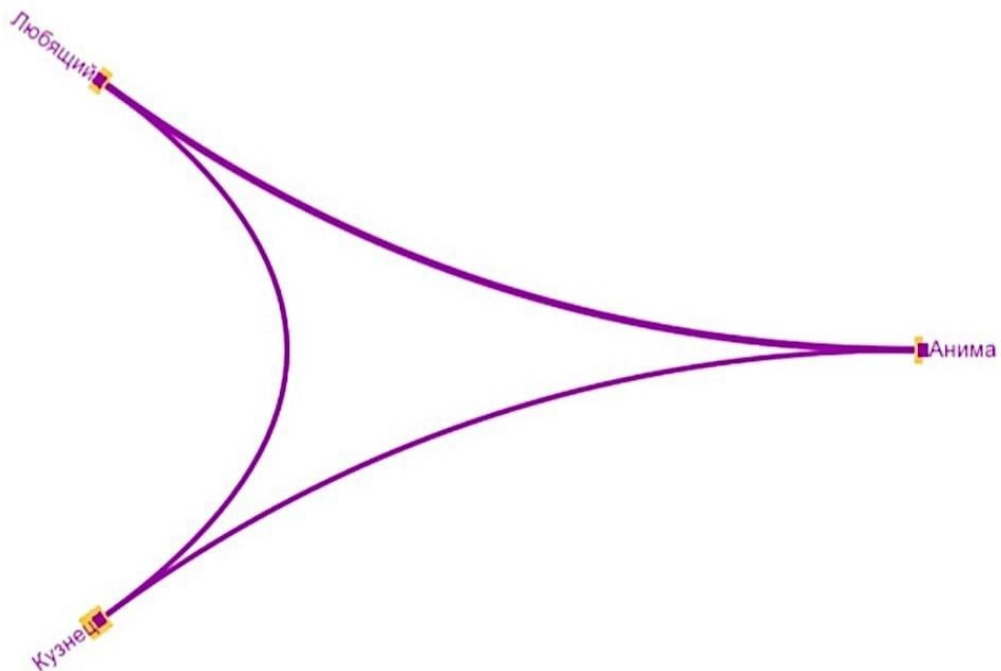

Рис. 3. Трансформация женского начала в постах блога А. Митрошиной

Последний кластер на Рисунке 4 отображает два смежных по смыслу архетипа. Путь (встречаемость 8) и Искатель – незначительные по встречаемости поля, значение которых ближе к среднему. А. Митрошина проявляет интерес ко всему новому. Можно сделать предположение, что одно из ее желаний – свобода выбора и поиска себя. Она ищет себя самостоятельно, демонстрируя свои шаги к намеченным целям. Цель блогера – найти тех, кто с ней близок во взглядах на жизнь.

Рис. 4. Цели главной героини в постах блога А. Митрошиной

Архетипы развиваются и приобретают новые смыслы, влияющие на массовое сознание людей. Они выявляют определенную модель поведения, акцентируют внимание на мнении потребителя.

На основе полученных данных мы сформулировали рекомендации для успешного продвижения в медиaprостранстве.

1. Наиболее востребованный сценарий, способствующий популярности демонстрируемых в медиасреде личных историй, строится вокруг таких образов, как Мудрец, Учитель, Трансформация; в их основе – попытка сделать лучшую версию себя, изменяя и развивая свои качества.

2. Герои должны скрывать страхи и «вытеснять» боящегося персонажа их повествовательного пространства. Не проявлять в полном объеме беспокойство, переживания, растерянность.

3. Трансформировать свою гендерную особенность. В меньшей степени выделять черты женственности, способность любить как женщина, жена и мать; подобные темы лучше подавать как умение трансформировать свою способность любить в самореализацию.

4. Подчеркивать незавершенность своей истории в качестве цели, что отражает сочетание героя-искателя и истории пути, делая акцент на вечный поиск себя, построение шагов к намеченным стремлениям.

Рекомендации составлены по итогам исследования деятельности одного блогера и в перспективе требуют уточнения и расширения при анализе другого материала, а также после апробации продвижения блога.

Список литературы

Бондырева С.К., Колесов Д.В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учеб. пособие. 2-е изд-е, стер. М., Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2007. 280 с.

Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. №13 (184). С.7–13.

Кошлякова М.О. Архетипическая символика в рекламной коммуникации // Сервис в России и за рубежом. 2011. №7. С. 209–217.

Шульга Е.В. Лингвокультурный анализ языковых сущностей // Известия МГТУ. 2014. №2 (20). С.174–178.

A.A. Starodumova
Student of Philological Faculty
Perm State University

**THE ARCHETYPES OF SUCCESSFUL PROMOTION
(BASED ON THE MATERIAL OF A POPULAR BLOG)**

The article is devoted to the study of images and plots that influence mass consciousness and promotion, the success of which directly depends on archetypes. For more effective activity, it is necessary to turn to the use of archetypal images that affect a person's consciousness. In the conditions of the constant development of the world, archetypal schemes rooted in our unconscious are transformed, the appeal to actual images having an archetypal basis helps in the successful promotion of business. The article discusses the question of which archetypes, scenarios and schemes you need to interact with the consumer in order to impress the audience and push them to feedback.

Key words: archetype; promotion; plot; scenario; image.

УДК 316.77

Александра Дмитриевна Короткевич
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
shu.ink@mail.ru

«ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ»: СОЦСЕТИ В ПРОДВИЖЕНИИ GUNS N' ROSES

На примере музыкальной рок-группы Guns N' Roses мы разберем, как она продвигает себя в социальных сетях (*Instagram* (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией), *Facebook* (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией), *YouTube*, *Twitter* (заблокирован на территории РФ), *TikTok*, в отечественной соцсети *ВКонтакте*). Примечательно то, что все их аккаунты в данных социальных сетях работают как слаженный механизм, вместе работая на успех, если группа выпускает что-то новое (сингл, клип, анонс тура и др.).

Ключевые слова: Guns N' Roses; музыка; продвижение; социальные сети.

В 2021 году быть музыкантом, стремящимся к славе и большой сцене – значит не просто много репетировать, ездить в туры и просиживать месяцами в студии. Это значит вести и продвигать аккаунты во всех популярных социальных сетях, развивать сообщества, посвященные творчеству самих музыкантов, размещать музыку на ключевых digital-площадках, которые позволят более массовой аудитории познакомиться с музыкой новых коллективов [Котлер, Шефф 2012].

Музыкальная индустрия уже начала новую веху развития, где на рост продаж и популярности артиста большее влияние может оказывать количество лайков и подписчиков, нежели плотно забитый концертный график.

Важность соцсетей в продвижении группы Guns N' Roses после 2008 года. Увлекаясь несколько лет музыкой Guns N' Roses, мы прочитали множество публикаций, книг о творчестве группы. Нам стало понятно, что главными способами продвижения группы в 1980–1990-е были выпуски альбомов, видеоклипов, концерты – и их освещение в СМИ, в журналах и на радио.

«Прорыв» же в социальные сети как способа продвижения коллектива начался лишь на рубеже 2000-х, как раз после того, как был выпущен последний альбом группы в 2008 году, и концертные туры в поддержку альбомов как способ продвижения группы стали уже не актуальны.

Именно в этот период ведение соцсетей становится очень значимым в продвижении группы.

Первые социальные площадки GNR. Первые официальные аккаунты группы в социальных сетях начали появляться только в 2008–2009 годах – то есть ровно после того, как группа выпустила свой последний альбом «Chinese

Democracy» (2008) [Guns N' Roses 2022] и выпуск новых альбомов (как и последующие турне в раскрутку их) как средство продвижения группой уже не использовалось. При этом сами соцсети Твиттер (заблокирован на территории РФ) и Facebook (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией) были созданы раньше на несколько лет, в 2004 и в 2006 годах. То есть Guns N' Roses на тот момент не сразу начали использовать социальные сети как инструмент пиар-продвижения.

Facebook Guns N' Roses (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией). Facebook для группы Guns N' Roses – самая важная и популярная соц. сеть среди их фанатов: огромно количество подписчиков – почти 30 млн. Facebook у GNR, в отличие от других социальных сетей, имеет как и социальную составляющую в продвижении группы, так и творческую. На их аккаунте часто можно увидеть фан-арты, видео, где дети и подростки играют различные каверы на их песни, повторяют лук одного из членов команды или же просто одеваются в мерч Guns N' Roses. Группа постоянно выкладывает прямые эфиры, видео с концертов.

Количество лайков на самой популярной записи – 477 252.

Было составлено несколько Google-таблиц, чтобы лучше прояснить, как и на что работает контент внутри аккаунта. По ним и можно увидеть, в какие даты и по поводу каких событий официальный аккаунт Guns N' Roses в Facebook был наиболее активным. Интересно, что по некоторым событиям эти показатели пересекаются, то есть фигурируют одни и те же события – среди самых пролайканных, откомменченных и часто просматриваемых.

Также группа Guns N' Roses всегда знает о том, что происходит в мире и внутри музыкальной индустрии и шоу-бизнеса. Группа быстро реагирует на актуальные происшествия, новости и всегда публикует об этом посты в Facebook, дабы показать, что им не все равно на людей и мир в целом.

По количеству просмотров данная социальная сеть в арсенале продвижения Guns N' Roses лидирует с большим отрывом – 6,5 миллиардов просмотров за все время существования аккаунта. Клип «November Rain» на YouTube стал самым просматриваемым клипом 1990-х, а клип «Sweet Child O' Mine» – 1980-х, что в 2018 было отмечено авторитетными изданиями, такими как Forbes и Loudwire.

Анализируя видеоклипы Guns N' Roses на YouTube, можно понять, какие видео – самые популярные и какие песни нравятся слушателям больше всего. Это November Rain, Sweet Child O' Mine и Don't Cry. Из них 1-ый и 3-ий клипы были выпущены практически одновременно, в 1992 и 1993 годах.

Проведя сравнение с другими социальными сетями группы, мы можем сказать: специфика данной социальной сети в том, что количество публикаций может быть минимальным, но каждая из них (даже менее популярное видео) – это своеобразный рекорд в сравнении с публикациями в других соцсетях по просмотрам и лайкам.

Twitter Guns N' Roses (заблокирован на территории РФ). 3-я по популярности среди фанатов Guns N' Roses социальная сеть – Twitter. Это, прежде всего,

отражение важных текущих событий. Здесь – анонсы мероприятий, оперативный отклик на текущие события в мире. Также здесь публикуются поздравления известным музыкантам и коллегам по цеху с днем рождения и другими значимыми радостными или не очень событиями. Поздравления на популярные католические праздники также публикуются в Twitter и повторяются во всех социальных сетях группы.

За все время существования сообщества здесь было получено 8 млн лайков. Из них только 283 тыс. лайков оставлено под одной, самой популярной записью, где Guns N' Roses сделали ретвит с официальной странички Криса Хемсворта, который представляет новый фильм Marvel (Трейлер фильма «Тор: Любовь и гром» с Крисом Хемсвортом и Натали Портман в главных ролях, в котором играет песня Guns N' Roses – Sweet Child O' Mine).

Также Guns N' Roses и особенно их вокалист – Эксл Роуз в Twitter часто пишут актуальные посты о том, что происходит в мире. Подобные посты всегда выкладываются и на Facebook и в Instagram. Группа действительно следит за новостями и всегда в курсе, что происходит «на улицах».

Instagram Guns N' Roses (запрещен на территории РФ, компания Meta является экстремистской организацией). Аккаунт в Instagram появился у группы в числе последних. Они выпускают по несколько постов практически каждый день. Самая большая активность в их аккаунте в Instagram происходит тогда, когда группа находится в турне или выпускает новые песни, видео. Например, во время их мирового турне «Not in This Lifetime», проходившего с 1 апреля 2016 года по 2 ноября 2019 года, или когда Guns N' Roses выпустили два сингла, «ABSUЯD», который удостоился даже видеоклипа и «Hard Skool», который удостоился лирик видео на официальном YouTube канале GNR. К сожалению, более глубокий анализ аккаунта Guns N' Roses в Instagram по политико-техническим причинам провести не удалось.

TikTok Guns N' Roses. Данная социальная сеть появилась относительно недавно, но быстро набрала популярность в интернете и на сегодняшний день считается одной из самых многообещающих и плодоносных – как в целом, так и для продвижения в соцсетях Guns N' Roses.

Аккаунт в TikTok Guns N' Roses был создан лишь в 2021 году.

После анализа видеопостов в TikTok было выявлено несколько значимых событий, которые GNR часто упоминают: это, например, годовщины релизов песен и клипов November Rain и Sweet Child O' Mine, дни рождения Эксла Роуза и Слэша. Группа часто упоминает эти песни, размещает в TikTok вырезки из их клипов, концертные видео. Также ребята очень любят выпускать вырезки из «свежеотыгранных» концертов. Любые новинки рекламируются в TikTok, повторяется рекламная кампания и на других социальных ресурсах. Данная социальная платформа нужна группе для того, чтобы оставаться в тренде, шагать в ногу с нынешней молодежью, с новым поколением фанатов и любителей музыки.

Самое крупное русскоязычное фан-сообщество ВКонтакте – «We Love Guns N' Roses». Социальная сеть ВКонтакте – отечественная, российская социальная сеть, которой трудно претендовать на всемирную популярность и пользование. Официальных страниц Guns N' Roses в данной социальной сети нет, но зато есть множество фан-сообществ, которые живы и актуальны до сих пор. Для анализа мы взяли самое крупное российское фан-сообщество Guns N' Roses ВКонтакте под названием «We Love Guns N' Roses».

Данное сообщество возникло 11 февраля 2007 года, то есть раньше, чем все официальные аккаунты группы, и это одно из старейших сообществ ВКонтакте в принципе. Фан-сообщества ВКонтакте (и не только) отличаются от официальных представительств группы прежде всего тем, что они не подтверждены самой группой. Это не взгляд самой группы на мир или их обращение к фанатам, а взгляд и отношение фанатов на саму группу.

Группа Guns N' Roses умело пользуется социальными платформами, использует по максимуму инструментарий и особенности той или иной сети, постоянно публикует различные посты и не дает о себе забыть. А если они и выпускают что-то новенькое (новый клип, сингл, тур), то это невозможно упустить, потому что все странички будут пестрить этой новостью. Своей деятельностью продвижения в социальных сетях и в Интернете в целом Guns N' Roses дают как начинающим, так и уже заядлым музыкантам наилучший пример того, как нужно рекламировать себя как музыкальную группу в Интернете. Несмотря на то, что группа начала свой путь существования еще в далеком 1985 году, благодаря их прекрасной музыке и идеальной стратегии продвижения в Интернете, а особенно в социальных сетях, группа никогда не позволит людям забыть о них.

Список литературы

Guns N' Roses // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Guns_N%27_Roses (дата обращения 01.09.2022)

Котлер Ф., Шефф Д. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2012. 364 с.

A.D. Korotkevich

Student of Philological Faculty
Perm State University

«LIFE AFTER LIFE»: SOCIAL MEDIA IN PROMOTING GUNS N' ROSES

Using the example of the musical rock band Guns N' Roses, we will analyze how it promotes itself in social networks (Instagram, Facebook, YouTube, Twitter, TikTok, in the domestic social network VKontakte). It is noteworthy that all their accounts in these social networks work as a well-coordinated mechanism, working together for success if the group releases something new (single, video, tour announcement, etc.).

Key words: Guns N' Roses; music; promotion; social networks.

УДК 778

Мария Юрьевна Бочкарева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
bochkarevamarina01@gmail.com

ЭПОХА 1950-Х В ФИЛЬМЕ «СТИЛЯГИ»: О ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В ИГРОВЫМ КИНО

В статье рассматривается характеристика образа времени в фильме «Стиляги» (реж. В.П. Тодоровский, 2008). На основе разных способов представления образа времени, описанных Н.А. Лысовой, было показано, что репрезентация материальной культуры 1950-х гг. носит гиперболизированный характер. Основное внимание авторов фильма было сосредоточено на показе идеологического и ментального противостояний стилига и советского общества. Автор приходит к выводу, что создатели фильма не ставили своей задачей реконструировать достоверный образ времени.

Ключевые слова: кинематограф; исторический художественный фильм; репрезентация; образ прошлого; стилига.

В последние два десятилетия в средствах массовой информации все чаще возникают дебаты между историками и кинематографистами по поводу точности и объективности воссоздания образов прошлого в кинематографе. Сторонники исторической достоверности говорят об ответственности игрового кино: «В историческом кино нет мелочей – все должно быть идеально достоверно: начиная от пуговиц на мундирах, заканчивая сюжетной линией. <...> Сейчас фильмы оказываются в интернете и остаются там навсегда. В “сети” фильм посмотрит гораздо больше людей, чем в кинотеатрах. Поэтому кино – это наша вечная ответственность за то, что там будут показывать» [Кожурина 2017].

С другой стороны, исследователи отмечают: «На рубеже XX–XXI вв. в сфере кинопроизводства наблюдается тенденция отказа от архивно-документального подхода к репрезентации образа прошлого в пользу более вольной интерпретации историко-бытовых особенностей, то есть в пользу исторического кинематографа» [Лысова 2020: 18]. Исторический кинематограф неразрывно связан с исторической наукой, однако, между ними неизбежно возникает «конфликт»: в отличие от историков режиссерами движут иные цели, связанные с художественным замыслом фильма. Наше исследование посвящено рассмотрению проблемы исторической достоверности художественного образа эпохи, представленного в фильме В.П. Тодоровского «Стиляги», а также преломлением этой проблемы в кинокритике.

Существующие классификации игрового исторического кино говорят о многообразии подходов к изображению прошлого. В классификации, составленной А. Романовской и Г. Смирновым [Романовская, Смирнов 2019: 49] исторические фильмы были разделены на три группы по принципу достоверности исторических фактов и цели создания фильма. К первой группе относятся фильмы, при создании которых в приоритет ставится увлекательный сюжет, вследствие чего достоверность оказывается «в проигрышном положении» [Романовская, Смирнов 2019: 49]. Вторая группа включает в себя псевдоисторические фильмы. В третью группу входят киноленты, создатели которых «верят в существование прошлого и его относительную автономную ценность» [Романовская, Смирнов 2019: 50]. Классификация, представленная Н.А. Лысовой, разделяет исторические фильмы на два типа: историко-биографические и историко-приключенческие [Лысова 2020: 21]. Данное разделение обусловлено следующими критериями: типаж героев, художественный замысел и исторический контекст.

Изучая образ прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах Н.А. Лысова [Лысова 2020] выделяет четыре параметра репрезентации образа времени в кинематографе: репрезентация материальной культуры конкретного периода; реконструкция событий и явлений, исторических процессов; передача психологических и поведенческих установок в обществе того времени; идейная основа фильма, авторское осмысление эпохи. Выявленные автором параметры легли в основу предпринятого нами анализа образа времени в фильме «Стиляги».

Кроме того, в исследовании был использован метод составления фильмографии по теме «Стиляги в российском кинематографе». Фильмография, включившая 13 фильмов, вышедших с 1955 по 2008 г., позволила выявить изменения в кинематографической интерпретации образа стилига. Кинематографический образ стилига изменялся в соответствии с общественно-политическими тенденциями. В 1950–1960-е гг. стилиги изображаются исключительно в негативном ключе, в конце 1960-х гг. субкультура угасает, как и интерес к ней. В 1980-е гг. тема возвращается в общественную повестку в связи с перестроечными процессами и общим интересом к идеям свободы. О стилигах с ностальгией вспоминают люди, жившие в это время, а молодежь романтизирует стилигажничество. Далее общественный интерес к эпохе 1950-х гг. вновь идет на спад. О стилигах вновь заговорили в 2008 г. после выхода на экраны фильма «Стиляги» В.П. Тодоровского.

Материалом работы помимо фильма «Стиляги» (реж. В.П. Тодоровский, «Красная стрела», 2008 г.), стали рецензии на фильм, опубликованные в интернет-журналах: ProfiCinema (Фаина Фардо), Timeout (Михаил Шиянов), Афиша (Роман Волобуев) [Фардо 2008; Шиянов 2008; Волобуев 2008].

Стиляги, в качестве альтернативной советскому образу жизни субкультуры, стали ярким симптомом эпохи, получившей название «оттепель». Хрущевская оттепель – это условное название периода в истории, длившегося со смерти

И.В. Сталина в 1953 г. по 1964 г. Особенностью периода было частичное отступление от тоталитарного режима сталинской эпохи. Главным событием оттепели считается XX съезд КПСС, который подверг критике культ личности И.В. Сталина и массовые репрессии.

Реконструкция материальной культуры эпохи включает изображение костюмов, предметов быта, интерьера и т.п. Костюмы стилияг и «добропорядочных» жителей Москвы показаны гиперболизировано: стилияги ярко выделяются на фоне одетой в серые костюмы толпы. Напояженные бриолином «коки», яркие костюмы с цветными галстуками, зауженные брюки и башмаки на платформе – костюм стилияг из фильма напоминает наряды карикатурных персонажей из выпусков журнала «Крокодил» [Шукаев 1959: 7] (Рис. 1).

Рис. 1. Иллюстрация Е.А. Шукаева, журнал «Крокодил» №15, 1959 год и кадр из фильма «Стиляги»

Автор сценария Ю.М. Коротков прокомментировал это стилистическое решение следующим образом: «Если бы человек вышел в то время в таком костюме как у нас, его бы тут же повязали и повезли на Лубянку сразу, а не в отделение милиции. Но для зрителя это выглядит правдоподобно, потому что он видит разницу» [Литвинов 2009: 312].

Довольно достоверно передан быт жителей коммуналки, в которой живет Мэлс: приготовление пищи на общей кухне, стирка вещей, общение между соседями и т.д. Образ Москвы 1950-х гг. был собран из нескольких городов: Минск,

Москва и Санкт-Петербург. Натурные съемки частично были засняты в Москве и в Минске. «Бродвей» стилинг снимали на проспекте Независимости (г. Минск), который походил на ул. Горького в Москве 1950-х гг. по застройке (Рис. 2).

Рис. 2. Фото ул. Горького, г. Москва, 1950-е гг. и кадр из фильма «Стиляги»

По улицам Москвы в фильме разъезжают различные ретро автомобили. Во время съемок были задействованы такие марки машин, как ГАЗ, ЗИС, «Победа». Материальная культура 1950-х годов в фильме была показана ярко и утрированно.

При анализе реконструкции событий и явлений, общественных исторических процессов воссоздаваемого времени, были обнаружены следующие особенности. Действие фильма происходит в Москве с 1955 по 1956 г. В фильме показаны типичные общественно-политические сценарии того времени: воспоминания старшего поколения о массовых репрессиях, борьба власти с фарцовщиками. «Исторические обстоятельства в “Стилягах” намеренно смазаны (жив ли Сталин, был ли уже, например, XX съезд – догадаться практически невозможно), но танцы танцами, а кого-то в итоге вполне всерьез увлакивает КГБ, кого-то съедает социалистический быт», – отмечал в своей рецензии на фильм Р.О. Волобуев [Волобуев 2008].

Следующим способом репрезентации образа прошлого в кинематографе является *передача ментальности конкретного культурно-исторического периода, психологические и поведенческие установки общества*. Этот уровень реконструкции прошлого проработан авторами фильма, на наш взгляд, глубже других.

Столкновение героев носит принципиальный характер: сталкиваются не столько стили жизни, сколько идеологические и мировоззренческие позиции.

Позиция стилига контрастирует с советским образом жизни: они считают, что важно выделяться из «серой массы», называя тех, кто не относится к стилигам, «жлобами». При этом конфликт переходит из социальной сферы в политическую. Например, мать Пользы обращается к дочери: *«Как я могу руководить людьми, когда в собственном доме шпионку вырастила?»*. Внешний вид дочери становится маркером идеологического и политического предательства. Эта оценка напрямую звучит в реплике Кати: *«Ты хуже, чем враг, Мэлс, ты предатель»*.

Последний параметр репрезентации прошлого связан с *авторским осмыслением и идейной основой фильма*. В интервью «Российской газете» В.П. Тодоровский достаточно полно прокомментировал идею фильма: *«Это и ретро, так как действие происходит в середине 50-х, и не совсем ретро, потому что он сделан современно и обращен к современным людям. Я не ставил задачу реконструировать эпоху. Тема картины – вечная потребность человека быть свободным. Быть не таким, как все. Идти против течения. Это вещи вневременные. А 1950-е – время яркое в том смысле, что конфликт этот был очень бурным и буйным, тему эту высветил выразительно»* [Кичин 2008].

Таким образом, эпоха 1950-х гг. в фильме «Стилиги» передается в основном посредством столкновения идеологических и мировоззренческих установок. Костюмы и поведение героев нарочно гиперболизируются, чтобы подчеркнуть различие между стилигами и советским обществом. Вместе с тем авторы попытались воспроизвести самые важные для художественного замысла фильма приметы времени. По словам Ю.М. Короткова, в фильме была создана не совсем достоверная, однако весьма правдоподобно выраженная реальность того времени [Литвинов 2009: 304].

Опираясь на представленную классификацию исторических фильмов, фильм «Стилиги» можно отнести к разновидности фильмов, объектами изображения которых являются исторические явления в широком смысле. История в них показана без привязки к конкретной личности, конкретному событию или конкретным историческим фактам. Действие фильма соотносится с эпохой за счет ярких выразительных маркеров, но не предполагает документальной детализации. Авторы фильма не ставили задачу отобразить достоверный образ времени: на фоне эпохи 1950-х гг. они выразили авторскую идею. В.П. Тодоровский снял фильм об актуальной во все времена проблеме потребности человека в свободе и самовыражении.

Список литературы

Волобуев Р.О. Конформистский мюзикл про нонконформизм // Афиша. 08.12.2008. URL: <https://www.afisha.ru/movie/191943/> (дата обращения: 02.04.2022).

Кичин В. С. «Стиляги» В. Тодоровского: интервью с В. Тодоровским // Рос. газ. 17.12.2008. URL: <https://rg.ru/2008/12/17/stilyagi.html> (дата обращения: 01.04.2022).

Кожурина Л. Итоги видеоконференции «Историческое кино: мера правды и вымысла» // Российский учебник [Сайт: Российский учебник – объединенная издательская группа «ДРОФА-ВЕНТАНА»] 23.03.2017. URL: <https://rosuchebnik.ru/news/itogi-videokonferentsii-istoricheskoe-kino-mera-pravdy-i-vymysla/> (дата обращения: 24.03.2022).

Литвинов Г. Стиляги. Как это было // М., Амфора, 2009. С. 287–350.

Лысова Н. А. Репрезентация образа прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах // Философия и культура. 2020. № 2. С. 12–26.

Романовская А., Смирнов Г. // Пространство документации: режимы существования кинематографических свидетельств. Материалы международной научной конференции «Пространство документации: режимы существования кинематографических свидетельств», Екатеринбург, 5 декабря 2018 г. Издательство УрФУ, 2019. С. 40–51.

Стиляги (реж. В. П. Тодоровский, Красная стрела, 2008).

Фардо Ф. Стиляжно жить не запретишь // Рецензии ProfiCinema 23.12.2008. URL: <https://www.proficinema.ru/questions-problems/reviews/detail.php?ID=45093> (дата обращения: 01.04.2022).

Шиянов М. Стиляги. Рецензия // TimeOut. 2008. URL: <https://www.timeout.ru/msk/artwork/137667/review> (дата обращения: 07.04.2022).

Шукаев Е.А. Рисунок, журнал «Крокодил» № 15. С. 7. 1959.

М.У. Bochkareva

Student of Philological Faculty
Perm State University

THE ERA OF THE 1950s IN THE FILM "STILYAGI": ABOUT THE PROBLEM OF REPRESENTATION OF THE PAST IN FEATURE FILMS

The purpose of the article was to characterize the image of time in the film "Stilyagi" (dir. V. Todorovsky, 2008). Based on the different ways of presenting the time image described by N.A. Lysova, it was shown that the representation of material culture of the 1950s is hyperbolized. The main attention of the authors of the film was focused on showing ideological and mental confrontations between the first subculture in USSR and Soviet society. The author concludes that the filmmakers did not aim to reconstruct a reliable image of time.

Key words: cinema; historical feature film; representation; image of the past; stilyagi.

УДК 008.103

Ольга Олеговна Чугунова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
olya.chugunova.2000@gmail.com

SNS!AU: ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРАКТИК В ИНТЕРНЕТЕ

В статье описываются особенности литературной практики sns!au на базе русскоязычных работ, опубликованных на платформах VK и Twitter (заблокирован на территории РФ). Посредством контент-анализа были выделены и проиллюстрированы структурные и содержательные особенности sns!au. Особое внимание уделяется методологии: рассматриваются подходы к фанфикшну разными учеными. В работе показано, что интернет-исследования фанфикшна актуальны и что социальные изменения в способах общения ведут за собой изменения в читательской и писательской сферах, создавая новые литературные практики. Данная работа определяется как «insider research», в ней используются этические принципы Дж. М. Фатхаллы и Р. Козинца.

Ключевые слова: sns!au; Social Media AU; фанфикшн; фанфик; фандом; литературные практики.

Повсеместное распространение и развитие Интернета позволили выстроить особые отношения между культурной продукцией и ее потребителями. Огромное число людей причисляют себя к различным сообществам фанатов (фандомам), где проявляют свой творческий потенциал. Одной из форм этого является фанфикшн.

Фанфикшн – самая быстро «разрастающаяся» форма письма [Mirzohamadi 2014: 5], и уже долгое время изучается в рамках гуманитарных и социальных наук. Популярным средством общения в Интернете стали социальные сети, и именно на пересечении социальных сетей и фанфикшна зародилось явление sns!au, которому посвящена данная статья.

Прежде чем рассмотреть феномен sns!au, нам необходимо обозначить понятия, которыми мы будем оперировать. Мы используем определение фанфикшна, сформулированное Т. Бронвенем: «истории, созданные фанатами на основе сюжетных линий и персонажей либо из одного исходного текста, либо из “канона” произведений» [Bronwen 2011: 1].

Отдельным произведением фанфикшна является фанфик. Мы рассматриваем особый вид фанфиков – SNS!AU (Social Networking Service) – разновидность фанфиков, в которых имитируется переписка между персонажами. В англоязычной среде используются термины *Social Media AU* или *Twitter AU* (заблокирован на территории РФ), однако в русскоязычном пространстве, чтобы найти в социальных сетях фанфик из этой категории нужно воспользоваться хэштегами #snsau #sns_au и так далее. В фанатской среде под аббревиатурой

AU/AУ (с англ. «alternate universe», «альтернативная вселенная») понимается ситуация, когда «действие фанфика происходит в отличной от оригинального текста реальности» [Клюйкова, Четина 2015: 98].

Одной из особенностей жанра sns!au является невозможность его функционирования в ином формате, кроме электронного. Во-первых, sns!au оформляется в соответствии с коммуникационными традициями общения в Интернете: в диалогах могут отсутствовать запятые, точки, могут использоваться скобки в качестве эмоджона, что является характерными маркерами современной интернет-коммуникации [Шорыгина 2020: 64]. Стандартная структура sns!au-треда и образует границы sns!au-фанфика. Не всегда тред или последовательность скриншотов имеет окончание в силу того, что автор, по каким-либо причинам, решил не дописывать работу. В таком случае нижней границей будет являться последний опубликованный твит или файл.

Мы выделили следующие элементы стандартного sns!au-фанфика:

1. Заглавие. В заголовке автор дает краткую аннотацию, добавляет хэштеги, ключевые слова и «эстетику» – слова, образы, фотографии, которые должны задать настроение; факультативно в описание добавляется жанр. В некотором смысле первый твит/сообщение является «обложкой» работы.

2. Правила. На этом этапе автор добавляет правила и иногда вносит информацию о возрастном ограничении, соавторстве, жанре и так далее, то есть любую дополнительную информацию, которую автор считает нужным указать.

3. Профайлы. В этой части автор указывает основных персонажей и дает краткую информацию о них – кто кем является, кто кому кем приходится.

4. Основная часть. Эта часть состоит из скриншотов переписок героев, их твитов и публикаций в интернете. Все элементы создаются авторами в специальных приложениях для имитации социальных сетей или в графических редакторах. Иногда авторы обращаются к более привычному текстовому формату и добавляют текстовые вставки или ссылки на другие фанфики. Мы считаем, что к этому приему обращаются авторы, для которых привычнее работать с традиционными формами фанфикшна на специализированных платформах.

5. Благодарность читателям. Автор объявляет об окончании фанфика и выражает благодарность читателям.

Вторая, и на наш взгляд, наиболее характерная особенность sns!au текстов – их креолизованность. В тексты добавляются картинки-реакции, мемы, скриншоты, «реальные» фотографии, эмодзи и т.д. В некоторых случаях весь диалог может состоять из графических изображений. Все это позволяет насытить сообщения максимальной экспрессивностью [Ягодкина 2019: 2], поддерживать «доверительность» переписки, изобразить близкую читателям реальность, а также показать характеры персонажей.

Несмотря на возможность использовать графические изображения, мы относим sns!au к литературной практике, а потому воздействовать на читателя автор должен посредством художественных образов. Кроме традиционных спосо-

бов создания художественности с помощью лексических средств, авторы используют разный регистр, нецензурные выражения, «спам» сообщения, которые остаются без ответа, многочисленные повторы.

Еще одной чертой *sns!au* является интерактивность. Так как жанр появился и распространился в рамках фандомов, и существует в основном как фанфик, то фидбек играет важную, зачастую жизнеобеспечивающую роль. Выше мы уже упоминали способы взаимодействия читателей с текстом: цитирование и комментирование. Именно благодаря роли читателя мы имеем основания причислить *sns!au*-тексты к литературной практике.

Читатели могут напрямую влиять на ход сюжета. Так, во многих *sns!au* встречается практика проведения опросов, которые влияют на ход сюжета. Читатели могут голосовать как осмысленно (например, выбирать, что должен сделать персонаж), так и вслепую.

Читатели в таком произведении являются наблюдателями процесса создания. Они имеют доступ: к личным перепискам, групповым чатам и т.н. «закрыткам» – защищенным твитам, которые видны только читателям авторского аккаунта в Твиттере (заблокирован на территории РФ). Практика скрывать что-то от читателя не распространена, основным художественным приемом является намеренный избыток информации. Но в тоже время читатель, как правило, не получает доступ ко всему, что происходит за пределами переписки – то есть к реальной жизни персонажей за пределами социальных сетей и мессенджеров. Таким образом, с помощью цитирования и комментирования читатели могут делиться догадками о взаимоотношениях персонажах между собой и с автором, создавая таким образом интерактивную игру.

Основная цель авторов *sns!au* – добиться максимальной реалистичности. Одним из способов ее достижения является создание индивидуальной речевой манеры общения каждого отдельного персонажа. Для этого используются всевозможные способы общения в сети – оформление предложений, соблюдение или несоблюдение пунктуации, разбитие одного высказывания по нескольким сообщениям, использование картинок, эмодзи, употребление знаков препинания в качестве средств выражения эмоций.

Мы рассмотрели формальные особенности данной практики, однако в *sns!au* наблюдаются и содержательные отличия, выделяющие, пусть и в меньшей степени, чем формальные, практику *sns!au*-текстов среди фанфикшна.

Первая содержательная особенность связана с местом действия повествования – происходящее в истории ограничивается лишь современностью и будущим, то есть, если даже канон не предполагает в своей реальности существование социальных сетей, то автор переносит действие в реальность, где использование мессенджеров возможно. Отход от канона в сторону АУ довольно распространенное явление, но в данном случае авторам приходится отказываться от других АУ, если они взаимоисключают друг друга. Например, вряд ли возможно представить сочетание меток *sns!au* и АУ!исторические эпохи (действие работы происходит в определенный исторический период в соответствующем антураже,

повествование стремится по возможности соответствовать историческим реалиям или отражать реальные исторические события), так как в этом случае происходит столкновение вселенных, нарушающих существование друг друга.

В фанфиках *sns!au* наиболее часто встречаются сюжетные повороты, в основе которых лежит «путаница» – классическая коллизия ситуационных комедий. Персонаж может либо случайно отправить сообщение не тому человеку, либо опубликовать личный пост на «открытку» – пространство, аудитория которого не модерирована владельцем страницы в отличие от «закрытки».

Следующая распространенная коллизия схожа с предыдущей, но основана на сбоях в работе Интернета. Она заключается в том, что какие-то сообщения не доходят до адресата, или доходят не в том виде, отчего происходит недопонимание, и, как следствие, возникает конфликт. Мы считаем, что данный прием пользуется большой популярностью, потому что он знаком подавляющей части пользователей Интернета. Также данный прием зачастую используется в Интернет-шутках, отчего в повествование добавляется не только драматический, но и комический эффект.

Среди повторяющихся типажей мы можем выделить персонажа-«переговорщика»; функции такого персонажа в основном сводятся только к примирению других и разрешению недопонимания и конфликтов. Факультативно у него может быть своя сюжетная линия.

Таким образом, мы обозначили некоторые содержательные особенности. Стоит заметить, что эти особенности изначально сформировались внутри фанфикшна как типа литературы, а потом встроились в *sns!au* и стали повторяться чаще других особенностей фанфикшна.

Формат *sns!au* удобен при чтении с телефона, так как зачастую состоит из скриншотов, а размещение его в книге создавало бы проблемы при поиске формата книги. Вместе с тем, *sns!au*-тексты являются креолизированными, и графические изображения играют в них важную роль. Такие тексты еще и интерактивны – читатель занимает активную роль и влияет на ход сюжета. Вместе с тем в таком произведении большую роль играют традиции Интернет-коммуникации. Попытка переноса на бумагу лишит его характерных особенностей, а потому можно говорить, что *sns!au*-текст – это уникальный Интернет-жанр.

Список источников

Книга фанфиков. URL: <http://ficbook.net/fanfiction/books> (дата обращения: 01.09.2022).

Archive of Our Own. URL: <https://archiveofourown.org/> (дата обращения: 01.09.2022).

Список литературы

Четина Е.М., Клюйкова Е.А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 95–104.

Шорыгина А.А. Экспрессивное функционирование пунктуации в персональном интернет-дискурсе // Педагогический форум. 2020. Вып. 2(6). С. 64–68.

Ягодкина М. В. Мемы в интернет-коммуникации // Art logos. 2019. Вып. 2 (7). С. 142–151.

Bronwen T. What Is Fanfiction and Why Are People Saying Such Nice Things about It? // A Journal of Narrative Studies. 2011. Iss. 3. P. 1–24.

Fathallah J. M. Fanfiction and the Author: How Fanfic Changes Popular Cultural Texts. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. 234 p.

Hodkinson P. "Insider research" in the study of youth cultures // Journal of youth studies. 2005. V. 8. Iss. 2. P.131–149.

Kozinets R. V. "I want to believe": a netnography of the X-Philes' subculture of consumption // Advances in Consumer Research, Vol. XXIV. 1997. V.24. P. 470–475.

Mirmohamadi K. The digital afterlives of Jane Austen: Janeites at the keyboard. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2014. 142 p.

O.O. Chugunova

Student of Philological Faculty

Perm State University

SNS!AU: SPECIFIC FEATURES OF NEW LITERARY PRACTICES IN THE INTERNET

The article describes the peculiarities of the literary practice of sns!au on the basis of Russian-language works published on the VK and Twitter platforms. By means of content-analysis the structural and content features of sns!au were highlighted and illustrated. Particular attention is paid to methodology: approaches to fanfiction by different scholars. The paper shows that Internet studies of fanfiction are relevant and that social changes in the way we communicate lead to changes in the reading and writing spheres, creating new literary practices. This work is defined as "insider research", using the ethical principles of Judith May Fathalla and Robert Kozinz.

Key words: sns!au; Social Media AU; fanfiction; fandom; literary practices.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373.612.2

Ксения Алексеевна Еремеева
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
eksa4364@gmail.com

КОНЦЕПТ «КУЛЬТУРА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ. АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР

В данной статье рассматривается концепт КУЛЬТУРА в языковом сознании студентов-филологов, что позволяет выявить специфику мировосприятия и культурные ценности определенной социальной группы. В ходе исследования были проведены ассоциативные эксперименты: свободный и направленный; была сформирована полевая структура концепта, включающая в себя ядро и интерпретационную часть; был проведен сравнительный анализ реакций информантов двух возрастных групп; был использован метод метафорической мотивированности.

Ключевые слова: концепт; культура; концептуальные метафоры; языковое сознание; студенты-филологи.

Культура представляет собой динамичное явление, которое постоянно развивается вместе с обществом. Понятие культуры может быть отражено в концепте – «мысленном образовании, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 269].

Принято считать, что только культурологи напрямую связаны с таким явлением жизни, как культура. Однако специалистами в этой области можно назвать и филологов, которые изучают культуру посредством исследования языка, литературы, истории (дисциплины, непосредственно связанной с филологией). Существует множество исследований, в которых изучаются культурные концепты в качестве лингвокультурологических феноменов [Степанов 1997; Ангелова 2004; Самситова 2011 и др.]. В статье мы рассматриваем концепт КУЛЬТУРА в языковом сознании студентов-филологов, тем самым выявляя специфику мировосприятия и культурные ценности исследуемой социальной группы.

Концепт в науке понимается по-разному. В начале статьи мы дали определение Аскольдова. Рассмотрим дефиниции других ученых: «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 1997: 90]; «идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а

также спрессованную историю понятия» [Степанов 1997: 412]; «личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения» [Лихачев 1997: 281]; «сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе» [Колесов 2004: 19–20]; «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2004: 59]; «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская 2001: 39]. Таким образом, можем сделать следующий вывод: значимым элементом концепта является мысленное образование, которое объединяет многие признаки, характеристики какого-либо предмета или явления, благодаря этому в сознании человека возникает общее представление о понятии.

Для определения концепта КУЛЬТУРА в языковом сознании филологов был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Двадцати информантам (студентам 1–4 курсов филологического факультета ПГНИУ, обучающимся по направлению «Филология») было предложено написать 20 ассоциаций, связанных со словом «культура». Полученные результаты (400 реакций) были проанализированы и классифицированы по тематическому принципу. Так нами была сформирована полевая структура концепта, включающая в себя ядро (центр аттракции) и интерпретационную часть, которая состоит из ближней и дальней периферии. Ядро концепта включает в себя набор общих представлений о культуре, которые упоминаются информантами чаще всего (от 62,5% упоминаний). Их можно тематически разделить на группы: *обобщенные понятия* (творчество, искусство); *элементы, относящиеся к категории времени* (традиции, история); *культурные объекты* (музей, театр); *виды искусства* (архитектура, живопись).

Классификацию ближней периферии (от 37,5% упоминаний) представим следующим образом: *духовный внутренний мир человека* (воспитание, душа, знания, личность, поведение, речь, этикет); *виды искусства* (кино, литература, музыка, скульптура); *виды деятельности* (образование, наука, общение); *национальные элементы* (народ, язык); *процесс изменения* (развитие).

Дальняя периферия состоит из индивидуальных реакций информантов, которые были распределены по следующим тематическим группам: *ассоциации на основе эмоционально-чувственного опыта* (вечер, величие, благополучие, вкус, красота, вдохновение, любовь, мечты, опыт, оригинальность, превосходство, свобода, спокойствие, чистота, уникальность, эстетика, эмоции и др.); также выделяются *способы воплощения культуры* (религия, субкультура, телеканал, телешоу, философия, фольклор, художественная галерея и др.); *виды искусства* (балет, опера, поэзия, пьеса, танец, фотография); *конкретные «представители» культуры* (XVIII век, Микеланджело, Бах, Дискобол, Санкт-Петербург, пиястры, Парфенон, эпоха, писатели, поэты, актеры); *качества человека* (вежливость, интеллигентность, честность, интеллект, целеустремленность, хладнокровие, саморазвитие, трудолюбие, толерантность).

Таким образом, можно сказать, что концепт КУЛЬТУРА формируется в языковом сознании студентов-филологов в первую очередь через обобщенные понятия, элементы, относящиеся к категории времени, культурные артефакты, виды искусства. Далее концепт продолжают формировать духовный внутренний мир человека, виды деятельности, национальные элементы, процесс изменения, эмоционально-чувственный опыт, способы воплощения культуры, конкретные «представители» культуры и качества человека.

Сравним ответы информантов по социальному фактору «возраст». Нами было выделено две возрастные категории: 18–19 лет (12 человек) и 20–22 года (8 человек). Мы выявили наиболее частотные общие элементы и различия в реакциях информантов. Студенты 18–19 лет чаще выделяют такие виды искусства, как кино и литература; большую значимость придают таким составляющим частям культуры, как речь и знания, чем студенты 20–22 лет. Ярким отличием первой возрастной группы являются упоминания «души», «личности», «общения», «творчества». Студенты 20–22 лет в первую очередь выделяют пластические виды искусства: архитектура, живопись, скульптура. Большую значимость для студентов данной возрастной группы имеет наука как составляющая часть культуры. В равной степени обе возрастные группы выделяют «музыку» и «образование» как составляющие культуры.

Вторая часть исследования включала проведение направленного ассоциативного эксперимента, в процессе которого информантам предлагалось ответить на ряд вопросов¹. В результате информантами были сформированы концептуальные метафоры, соотносимые с концептом КУЛЬТУРА.

Мы использовали метод метафорической мотивированности (предложили определенные ассоциаты, чтобы информанты соотнесли одну сферу жизни с другой), выбрали 13 конкретных стимулов, на которые получили реакции информантов. Стимулы можно разделить на следующие категории: *ощущения* (запах, вкус, цвет); *геометрические абстракции* (линия, фигура); *эмотивная сфера* (эмоция, характер человека); *человек и объекты окружающей среды* (дерево, животное, погода, элемент одежды, транспорт, гуманизация культуры). Некоторые информанты давали несколько реакций на один стимул.

Самая распространенная реакция обеих возрастных групп, полученная на стимул «запах», – это *запах старых книг* (25%), что связано с объективизацией культуры, т.е. с соотносением понятия с конкретным объектом, в котором выражается история, знания, определенная атмосфера. Студенты 20–22 лет активно выделяли и *запах цветов* (25%).

На стимул «вкус» была получена следующая частотная реакция – *кисло-сладкий* (20%). На наш взгляд, это можно интерпретировать как смешение разных элементов, направлений, присущих культуре. Обе возрастные группы выделяли такой признак «вкуса» культуры, как *насыщенность*.

Среди множества цветов информанты обеих возрастных групп выбрали для характеристики культуры такие цвета, как *белый, красный, золотой*. Белый –

цвет чистоты, непорочности, белого холста, универсальности. *Красный* цвет сам по себе характерен для русской культуры в целом. *Золотой* цвет можно интерпретировать как признак элитарности, богатства, солнца. Студенты 18–19 лет также выделяли оранжевый цвет (16,67%).

Отвечая на стимул «линия», обе возрастные группы выделили *волнистую* и *прямую линии*. Первая воспринимается как непостоянство, гармония, плавность. Вторая же указывает на постоянство, идеальность, строгость культуры. Сравнивая реакции студентов 18–19 лет и 20–22 лет, мы пришли к следующему выводу: в первой возрастной группе встречаются контрасты и определенное «дробление», резкость линии, во второй возрастной группе выделяется плавность, «спокойствие» линии. Что касается геометрических фигур, то информанты часто выделяют базовые элементы: *круг* и *треугольник*.

Нами были выявлены разнообразные эмоции, ассоциируемые с культурой, но все они несут положительную окраску. Довольно часто выделяют эмоции, связанные со спокойствием, безмятежностью, умиротворением.

Характер человека соотносится с культурой по следующим противоположным чертам: *спокойный – вспыльчивый, сдержанный – импульсивный, с виду спокойный, но с «чертовщинкой» внутри*. Также информанты выделяют много положительных черт: *благородство, вежливость, открытость, усердие, мудрость, доброта и др.*

Культура как дерево представляется в образе *дуба* (вечности, монументальности, традиционности, разветвленности, стойкости, величественности) и *березы* (которая традиционна для русского человека и русской культуры). К интерпретации можно отнести и прецедентные тексты Л.Н. Толстого и С.А. Есенина соответственно. Информантами 18–19 лет неоднократно выделяется *плакучая ива* (16,67%).

Если говорить о зооморфности метафоризации, то в качестве животного обе возрастные группы представляют культуру в образе *кота/кошки, льва, птицы*. Ярким отличием реакций студентов возрастной группы 20–22 лет является упоминание фантастических существ (*гиппогриф, грифон, пегас*). На основании этого можно сделать вывод, что культура также воспринимается студентами как часть волшебных, воображаемых миров, то есть находится за гранью нашей обыденной реальности.

Анализируя реакции на стимул «погода», мы пришли к выводу, что информанты выделяют противоположные состояния погоды (*облачная – солнечная; пасмурная – ясная; теплая – прохладная*) и характерную для нее, как и для культуры, переменчивость.

Культуру как элемент одежды информанты обеих возрастных групп представляют в виде *пиджака и шляпы*, что связано с элитарностью, то есть принадлежностью к определенному социальному статусу (к этому же относится выделение *лакированных туфель* информантами 18–19 лет). Информанты 18–19 лет выделяют *верхнюю одежду* и *рубашку* с разными уточнениями (принт, цвет,

уточняются отдельные элементы рубашки – рукава, например). Информанты 20–22 лет выбирают аксессуары (*пояс, сумочка*), выделяют *женский комбинезон*, который является ярким показателем современности.

Распространенные реакции на стимул «транспорт»: *велосипед, карета, поезд*. *Велосипед*, на наш взгляд, был выделен по принципу простоты, общедоступности. Упоминание *кареты* связано с историческим контекстом и прецедентными текстами, также такой вид транспорта можно отнести к элитарности. *Поезд* можно интерпретировать как элемент, проходящий «сквозь» историю (с начала XIX в. до наших дней). Студенты 18–19 лет наравне с *повозкой* и *каретой* выделяют *лимузин* и *белый Mercedes*; а один из студентов 20–22 лет предложил вариант *дирижабля* или *машины времени*, что тоже является интересным показателем, так как выделяется из общего списка всех перечисляемых элементов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для культуры характерна нетипичность, необычность.

В качестве последнего задания информантам было предложено представить и передать вербально гуманизацию культуры, то есть представить ее в образе человека. Результаты получились самые разнообразные. Как мы видим, есть и кратко сформулированные образы, и развернуто. Например: «*Молодая девушка с темными волосами, завязанными розовой лентой, в белой воздушной блузке с кружевами, темной пышной юбке миди, с приветливой улыбкой на лице и книгой в руках*»; «*Как скульптура древнегреческого творца, но в современной одежде*»; «*Пожилая женщина с длинными волосами, в которые вплетены различные истории, эмоции, и длинный-длинный жизненный опыт*»; «*Высокий темноволосый мужчина с зелеными глазами в классическом черном костюме без галстука*»; «*Андрогинное вневременное существо*»; «*Молодой бесполой человек в лавровом венке и белой одежде с несколькими руками, в каждой из которых – элементы создания культуры (музыкальный инструмент, кисти и краски, перо и бумага, молоток для ваения)*»; «*Балерина*»; «*Снусмумрик*». Таким образом, нет какого-то единого представления культуры в виде человека; некоторые информанты определяют ее в образе не человека, а какого-то другого существа.

Исходя из результатов нашего исследования, можно сделать вывод, что культура в представлении студентов-филологов включает в себя самые разнообразные (зачастую противоположные друг другу) элементы и черты. Так, для культуры характерно следующее: неоднородность (смешение чего-либо), открытость, универсальность, строгость, простота, переменчивость, монументальность, разветвленность, отнесенность к иным волшебным мирам, нетипичность, мудрость, доброта, усердие, благородство, элитарность – демократичность, гармония – непостоянство, традиционность – выход за рамки, спокойствие – вспыльчивость, сдержанность – импульсивность.

Примечание

¹ Вопросы направленного ассоциативного эксперимента:

Если бы КУЛЬТУРА была эмоцией, то какой?

Если бы КУЛЬТУРА была цветом, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была деревом, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была запахом, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была вкусом, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была погодой, то какой?

Если бы КУЛЬТУРА была элементом одежды, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была транспортом, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была животным, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была линией, то какой?

Если бы КУЛЬТУРА была геометрической фигурой, то какой?

Если бы КУЛЬТУРА была характером человека, то каким?

Если бы КУЛЬТУРА была человеком, то как бы он выглядел? (гуманизация)

Список литературы

Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии / М.М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Выпуск 3. М., 2004. С. 3–10.

Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267–269.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36–44.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: 1997. 245 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. // Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., Academia, 1997. С.280–287.

Самситова Л.Х. Культурный концепт как лингвокультурный феномен // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №3. Ч. 1. С.1045–1048.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., Издательский дом «ЯСК», 1997. 824 с.

K.A. Ereemeeva

Student of Philological Faculty

Perm State University

**THE CONCEPT OF "CULTURE" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF PHILOLOGY STUDENTS.
ANALYSIS OF CONCEPTUAL METAPHORS**

This article considers the concept of CULTURE in the language consciousness of students-philologists, which allows to identify the specificity of world outlook and cultural values of a certain group. In the course of the study associative experiments were carried out: free and directed; the field structure of the concept was formed, including the nucleus and the interpretation part; a comparative analysis of reactions of informants of two age groups was conducted; the method of metaphorical motivation was used.

Key words: concept; culture; conceptual metaphors; language consciousness; students-philologists.

УДК 811.111'37

Ангелина Николаевна Родич
студент факультета английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
rodich.angelina@mail.ru

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ ПРЕВРАЩЕНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена раскрытию общечеловеческого понимания различных процессов, связанных с превращением, а также выявлению национально обусловленных особенностей, позволяющих рассматривать его в качестве компонента картины мира различных сообществ – в нашем случае англо- и русскоязычных. Исходный тезис заключается в признании за языком роли универсального духовного отражения окружающего мира. Именно в языке отображается весь спектр духовной жизни определенного народа, его национально-культурная специфика.

Ключевые слова: язык; культура; окружающий мир; языковая картина мира; превращение.

Восприятие окружающего мира частично зависит от культурно-национальных особенностей носителей определенного языка. Одним из первых, кто сконцентрировал интерес на национальном содержании языка и мышления, был немецкий философ В. фон Гумбольдт. Ученый отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1984: 334]. Он считал, что любой человек имеет индивидуальный образ, понимание некоего объекта, что никак не сходится целиком с обликом этого же объекта у другого человека.

Идеи В. фон Гумбольдта о национальной картине мира получили развитие в концепции А.А. Потебни, согласно которой внутренняя форма слова отражает его национальную специфику. Ссылаясь на В. Гумбольдта, выдающийся филолог писал: «Как отдельное слово становится между человеком и предметом, так и весь язык (как мирозерцание высшей единицы народа) – между человеком и действующей на него природою. <...> Человек, выискивая из себя язык, тем же актом вплетает себя в его ткань; каждый народ обведен кругом своего языка и выйти из этого круга может, только перешедши в другой» [Потебня 1989: 42].

Известно, что роль языка заключается не только в передаче информации, но и во внутренней организации того, что подлежит сообщению, из-за чего же появляется «пространство значений». Другими словами, закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности [Маслова 2018:14].

Национальных языковых картин мира существует столько, сколько существует языков. В любом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка.

Способы познания мира не схожи у разных людей и разных народов. Восприятие субъектом той или иной ситуации зависит от его знаний, опыта, ожиданий и т. д. В наше время в лингвистике особое внимание уделяется изучению того, каким образом происходит концептуализация окружающей действительности у того или иного народа, соотношению языка и культуры этноса, национальное своеобразие которых проявляется на различных уровнях языковой системы.

К В. фон Гумбольдту также восходит важный для лингвистики тезис о том, что национальные языки – это не различные обозначения реальности, а результаты видения ее. Восприятие окружающего мира, свойственное для каждого языкового сообщества, отображается в речевой деятельности коллектива и фиксируется в языке в виде концептов, благодаря которым возможно сформировать представление носителей этой культуры об окружающем мире, понятиях, представлений и мнений, выражаемых в различного рода высказываниях-суждениях [Ляшенко, Круталевич 2018: 149]. Из этого следует, что язык – это средство общения и средство познания. В языке своеобразно отражена действительность. Английский и русский языки, равно как и прочие, отображают конкретный способ восприятия мира. Исследование культурных концептов английской и русской языковых картин мира содействует раскрытию этнических отличительных черт менталитета англичан и русских.

Представления о действительности, свойственные носителям определенного языка и культуры, находят отражение в семантике языковых единиц, что, в свою очередь, является определяющим для культуры, пользующейся этим языком [Ляшенко 2019: 240]. Овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с восприятием и пониманием мира, характерным для соответствующей культуры [Шмелев 2002: 12]. В словарных толкованиях языковое воплощение получают существенные для человека признаки с точки зрения осознанного опыта.

Именно лексика отражает те аспекты языка, в которых проявляется творческий потенциал говорящего. В этой связи В.В. Виноградов отмечал: «...как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической» [Виноградов 1946: 26].

В данной работе предпринимается попытка установить общечеловеческое представление о процессах превращения, а также раскрыть национально обусловленные характеристики этого понятия. Исследование проводится на материале английского и русского языков.

В общепринятом, бытовом понимании *превращение* мыслится как самопроизвольный процесс, поскольку составляющая его последовательность изменений, причинно-следственные связи остаются вне фокуса внимания.

Превращение можно рассматривать как некий «экстремальный» вариант изменения, что дает основания вспомнить классическое определение, предложенное Аристотелем. В его работах оно трактуется во взаимосвязи с категорией «движение». В «Метафизике» Аристотель характеризует изменение следующим образом: «И то, что претерпевает изменение, изменяется или из одного субстрата в другой субстрат, или из того, что не есть субстрат, в то, что не есть субстрат, или из того, что не есть субстрат, в субстрат» [Аристотель 1976: 294]. Аристотель подчеркивает, что «при всяком изменении изменяется что-то благодаря чему-то и во что-то» [там же: 302]. Последующее развитие данного определения позволяет сделать вывод, что изменение включает по крайней мере четыре исходные реальности: субъект изменения, его объект, инструмент (орудие или средство) и результат, которые находят отражение в любых процессах, входящих в общую систему изменения. При этом Аристотель также обратил внимание на существенную неоднородность процессов, объединенных в общую систему изменения, что проявилось в разграничении изменения «или сути, или качества, или количества, или в отношении “где”, а изменение определенного нечто есть возникновение и уничтожение в безотносительном смысле, изменение количества – рост и убыль, изменение состояния – превращение, изменение места – перемещение» [там же: 301]. Таким образом, превращение обозначает изменение существенных признаков объекта, в результате чего исходный объект приобретает новую форму существования.

Если обратиться к дефинициям понятия *превращение* в толковых словарях общеупотребительной английской и русской лексики, то можно обнаружить как универсальные характеристики, так и некоторые национально обусловленные особенности.

При этом в русской языковой картине мира акцентируется острота и внезапность данного процесса, что отражено в словарном толковании, где «превращение» предстает как «**резкое** и/или **неожиданное** изменение в ком-либо, чем-либо» [Ефремова; Ушаков].

В свою очередь, в английской языковой картине мира оно трактуется как «процесс, в результате которого что-то **полностью** изменяется и становится совсем другим» (перевод наш. – *A.P.*) [Longman 2000: 897], т. е. подчеркивается именно степень протекания данного явления.

Присутствие в обеих дефинициях неопределенных местоимений *кто-то*, *что-то* показывает, что в обыденном представлении превращению могут подвергаться любые явления.

Далее в понятийном содержании *превращения* можно выделить несколько направлений, в которых заложено общечеловеческое понимание рассматриваемого процесса, и представить их в следующих определениях:

- придание чему-либо иного вида, силы, характера: (1) *Тухий понот превратился в ужасающий шум* [Кузнецов]; (2) *In the last twenty years Korea has been transformed into an advanced industrial power* [Longman 2000: 1537] ‘За последние 20 лет Корея превратилась в передовую индустриальную державу’;

● переход в иное состояние, качество: (3) *Вода превратилась в пар* [Кузнецов]; (4) *In a few weeks, the caterpillar will turn into a butterfly* [Longman 2000: 1555] 'Через несколько недель гусеница превратится в бабочку';

● обращение во что-либо иное: (5) *Из когда-то стройного, ловкого стряпчего с подвижной, нахальной... рожге, Шапкин превратился в нечто скромное, седовласое, хилое* (А. П. Чехов. Старость) [Кузнецов]; (6) *The sofa turns into a bed* [Longman 2000: 1555] 'Диван превращается в кровать'.

При этом национальная специфика русского народа проявляется в том, что первичное (основное) значение данного понятия в русском языке включает такой компонент, как «принятие вида другого существа или предмета в результате волшебства», что подчеркивает важный для русского менталитета аспект: веру в волшебство, в высшие силы.

Таким образом, появление культурного компонента значения слова, выступающего неотъемлемым свойством единиц любого национального языка, устанавливается корреляцией языка и культуры. В понятии *превращение* заложено общечеловеческое понимание связанных с ним процессов, а также определенные национально обусловленные особенности, позволяющие рассматривать его в качестве компонента картины мира различных сообществ – в данном случае англо- и русскоязычных.

Список литературы

Аристотель. Метафизика: Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–448.

Виноградов В. В. Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 26–29.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 36–298.

Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-81143.htm#> (дата обращения: 15.04.2022).

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://www.terminy.info/russian-language/explanatory-dictionary-kuznecova/prevratitsya> (дата обращения: 13.04.2022).

Ляшенко Е. С. Национально-культурная специфика репрезентации концепта *изменение* в английском языке // Тэарэтычныя і прыкладныя аспекты сучасных этналагічных даследванняў: зб. нав. арт. Мінск: БНТУ, 2019. С. 239–243.

Ляшенко Е. С., Круталевич А. Ф. К вопросу о языке как воплощении духовной культуры общества и национального миропонимания // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сб. ст. науч.-практ. круглого стола Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 148–150.

Потебня А. А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. 624 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2018. 296 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=55886> (дата обращения: 11.04.2022).

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. Harlow, Essex: Longman: Pearson Education, 2000. 1668 p.

A.N. Rodich

Student of English Language Faculty
Minsk State Linguistic University

UNIVERSAL AND NATIONALLY DETERMINED FEATURES OF THE CONCEPT OF TRANSFORMATION (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN)

The article is devoted to revealing the universal understanding of various processes associated with transformation as well as establishing nationally determined features, which allows this concept to be considered as a component of the worldview of various communities – in our case, English- and Russian-speaking. The initial thesis is based on recognizing the role of language as a universal spiritual reflection of the surrounding world. It is in the language that the entire spectrum of the spiritual life of a certain people, its national and cultural specificity is displayed.

Key words: language, culture, the surrounding world, language worldview, transformation/metamorphosis.

УДК 811.58

Цзюй Цюнь

аспирант факультета английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
1563369566@qq.com

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА С КОЛОРАТИВОМ «СВЕТЛЫЙ» И «ТЕМНЫЙ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается проблема семантики лексических единиц фразеологического типа с колоративами «светлый» и «темный» в русском и китайском языках. Для этого важно рассмотреть лексико-семантические особенности русских и китайских фразеологических единиц с колоративами «светлый» и «темный». Исследование выполнено на материале 20 русских и 40 китайских фразеологизмов. Проведенный анализ показал, что в русской и китайской культурах лексические единицы фразеологического типа (далее – ЛЕФТ) с колоративами «светлый» и «темный» имеют различную семантику, и их значения часто не тождественны.

Ключевые слова: лексические единицы, фразеологические единицы, колоратив, цветообозначение, семантика, коннотация.

Цвет имеет огромное значение в жизни человека. Во многом от него зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. У лингвистов цветоименование – одна из самых популярных лексических групп. Анализ ЛЕФТ с колоративами актуален, поскольку именно во фразеологии наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка. Так, мы краснеем от стыда, блеем от страха, чернеем от горя, зеленеем от злости. Одного называют «белой вороной», кто-то оказывается «темной лошадкой», третий бывает «рыжим» независимо от цвета волос. На этом основании многие авторы обращаются к рассмотрению символических и ассоциативных значений цветообозначений во фразеологизмах тех или иных языков.

Внимание ученых к цветообозначению имеет давнюю традицию. Колоративы стали объектом исследований различных направлений: этимология и история колоративов (Н.Б. Бахилина, Л.Н. Грановская, И.Г. Добродомов, Г.Ф. Одинцов, Р.М. Фрумкина); способы пополнения цветовой лексики и ее структурная типология, функционирование и метафоризация (А.А. Брагина, А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко, Н.В. Гнездилова); семантика ЛЕФТ с компонентом-цветообозначением (Н.А. Мартянова, У.В. Хоречко); семантика и метафоризация колоративов в когнитивном аспекте (А. Вежбицкая, Л.Р. Гатауллина, Ш.К. Жаркынбекова, Н.Н. Козлова, З.И. Комарова, М.Б. Талапина); категоризация цветового пространства (Б.А. Мусуков, Р.М. Фрумкина, Г.И. Капина).

В китайском языкознании в последние годы также возрос интерес к вопросу функционирования ЛЕФТ с колоративами. Материалы сопоставительных исследований представлены в научных статьях В.В. Балакиной [2015], Н.А. Завьяловой [2008], О.Е. Захарчук [2016].

Языковеды и этимологи исследовали множество языков и пришли к выводу, что существует ряд универсальных черт в системе цветообозначения. Кроме того, различные отношения к тому или иному оттенку отражаются в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в языке, так как они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера [Верещагин 1980: 59].

По словам акад. В.В. Виноградова, в символике разных народов мира цвет несет различные значения и играет важную роль. «Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цвета на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений» [Виноградов 1977: 60].

Согласно «Русскому ассоциативному словарю» [Русский ассоциативный словарь], в русской языковой картине мира «светлый» ассоциируется с днем, путем, образом, миром, домом. Светлый также характеризует волосы, вечер, праздник, глаза и человека. Также в ассоциациях носителей русского языка «светлый» обязательно сопровождается антонимической парой «темный».

Как видим, символика светлого в русском языке связана как с конкретными предметами, так и с абстрактными понятиями, но и в том, и в том случае имеет только положительную коннотацию.

Согласно толковым словарям русского языка, колоратив «светлый» имеет несколько значений: «1. Излучающий сильный или достаточный свет (нар.-поэт.). 2. Чистый, прозрачный. 3. О цвете: ненасыщенный; менее яркий по сравнению с основным цветом. Светлая синева северного неба» [Ушаков 2013: 675]. «Толковый словарь Ожегова» определяет светлый как «1. Излучающий сильный свет. 2. Хорошо освещенный; яркий. 3. Ясный, прозрачный. 4. Менее яркий по цвету по сравнению с другими, бледный, не темный» [Ожегов 2006: 703]. Более широкое толкование дает «Толковый словарь Ефремовой»: «1. Излучающий сильный, яркий свет. 2. Хорошо освещенный, наполненный светом. 3. Чистый, прозрачный (о жидкости, стекле и т.п.). 4. Менее яркий по сравнению с основным цветом; не насыщенный. 5. Имеющий тонкие линии букв (в типографском деле)» [Ефремова 2005: 477].

Лексема «светлый», кроме прямых значений, имеет и переносные значения, которые и определяют семантику ЛЕФТ с одноименным колоративом. Приведем примеры.

1. ЛЕФТ с колоративом «светлый» могут обозначать радостные, приятные события, моменты: светлые воспоминания – радостные, веселые воспоминания [Словарь русского языка 1999]; светлое будущее – радостное, ничем не омраченное [там же]. Светлыми называют чувства, ощущения, если они радостны, ничем не омрачены.

2. Отчетливый, ясный (об умственных способностях): светлый ум – человек умный, логически мыслящий, рассудительный [Словарь фразеологических синонимов 1996: 265]; светлая голова – 1. кто. Ясно, логично мыслящий человек. 2. у кого. Ясный и логичный ум [Федоров 2008: 158].

3. ЛЕФТ с колоративом «светлый» также имеют семантику, в основе которой – христианская традиция. В частности, у христиан светлой считается праздник Пасхи: светлая неделя – неделя, следующая за Пасхой [Ушаков 2013: 676]; светлый праздник – праздник Пасхи у христиан [Словарь русского языка 1999].

4. Чистый и ясный духом, умиротворенный, просветленный (о человеке): светлая личность – человек как носитель каких-н. свойств, лицо [Ожегов 2006: 331]. Светлым также называют выражение лица, если оно выражает радость, безмятежность.

5. Обладающий высокими моральными качествами: светлый образ – возвышенный, благородный [Словарь русского языка 1999].

6. ЛЕФТ данной группы используются и при разговоре об умершем человеке. Например, происхождение ЛЕФТ светлой памяти – Об умершем, покойном, которого вспоминают с уважением, почтением, любовью [Федоров 2008: 572], вероятно, от значения слова «светлый» как радостный, ничем не омраченный. Если кому-либо светлая память, то это означает, что этот человек умер и оставил о себе хорошие воспоминания.

Цветообозначение «темный» в русской языковой картине мира, по данным «Русского ассоциативного словаря» [Русский ассоциативный словарь], обозначает чаще конкретные предметы. В русском сознании «темный» ассоциируется с лесом, углом, коридором, человеком, переулком, вечером, двором ночью и днем, подвалом и подъездом; также может характеризовать внешние характеристики человека такие, как волосы, костюм и т.д. Также в ассоциациях носителей русского языка «темный» обязательно сопровождается антонимической парой «светлый».

Согласно толковым словарям русского языка, колоратив «темный» имеет значение «Лишенный света, погруженный в тьму, в мрак» [Ушаков 2013: 709]. «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [1999] подает следующие прямые значения данного колоратива: «1. Лишенный света, освещения, со слабым, скудным светом. 2. По цвету близкий к черному, не светлый». По Ефремовой, «темный» в прямом значении – это «1. Лишенный света, освещения. 2. Не пропускающий свет, создающий темноту» [Ефремова 2005: 513].

У лексемы «темный», кроме прямого содержания, есть и переносные значения, которые и определяют семантику ЛЕФТ с одноименным колоративом.

Приведем примеры.

1. ЛЕФТ с колоративом «темный» может обозначать неизвестность, неясность, нечто смутное: темная лошадка – о человеке, чьи качества, возможности неясны, неизвестны [Ожегов 2006: 334]; темна вода во облацех – будущее неведомо, дело темное [Даль 1998: 1950], Совершенно непонятно, неясно [Федоров 2008: 107], О чем-то непонятном, необъяснимом [Ожегов 2006: 798]; темные места – неясное, непонятное [Даль 1998: 3668], непонятная, неразгаданная часть текста [Федоров 2008: 459], неясный, смутный, непонятный [Ожегов 2006: 798].

2. Печальный, задумчивый, мрачный, хмурый. Период жизни, настроение и т. п. называют темными, если они мрачные, тяжелые, лишённые радости.

3. ЛЕФТ с колоративом «темный» имеют также семантику вызывающего недоверия, сомнительного, подозрительного: темная личность – 1. О человеке, вызывающем отрицательные эмоции, имеющем темное прошлое. 2. Об обскуранте, невеже, необразованном и невоспитанном человеке [Мокиенко 2008: 588]; темное дело – темное место сочиненья, неясное, непонятное [Даль 1998: 3668], махинация [Федоров 2008: 210], вызывающий подозрение, сомнительный по честности [Ожегов 2006: 798]. Также «дело темное» говорят, когда имеют в виду, что об этом ничего неизвестно.

4. ЛЕФТ данной группы обозначают и нечто злое, злостное, преступное. Например, темные силы – общее название для злых, недобрых дел [Даль 1998: 3268].

5. Невежественный, отсталый: темное царство – невежественная, косная общественная среда [Федоров 2008: 774], затхлая, отсталая среда [Ожегов 2006: 872].

6. ЛЕФТ с колоративом «темный» могут обозначать нечто, вызывающее стыд: темное пятно – факты, порочащие кого-либо; неблагоприятные поступки, скрытые преступления [Федоров 2008: 677]. Темным пятном на ком-либо или чем-либо называют то, о чем стыдно говорить или вспоминать.

7. Данная группа ЛЕФТ может обозначать растерянность, незнание чего-либо. Например, темный лес – полная неясность, неизвестность для кого-либо. О чем-либо незнакомом или непонятном [Федоров 2008: 417]. Если вы говорите, что что-либо для вас – темный лес, значит, что вы ничего в этом не понимаете.

8. Слепота: темная вода – слепота от потускления глазного хрусталика или катаракта [Даль 1998: 1208], слепота вследствие болезни зрительного нерва [Ожегов 2006: 89].

В китайском языке система цветоименований является весьма развитой, язык обладает широким набором средств для передачи основных спектральных участков и их оттенков. В различные исторические периоды данная система непрерывно изменялась, постоянно обогащаясь и усложняясь.

В китайском языке почти каждое слово, обозначающее цвет, может вызывать богатые ассоциации и выразить эмоциональные переживания и чувства человека.

Иероглифы 淺 qiǎn (светлый) и 深 shēn (темный) в китайском языке используются для усиления или приглушения оттенка. А колоративами в составе ЛЕФТ являются иероглифы 明 (мин) и 暗 (ань).

Чтобы передать значение иероглифа 明 мин («яркий, светлый, просвещенный»), древние китайцы соединили два иероглифа – солнце 日 и луна 月. Интересно, что именно этот иероглиф послужил названием одной из блестящих династий в Китае, династии Мин.

Согласно «Китайско-русскому словарю», основное значение иероглифа 明 мин – «1. светлый; ясный; яркий; ясно; светло: 明月 ясная луна, яркий лунный свет; 明照 ярко освещать, ясно светить. 2. светать, рассветать: 東方明矣 восток посветлел. 3. рассвет; дневная пора; свет: 待明而入 войти с рассветом, 百星之明 свет множества звезд. 4. завтрашний день; завтра, наавтра: 我明兒去 я отправлюсь завтра» [Китайско-русский словарь].

Однако ЛЕФТ с колоративом «светлый» в китайском языке имеют широкую семантику. Приведем примеры.

1. Понятный, открытый, очевидный:

有話明說 – ясно говорить, что на душе [成语大词典 2011: 1158];

明是你的錯 – очевидно, это твоя ошибка [там же 579];

問明 – выяснить вопросами [там же 255].

2. Явный, показной, действующий напоказ:

明是贊助, 暗中卻不同意 – внешне (на виду) одобрять, втихомолку же не соглашаться [там же 1176].

明明德 – показать ясно всем светлую добродетель [там же 443];

明火執仗 (букв. светлый огонь и грабительский налет с оружием в руках) – открытый разбой [там же 1094].

3. Просвещенный, умный, мудрый:

明王 – просвещенный правитель, мудрый государь [там же 1071];

八面見光 (букв. восемь сторон света может видеть) – очень дипломатический человек [там же 568];

穿壁引光 (букв. прибить стену, ввести свет) – упорно заниматься, стремиться к знаниям [там же 623].

4. Становиться известным, совершенствоваться:

刮垢磨光 – (букв. счистить грязь и навести глянец) – совершенствоваться [там же 749].

5. Считать светлым, почитать, уважать:

君者所明也 государь – это тот, кого почитают [там же 1026];

赫赫之光 (букв. свет солнца яркий и ясный) – человек имеет высокий престиж [там же 730].

6. Законный, связанный с правосудием:

明婚正配 (букв. светлый брак и нормально вступать в брак) – законный брак в соответствии с положениями [там же 721];

明镜高悬 (букв. светлое зеркало высоко подвешено) – справедливость и правосудие [там же 544].

7. Благородный, честный:

光明正大 – благородный и подлинный [там же 988];

明人不做暗事 (букв. светлый человек не делает не яркие дела) – честный человек не занимается темными делами [там же 216];

光明磊落 (букв. откровенный и светлый) – благородный и честный [там же 87].

8. Наделенный внешней красотой:

明眸善睐 (букв. светлые очи ласково манят) – о зовущем взгляде красавицы [там же 796].

鲜眉亮眼 (букв. изящные брови, светлые глаза) – прелестный вид, прекрасная наружность – о красавице [там же 876].

满面红光 (букв. красный свет на лицо) – цветущий вид [там же 219].

9. Мимолетный:

电光朝露 (букв. свет молнии и роса перед восходом солнца) – только то, что может существовать очень короткое время [там же 215];

电光石火 (букв. свет молнии и огонь камня) – мгновенно [там же 996].

10. Красота природы:

湖光山色 (букв. озера светят и горы цветут) – блестящие озера и живописные горы [там же 816];

山光水色 – (букв. свет горы и цвет воды) – прекрасный пейзаж [там же 164].

Символику темного в китайском языке можно также определить по толковому словарю. Цветообозначение 暗 «темный» обозначает «1. темный, мрачный; сумеречный; тусклый; без света: 天昏地暗 – мрачно небо и темна земля, 住在暗屋子裏 – жить в темной комнате. 2. темный, глубокий (о цвете, оттенке): 暗藍 темно-синий. 3. незрячий (о глазах); глухой, без окон (о стене): 暗壁 глухая стена. 4. сумрак, мрак; тьма: 結暗生陰 – сгущающийся мрак рождает темноту. 5. сумерки; темнота; ночь: 車駕逼暗乃還 – экипаж вернулся только к ночи» [Китайско-русский словарь].

ЛЕФТ с колоративом 暗 «темный» в китайском языке имеют широкую семантику. Приведем примеры.

1. Невежественный, непросвещенный:

暗者求明 – непросвещенный тянется к свету [成语大词典 2011: 726].

2. Подлый (о человеке):

明人不作暗事 – благородный человек подлости не сделает [там же 530].

3. Скрытный, тайный, замаскированный, секретный:

暗中做事 – действовать скрытно [там же 562];

暗锤打人 (букв. темный молот поразил людей) – тайно нападают на людей [там же 1042];

暗度陈仓 (букв. в темноте пробраться в Чэньцан) – вступить в тайную связь, в тайное соглашение [там же 875];

暗藏杀机 (букв. убийство в темном месте) – потенциальная опасность, скрытая угроза [там же 232];

暗中作梗 (букв. ставить палки в колеса в темном месте) – втайне вредить [там же 101].

4. Недостойные дела/поступки/действия:

暗昧之事 (букв. темные дела) – позорные дела [там же 738];

暗室亏心 (букв. потерял сердце в темной комнате) – втайне совершать дурные поступки [там же 70];

明人不做暗事 (букв. яркий человек не делает темных дел) – умный человек не совершит дурного поступка [там же 796].

5. Злоба, злость:

暗气暗恼 (букв. тайно сердится в темном месте) – держать злость в своем сердце [там же 459].

В Таблицах 1 и 2 представлена семантика ЛЕФТ с колоративами «светлый» и «темный» в русском и китайском языках.

Таблица 1

**Значения ЛЕФТ с колоративами «светлый» / 明
в русском и китайском языках**

Семантика ЛЕФТ	Светлый	明
Радостные, приятные события	+	
Отчетливый, ясный (об умственных способностях)	+	+
Религиозное значение	+	
Чистый и ясный духом, умиротворенный, просветленный (о человеке)	+	
Обладающий высокими моральными качествами	+	
Об умершем человеке	+	
Понятный, открытый, очевидный		+
Явный, показательный, действующий на показ		+
Известный		+
Считать светлым, почитать, уважать		+
Законный, связанный с правосудием		+
Благородный, честный		+
Наделенный внешней красотой		+
Мимолетный		+
Красота природы		+

Таблица 2

**Значения ЛЕФТ с колоративами «темный» / 暗
в русском и китайском языках**

Семантика ЛЕФТ	Темный	暗
Неизвестность, неясность, нечто смутное	+	
Печальный, задумчивый, мрачный, хмурый	+	
Недоверие, нечто сомнительное и подозрительное	+	
Злое, злостное, преступное	+	+
Невежественный, отсталый	+	+
Вызывающий стыд	+	
Растерянность	+	
Слепота	+	
Подлый (о человеке)		+
Скрытный, тайный, замаскированный, секретный		+
Недостойные дела/поступки/действия		+

Результаты, приведенные в Таблицах, демонстрируют, что русские ЛЕФТ с колоративом «темный» более частотны, нежели китайские. При этом в китайском языке больше ЛЕФТ с колоративом «светлый», чем в русском. Таким образом, как в русском, так и в китайском языках существует символика цветообозначений, которая воплощается в словах, обозначающих цвет.

Семантика ЛЕФТ с колоративами «светлый» и «темный» тесно связана с менталитетом Беларуси и Китая. Сравнительно большое количество ЛЕФТ с цветообозначениями в составе, их относительно высокая продуктивность свидетельствуют о том, что колоративы в группу лексем с высоким потенциалом фразеологической активности. Проведенный анализ показал, что ЛЕФТ с компонентом «цвет» чаще используются при описании внешности и физического состояния человека.

На примере рассмотренных единиц можно отчетливо представить, насколько разнообразна и выразительна фразеология современного китайского и русского языков, насколько они схожи и различны между собой.

Список литературы

Балакина В.В. Сравнение символики цвета во фразеологизмах с компонентом цветообозначения в китайском и русском языках / *В.В. Балакина // Языки. Культуры. Перевод: материалы III Междунар. науч.-практ. форума. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 319–326.*

Завьялова Н.А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как реализация национального самосознания китайского и русского народов / *Н.А. Завьялова // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 99–106.*

Захарчук О.Е. Цветовая фразеология китайского языка / *О.Е. Захарчук, О.В. Николенко // Теоретические и методологические проблемы современных*

наук: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: ЦРНС, 2016. С. 76–81.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / *Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров.* М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / *В.В. Виноградов.* М.: Русский язык, 1977. 189 с.

Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 05.02.2021).

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / *Д.Н. Ушаков.* М.: Атлант, 2013. 800 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь / *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.* М.: ООО «Темп», 2006. 944 с.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / *Т.Ф. Ефремова.* М.: Астрель, 2005. 636 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. *А.П. Евгеньевой.* М.: Русский язык, 1999.

Словарь фразеологических синонимов русского языка / [*А.К. Бирих и др.*]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 352 с.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / *А.И. Федоров.* М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. / *В.И. Даль.* М.: Цитадель, 1998. 4098 с

Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок / *В.М. Мокиенко.* М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.

Китайско-русский словарь. URL: <https://www.chinese-russian.com/zd/zizi/>. (дата обращения: 05.02.2021).

成语大词典 (双色缩印版) (Большой словарь китайских фразеологизмов) / 商务印书馆国际有限公司, 2011. 1431 с.

Ju Qun

Postgraduate Student of English Language Faculty
Minsk State Linguistic University

SEMANTICS OF LEXICAL UNITS OF PHRASEOLOGICAL TYPE WITH THE COLORATIVE 'LIGHT' AND 'DARK' IN RUSSIAN AND CHINESE

The article deals with the problem of semantics of lexical units of phraseological type with the coloratives "light" and "dark" in Russian and Chinese. Russian and Chinese phraseological units with the coloratives "light" and "dark" should be considered for this purpose. The study was carried out on the material of 20 Russian and 40 Chinese phraseological units. The analysis showed that in Russian and Chinese cultures lexical units of phraseological type with the coloratives "light" and "dark" have different semantics, and their meanings are often not identical.

Key words: lexical units, phraseological units, colorative, color designation, semantics, connotation.

УДК 81'342.4

Гулора Якшимурадова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
yakshimuradova87@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ В РУССКОЙ РЕЧИ ТУРКМЕН: ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

В статье анализируется фонетический акцент в русской речи туркменских студентов. Проводится измерение длительности гласных звуков, воспроизводимых при чтении текста. Полученные данные о длительности гласных в русской речи туркменских студентов сравниваются с данными нормативного русского произношения.

Ключевые слова: интерференция; туркменский язык; русский язык; фонетический акцент; гласные звуки; длительность гласных.

Термин «акцент» многозначен и используется во многих сферах человеческой деятельности. В лингвистике можно встретить множество определений данному термину, например, в словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило дается ряд определений, в которых «акцент» рассматривается как ударение, интонационное выделение, выделение какой-либо мысли и, наконец, «интерферентные особенности произношения, свойственные говорящему на чужом языке» [Жеребило 2010: 27]. Так как предметом данного исследования является фонетический акцент туркменских учащихся в произношении единиц сегментного уровня, воспроизводимых в потоке речи, (а именно – длительности гласных звуков русского языка), то актуальным в этом случае последнее определение.

В современном мире в связи с расширением языковых контактов и задачами обучения русскому языку как иностранному или любому другому иностранному языку, проблема изучения фонетического акцента становится актуальной. «Проблемы интерференции на фонетическом уровне являются, пожалуй, одной, из самых сложных и актуальных проблем современной лингвистики» [Будник 2012]. Особое значение для фонетического акцента в русском языке играет длительность гласных, поскольку один из базовых фонетических процессов русского языка – редукция – основан на вариативности длительности слога и гласного [Бондарко 1977, 1998 и др.].

Цель настоящего исследования – сравнить длительность гласных звуков, воспроизводимых в потоке речи туркменскими учащимися, с нормами длительности гласных звуков русского языка и выявить акцентные черты в области длительности, вызванные интерферентным влиянием родного языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- выбрать текст для исследования;

- произвести запись информантов;
- с помощью средств акустического анализа измерить длительность гласных звуков в разных позициях при чтении текста;
- сопоставить данные о длительности гласных в русской речи туркмен с длительностью нормативных русских гласных звуков в соответствующих позициях.

Туркменский язык относится к тюркской языковой группе и является государственным языком Туркменистана. В туркменском языке много диалектов (около 30); базой литературного языка считается текинский диалект.

Сравнивая гласные звуки русского и туркменского языков, можно отметить, что аналоги всех русских гласных фонем имеются в туркменском языке, кроме того, все звуки кроме фонемы /ы/ совпадают по ряду и подъему, однако в туркменском языке есть долгие фонемы, которые противопоставлены кратким: по этому признаку дифференцируются все фонемы кроме /æ:/ – всегда долгий, /e/ – всегда краткий (ср. табл. 1 и 2). Как видно из Таблиц, в туркменском языке имеются гласные фонемы, которых нет в русском языке: передние огубленные /y/, /y:/, /ø/, /ø:/ [Грунина 2005].

Таблица 1

Система гласных фонем русского языка

Подъем	Ряд			
	Передний	Средний	Задний	
	Неогубленные	Неогубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний	И	Ы		У
Средний	Е			О
Нижний			а	

Таблица 2

Система гласных фонем туркменского языка

Подъем	Ряд			
	Передний		Задний	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний	í í:	у у:	í í:	u u:
Средний	Е	ø ø:		o o:
Нижний	æ:		а а:	

Долгота и краткость фонем в туркменском языке для некоторых слов выполняет смысловозначительную функцию. Ср.:

Слово	произношение/значение	
<i>Bil</i>	[bil] ‘знай’	[bi:l] ‘талиа’
<i>Ot</i>	[ot] ‘трава’	[o:t] ‘огонь’
<i>Pil</i>	[pil] ‘слон’	[pi:l] ‘лопата’
<i>Daş</i>	[daş] ‘далеко’	[da:ş] ‘камень’
<i>Ýaz</i>	[ýaz] ‘пиши’	[ýa:z] ‘весна’
<i>Öl</i>	[öl] ‘умри’	[ö:l] ‘влажный’

Материалом исследования в данной работе стали прочитанные тексты (аудиозаписи) двух информантов, обучающихся в ПГНИУ. Для аудиозаписи был выбран готовый текст «Новое путешествие» из пособия «Русский язык: 5 элементов» [Эсмантова 2019].

На материале аудиозаписи методом слухового и акустического анализа (измерения длительности) проанализированы произнесения гласных в разных позициях в 250 (двухстах пятидесяти) словах (по 125 слов у каждого информанта). Из разных единиц текста были выбраны гласные звуки в разных позициях, произнесенные в конкретных словах. Длительность звуков определялась в программе звуковой обработки текста «GoldWave».

Усредненные значения длительности гласных у информантов можно видеть в Таблице 3.

Таблица 3

Средние значения длительности гласных у И1, мс

Позиции	Гласные											
	а		Е		О		І		ы		U	
	И1	И2	И1	И2	И1	И2	И1	И2	И1	И2	И1	И2
Ударный слог	127	130	107	111	107	133	111	112	98	99	98	102
Абсолютное начало	73	93					99	82	-	-	78	89
1 предударн. Слог	72	81					59	79	-	-	48	62
2 предударн. слог	73	62					125*	90*	-	-	0	0
Заударный слог	70	64					79	65	96	65	0*	61*
Абсолютный конец	98	85					71	95	107	87	81	70

Среднее значение длительности звуков рассчитывалось только для тех позиций, количество которых в тексте от четырех и выше. В некоторых позициях оказалось невозможным определить среднее значение длительности, так как в тексте было слишком мало позиций и выборка недостаточно велика для расчета средней, однако конкретные показатели длительности даны в таблице, но помечены знаком «*» (2 предударный [i], заударный [u]). Кроме того, в тексте не оказалось слов со звуком /ы/ в первой и второй предударной позициях, а в абсолютном начале слова данный звук в русском языке практически не встречается.

Усредненные данные о длительности звуков в речи туркменских студентов сопоставлялись с данными о нормативной длительности звуков в русском языке (см. табл. 4). Имеющиеся результаты сравнивались с данными длительности гласных звуков русского языка, которые представлены в [Матусевич 1976: 118].

Сравнение средней длительности гласных звуков в произношениях двух информантов с данными о нормативной длительности гласных в русском языке показывает, что в ударных позициях все гласные, кроме /ы/, реализуются туркменскими студентами как значительно более короткие. Разница в длительности

максимальна для гласного /a/ и достигает почти 70 мс. В остальных позициях для разных гласных наблюдаются различные тенденции.

Гласный /a/ в произношении туркменских студентов практически во всех позициях реализуется как более короткий, чем этого требует норма русского языка, однако следует отметить, что при этом разница в длительности по степеням редукции сохраняется: гласные в абсолютном начале слова и в 1 предударном слоге в произношении туркмен оказываются более длинными, чем в позициях 2 предударного и заударного слогов. В абсолютном конце слова гласный /a/ реализуется с такой же длительностью, как в русском языке.

Таблица 4

**Длительность гласных в произношении туркменских студентов
и в нормативном русском произношении, мс**

Позиции	Туркменские студенты	Нормативное произношение
Гласный /a/		
Ударный слог	128	196
Абсолютное начало	83	92
1 предударный слог	76	92
2 предударный слог	67	77
Заударный слог	67	77
Абсолютный конец	91	92
Гласный /i/		
Ударный слог	111	140
Абсолютное начало	90	70
1 предударный слог	69	70
Заударный слог	72	67
Абсолютный конец	83	70
Гласный /u/		
Ударный слог	100	155
Абсолютное начало	83	97
1 предударный слог	55	97
Абсолютный конец	75	97
Гласный /ы/		
Заударный слог	80	77
Абсолютный конец	97	85

Гласный /i/ в произношении туркменских студентов в абсолютном начале и абсолютном конце слова оказывается более длинным, чем этого требует норма русского произношения, однако в других позициях его длительность примерно совпадает с русской нормой. Гласный /u/ во всех случаях реализуется туркменскими студентами как более короткий, чем требует норма русского языка. Гласный /ы/ в абсолютном конце слова длиннее требуемого, но в позиции заударного слога практически совпадает с русской нормой.

Таким образом, сравнение длительности звуков в произношении информантов с нормативным произношением русского языка показывает, что не все

количественные показатели реализации гласных в русской речи туркмен и русских нормативных гласных совпадают. На реализацию длительности гласного влияет как сам гласный, так и позиция, которую он занимает в слове.

Наименее нормативно реализуется гласный /a/, наиболее нормативно – гласный /u/ (за исключением позиции 2-го предударного слога). Отметим, что в русском языке редукция гласных является наиболее сложно организованной именно у гласного /a/, где она включает не только количественную, но и качественную редукцию.

Наблюдается очевидная разница в реализации гласных в абсолютном начале и абсолютном конце на фоне реализации в остальных позициях. Можно предположить, что гласные в абсолютном начале и абсолютном конце слова ассоциируются с долгими гласными в туркменском языке, в то время как гласные в других позициях – с краткими гласными.

Перспективой исследования является увеличение выборки информантов, привлечение информантов с разным уровнем освоения языка, а также привлечение данных о реальном произношении тех же гласных в тексте современными носителями русского языка.

Список литературы

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 276 с.

Будник Е. А. Фонетическая интерференция и иностранный акцент при обучении русскому произношению // *Lingua mobilis*. 2012. № 3(36). С. 171–179.

Грунина Э. А. Туркменский язык. М.: Восточная литература, 2005. 288 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.

Эсмантова Т. Л. Русский язык: 5 элементов: Уровень А2 (базовый). СПб.: Златоуст, 2019. 328 с.

G. Yakshimuradova

Student of Philological Faculty
Perm State University

PHONETIC ACCENT IN THE RUSSIAN SPEECH OF THE TURKMEN: DURATION OF VOWELS

The phonetic accent in the Russian speech of Turkmen students is analyzed in the article. Measurement of the duration of vowels reproduced when reading a text is carried out. The obtained data on the duration of vowels in the Russian speech of Turkmen students are compared with the data of the normative Russian pronunciation.

Key words: interference; Turkmen language; Russian language; phonetic accent; vowels; vowels' duration.

УДК 81

Янь Сяолин

аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
yx119910729@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПРИЧИНЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию реализации функционально-семантической категории причины в разговорной речи. Показано, что в обиходно-бытовой сфере используется лишь часть языкового потенциала рассматриваемой категории. Так, из 10 ее микрополей регулярно реализуется лишь 5. При этом неполно представлены не только периферийные, но и ядерные для общей системы языка средства. Установлено, что ограничение состава микрополей и их трансформация закономерно связаны с основными целями общения в обиходно-бытовой сфере.

Ключевые слова: ФСК; каузативные отношения; РР; функциональный стиль; дискурс.

Как известно, понятие функционально-семантической категории (ФСК) характеризует систему языка в аспекте объединения разноуровневых языковых единиц на основе общности их семантической функции. Это понятие предполагает описание грамматического строя с выходом в область моделирования межуровневых полей языковых единиц [Бондарко 1984].

Согласно определению А.В. Бондарко, функционально-семантическое поле – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. Поле базируется на той или иной семантической категории. В структуре функционально-семантического поля различаются два основных типа: моноцентрический и полицентрический. Первый тип выступает в двух разновидностях: моноцентрические поля с целостным грамматическим ядром и моноцентрические поля с комплексным ядром. Полицентрические поля характеризуются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферию [Бондарко 1984].

Согласно концепции М.Н. Кожинной [Кожина 2014], структурный аспект изучения языка недостаточен для выявления его сущностных характеристик. Этот аспект должен быть дополнен речеведческим (дискурсивным). Действительно, в определении языка как важнейшего средства общения акцент делается на слове *средство*, тогда как понятие *речевого общения* остается в тени. Отсюда необходимость дополнения функционально-семантического подхода к изучению грамматических категорий функционально-стилистическим анализом их реализации в живом общении.

Закономерным представляется вопрос: как та или иная ФСК представлена не только в статической системе языка, но и в живом языке, функционирующем в различных сферах социальной деятельности, т.е. существующем «в недрах» основных функциональных стилей?

Объектом нашего анализа выступает ФСК причины. Предмет изучения – закономерности реализации этой ФСК в русской разговорной речи (далее – РР). Материалом исследования послужили записи последней общим объемом свыше 100 тыс. словоупотреблений [Живая речь 1995]. В дальнейшем планируется обращение также ко всем другим функциональным стилям русского языка. Тем самым мы ставим своей конечной целью создание модели реализации ФСК причины в реальной речевой действительности.

Изучению причинных конструкций в языке посвящен целый ряд работ [Теория 1987, Амагов 2005, Бакулев 2009, 张雪莹 2012, 张良 2018 и др.]. Наиболее полно это поле охарактеризовано в монографическом исследовании Р.М. Теремовой, в котором ФСК причины представлена рядом микрополей, объединенных в две сферы – предметной причины и причинного обоснования. Сферу предметной причины образуют 2 микрополя: «основной предметной причины» и «неосновной предметной причины». Сферу причинного обоснования – 10 микрополей: «прямого причинного обоснования реального действия», «прямого причинного обоснования предполагаемого действия», «прямого причинного обоснования оценки», «прямого причинного обоснования побуждения», «косвенного причинного обоснования действия следствием его неосуществления», «косвенного причинного обоснования оценки следствием неосуществления оцениваемого явления», «косвенного причинного обоснования реального действия следствием его неосуществления», «косвенного причинного обоснования предполагаемого действия следствием его неосуществления», «косвенного причинного обоснования оценки следствием неосуществления оцениваемого явления», «косвенного причинного обоснования побуждения следствием неосуществления побуждаемого явления» [Теремова 2017].

Важный аспект описания ФСК – выделение ядерных и периферийных средств реализации той или иной семантической функции. Как показано Р.М. Теремовой, ядро ФСК причины образуют языковые средства, специализированные для выражения каузальности. Ими являются: сложноподчиненные предложения с причинными союзами, а также предложения с союзами *а то, тем более что*, глагольно-субстантивные конструкции с предлогами *благодаря, ввиду, вследствие, в силу, по причине, из-за, от*, конструкции с присоединительным значением (с союзом *да и*) и с союзом *иначе*. Периферией являются языковые средства, которые приспособлены для выражения прежде всего некаузальных типов семантики. Будучи многочисленными, они принадлежат сразу двум или нескольким полям: некаузальному и причинно-следственному [Теремова 2017]. Здесь некаузальная семантика является доминантной, а причинно-следственная семантика вторична. Таковыми являются, например, сложноподчиненные предложения с придаточным

времени (семантически осложненные выражением каузальных отношений), глагольно-деепричастные конструкции, бессоюзное сложное предложение и др.

В ходе проведенного исследования установлено, что РР накладывает ограничение на реализацию потенциала ФСК причины. Так, в наших материалах по РР представлены лишь 5 микрополей: «основной предметной причины», «прямого причинного обоснования реального действия», «прямого причинного обоснования предполагаемого действия», «прямого причинного обоснования оценки», «косвенного причинного обоснования действия следствием его осуществления». Среди этих 5 микрополей чаще всего реализуется микрополе «основной предметной причины» (*Осталась сиротой трех лет / мать умерла*). Другие семантические микрополя представлены лишь небольшим количеством употреблений каузальных средств. Ср. высказывания с семантикой «прямого причинного обоснования оценки» (*Хорошо / что вышла [замуж] / он все время на деньгах*), «прямого причинного обоснования реального действия» (*Дом сами построили / никто меня не выгонит*) и др.

Важно отметить, что и сам состав каузальных языковых средств, представленных в русском языке, используется в РР в весьма ограниченном виде (ср.: [Земская и др. 1981], [Разговорная речь 1992]).

Неполно представлены в РР как ядерные языковые средства поля причины, так и еще в большей степени периферийные. При этом средства первого ядерного слоя (причинные СПП: *Я в этот год только три дня работала / потому что оставить ее [дочь] было не с кем*), предложения с союзом «а то»: *а то так-то не закроешь / так замерзнут [об огородных растениях]*, глагольно-субстантивные конструкции: *Меня от зависти трясет* и др.) используются в РР реже, чем средства второго слоя, более удаленного от центра – БСП: *Да я знаю / мы тоже делали*, причинное значение которых не маркировано формальными признаками. Периферийные языковые средства, такие как СПП и ССП, выражающие одновременно с причинной семантикой другие обстоятельственные значения, представлены в наших материалах лишь единичными примерами.

Указанные особенности актуализации поля причины в РР закономерны. Действительно, в каждом из стилей, как известно, используется не весь потенциал языка, а именно те языковые средства, которые необходимы для реализации коммуникативных целей соответствующей сферы деятельности [Кожина 2014]. В обиходном общении такими целями являются: поддержание живых человеческих контактов, решение ближайших практических задач, осуществление эмоционального и волевого самовыражения [Васильева 1982]. Реализация этих целей, как показывает наш анализ, не требует широкого использования каузальных конструкций (ср.: [Сиротинина 1992], [Земская и др. 1981]).

Список литературы

Аматов А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2005. 32 с.

Бакулев А.В. Функционально-семантическое поле каузальности в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. н. М., 2009. 194 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. М.: Наука, 1984. 134 с.

Васильева А.Н. О целостном комплексе стилоопределяющих факторов на уровне макростилей // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. Перм. ун-т, 1986. С.3–12.

Живая речь уральского города. Тексты. Авторы-составители: И.Н. Борисова, И.Т. Вепрева, О.П. Жданова и др. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995. 206 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избр. труды. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 624 с.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного литературного русского языка. Грамматика / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 312 с.

Сиротинина О. Б. Заключение // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С.309.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. Л., Наука, 1987. 348 с.

Теремова Р. М. Функциональная грамматика: блок обусловленности в современном русском языке: монография. СПб., Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 284 с.

张良. 汉语语篇因果关系的认知加工[D]. 北京: 中国社会科学院博士学位论文. 2018. 194 с. (Чжанлян. Причинность в китайском языке на уровне текстов[D]. Пекин: докторская диссертация в Академии общественных наук КНР).

张雪莹. 俄语中的因果关系研究[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学博士学位论文. 2012. 187 с. (Чжан Сюеин. Причинность в русском языке[D]. Харбин: Докторская диссертация в Хэйлунцзянском университете)

Yan Xiaoling

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

IMPLEMENTATION OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF REASON IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

The article is devoted to the study of the implementation of the functional-semantic category of reason in colloquial speech. It is shown that only a part of the linguistic potential of the category under consideration is used in the everyday sphere. Out of 10 of its microfields, only 5 are regularly implemented. At the same time, not only peripheral, but also nuclear means for the general language system are not fully represented. It has been established that the restriction of the composition of microfields and their transformation are naturally associated with the main goals of communication in the everyday sphere – maintaining living human contacts, solving practical problems, implementing emotional and volitional self-expression.

Key words: functional-semantic category; causative relations; colloquial speech; functional style; discourse.

УДК 811.111'38

Александра Сергеевна Синявская
студент факультета английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
sinyavskaya.alex@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ)

В статье иллюстрируется формирование речевой системности функционального стиля на примере использования английских параметрических глаголов в научном и художественном типах текстов. Раскрывается положение о том, что выбор и реализация значений языковых единиц на текстовой плоскости происходит в соответствии с целями и задачами коммуникации в конкретной общественной среде.

Ключевые слова: изменение; параметрические глаголы; речевая системность; научный текст; художественный текст.

В фокусе внимания нашего исследования находится лексико-семантическая группа английских глаголов, обозначающих параметрическое изменение, которое в последние десятилетия привлекает внимание специалистов в самых разных областях языкознания (лексической семантике, психолингвистике и др.)

Отбор параметрических глаголов проводился в несколько этапов путем семантического анализа словарных дефиниций. Их сопоставление дает возможность обнаружить общие моменты и выявить основные критерии для последующего семантического размежевания.

На первом этапе было установлено, что основными индикаторами изменения в лексикографическом толковании служат прилагательное *different*, обладающее собственно компонентом изменения, глаголы *become* и *change*, используемые для описания всевозможных процессов и действий, связанных с переменами различного рода.

В ходе дальнейшего анализа был выявлен такой элемент толкования, как наречие *slightly* 'слегка, незначительно', который указывает на то, что вследствие изменения объект остается тождественным самому себе, тем самым позволяет отграничить параметрические глаголы изменения от других типов. Например, в электронной версии Оксфордского словаря глагол *moisten* определяется как *to become or make something slightly wet* 'стать или сделать что-то слегка влажным' [Turnbull].

В дефинициях параметрических глаголов также присутствует информация о параметре, претерпеваемом изменении, который может быть представлен эксплицитно (например, *brighten* ‘осветлять’ – *to become or make something lighter or brighter in colour* ‘стать или сделать что-то светлее или ярче по цвету’ [Turnbull]) или имплицитно (например, *solidify* ‘затвердевать’ – *to become solid or make something solid* ‘стать твердым или сделать что-то твердым’ [Turnbull]).

Базовый для нашего исследования список английских параметрических глаголов насчитывает 225 единиц. Параметрические глаголы в исходном прямом значении обозначают изменение отдельного параметра/свойства/признака с сохранением сущностных характеристик первоначального объекта. При этом анализ фактического материала показал, что важным моментом функционирования предикатов изменения в английском языке является их способность образовывать контекстуальное переносное значение. Так, например, глаголы изменения цвета *blush* ‘краснеть’, *whiten* ‘белеть’ наряду со своими основными прямыми значениями *to become redder or darker* ‘стать краснее или темнее’, *to become white or whiter* ‘стать белым или белее’ могут употребляться в значениях *to become red in the face because you're embarrassed or ashamed* ‘краснеть от того, что тебе стыдно’, *to become pale in the face because of fear* ‘побледнеть от страха’: *Her face whitened when she heard the news* ‘Ее лицо побледнело, когда она услышала новости’ [Turnbull].

В свою очередь, глаголы *lighten* ‘осветлять’, *darken* ‘затемнять’ могут указывать как на параметр изменения цвета *to become less dark* ‘стать менее темным’, *to become dark or darker in colour* ‘стать темным или темнее по цвету’, так и на изменения психоэмоционального состояния *to become happier and less worried* ‘стать счастливее и менее обеспокоенным’, *to become unhappy or angry* ‘стать несчастным или злым’. Помимо этого, глагол изменения цвета *pale* ‘тускнеть’ употребляется не только в своем основном значении *to become lighter than usual in color* ‘становиться светлее обычного цвета’, но и в значении *to seem less important when compared with something else* ‘казаться менее важным по сравнению с чем-то другим’. Например: *The blue of the sky paled to a light grey* ‘Голубое небо побледнело до светло-серого’ [Turnbull]; *Our problems pale into insignificance when compared to theirs* ‘Наши проблемы меркнут по сравнению с их’ [Turnbull].

Далее остановимся на специфике употребления английских параметрических глаголов изменения в научном и художественном типах текстов. Она обусловлена реализацией на текстовой плоскости принципа речевой системности функционального стиля, под которой, вслед за М.Н. Кожинной, понимаем «взаимосвязь языковых средств в конкретной речевой разновидности (как внутри каждого языкового уровня, так и между уровнями), а также текстовых единиц на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, обусловленного экстралингвистической основой данной речевой разновидности» [Кожина 2011: 91]. Одна и та же языковая единица может быть использована в разных стилях, однако в конкретном акте коммуникации проявляются специфические для данного стиля семантические и функционально-стилистические значения.

В трудах М.Н. Кожиной понятие речевой системности получило как принципиальное обоснование, так и развернутое применение в практике стилистического анализа. Базовым положением при этом является признание речевой системности не модификацией и не перестройкой языковой системы, но построением на принципиально другой основе. Наиболее важна здесь «обусловленность речевой системы экстралингвистическими факторами, в том числе целями и задачами говорящих в их речевой деятельности, определяемыми не только субъективными (индивидуальными) интенциями, а назначением в социуме тех или иных видов деятельности и соотносимых с ними сфер общения» [Кожина 2002: 49]. Речевая системность основывается на идеях целесообразности (речь сообразна целевым сферам ее применения) и целеполагания (речь отражает замысел ее носителя).

Наблюдения над особенностями употребления английских параметрических глаголов изменения в научном тексте в сравнении с художественным достаточно показательны для раскрытия понятия речевой системности. В качестве иллюстрации покажем формирование речевой системности функционального стиля на примере использования глагола *melt* ‘таять’ в указанных типах текстов [Ляшенко 2019: 187].

Так, совокупные результаты анализа предложений с глаголом *melt* показали, что в естественнонаучных текстах он активно реализует одно типичное для данного типа текстов научно-терминологическое значение выражения изменения агрегатного состояния вещества, а точнее, переход из твердого состояния в жидкое под действием тепла: *Similarly, if a mixture of water and ice in a glass is heated, its temperature will not change until all the ice is melted* ‘Аналогично, если нагреть смесь воды и льда в стакане, ее температура не изменится до тех пор, пока весь лед не растает’.

В художественных текстах данный глагол зафиксирован в качестве гораздо более многозначного, чем в научных. Он используется согласно стилевой специфике этого функционального стиля в переносном и прямом значениях.

Во-первых, для описания перехода в умиленное, разнеженное состояние либо для выражения постепенного исчезновения. Например: *Hollis's pessimism began to melt away* ‘Пессимизм Холлис стал снижаться’. В данном случае глагол *melt* употребляется в составе сложного фазового сказуемого для передачи изменения в лучшую сторону негативного взгляда на жизнь, унылого настроения. *He stood there watching as the faint sound of the jet engines died and the blinking navigation lights melted into the black night* ‘Он стоял и смотрел, как затихает слабый звук реактивных двигателей и мигающие навигационные огни растворяются в черной ночи’. В этом предложении рассматриваемый глагол функционирует в значении ‘исчезать, пропадать постепенно, сокращаясь’.

Во-вторых, в значении ‘уменьшаться в объеме, стораая (о свече)’, а также в значении ‘обращаться в жидкое состояние’: *All the candles melted to lumps...* ‘Когда свечи догорели (дословно: ‘растаяли’) до огарков...’; *During the spring flooding season, as the winter snows melted, the water swept down the lower reaches in*

huge surges ‘В период весенних наводнений, когда таяли зимние снега, огромные водяные волны катились вниз по течению’. В этих предложениях он используется в прямом значении для передачи уменьшения свечи при сгорании и при описании превращения снега в воду.

Таким образом, отбор и активизация значений языковых единиц на текстовом уровне происходит в соответствии с целями и задачами коммуникации в определенной общественной среде.

Список литературы

Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь: Изд-во ПГУ: ПСИ: ПССГК, 2002. – 475 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2011. 464 с.

Ляшенко Е. С. Текстотипологические характеристики вербализации ситуации качественного изменения в двух функционально-стилевых типах текста: научном и художественном // Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. С. 185–190.

Turnbull J. Oxford Advanced Learner’s Dictionary URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения: 15.03.2022).

A.S. Sinyavskaya

Student of English Language Faculty

Minsk State Linguistic University

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SPEECH CONSISTENCY OF THE FUNCTIONAL STYLE (BASED ON THE EXAMPLE OF ENGLISH PARAMETRIC VERBS)

The article illustrates the formation of the speech consistency of the functional style using the example of the use of English parametric verbs in scientific and fiction texts. The article reveals the position that the choice and realization of the meanings of language units on the textual plane occurs in accordance with the goals and objectives of communication in a specific social environment.

Key words: change; parametric verbs; speech consistency; scientific text; fiction.

УДК 81'37

Кристина Сергеевна Горланова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
gorlanova.kriss@yandex.ru

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ PLURALIA TANTUM

Статья посвящена семантическому и функционально-стилистическому анализу субстантивов *pluralia tantum* в современном русском языке. Новизна исследования определяется тем, что специальное изучение субстантивированных прилагательных *pluralia tantum* ранее не проводилось. Установлены тематические группы субстантивированных прилагательных, описаны семантические процессы, сопровождающие функционирование субстантивов в речи, рассмотрены смежные с субстантивацией явления (конверсия, лексикализация, полисемия и др.).

Ключевые слова: субстантивация; субстантив; субстантив *pluralia tantum*; расширение семантики; сужение семантики.

Как известно, образование производных слов посредством субстантивации связано с действием закона речевой экономии. В настоящее время этот экстралингвистический фактор коммуникации усиливается вследствие ускорения темпов жизни. Экономия средств выражения при помощи субстантивации обеспечивается усечением словосочетания: *столовая комната* → *столовая*, *загорающие люди* → *загорающие*, *суточные расходы* → *суточные* и др. Из всех разновидностей морфолого-синтаксического способа словообразования (в терминологии В.В. Виноградова) субстантивация считается наиболее продуктивным способом деривации имен существительных от прилагательных и причастий [Рассадин 2013]. Не случайно в «Русской грамматике» субстантивация рассматривается в ряду синхронных способов словообразования [АГ–80].

Субстантивация (от лат. *Substantivum* – существительное) – это переход слов других частей речи (чаще всего прилагательных и причастий) в разряд имен существительных. Словообразующим элементом выступает система флексий существительного, которая является результатом трансформации системы флексий прилагательного или причастия. Трансформация заключается в сокращении количества словоформ субстантивированного слова. Структурно субстантивацию можно представить следующим образом: прилагательное / причастие + существительное = существительное (субстантивированное прилагательное / причастие).

В современной грамматике выделяется три вида субстантивации.

1. **Полная субстантивация.** О полной субстантивации можно говорить, когда прилагательное окончательно переходит в разряд существительных и теряет возможность употребляться в качестве прилагательного (*сказуемое, вселенная, запятая, пирожное, приданое* и др.) [Розенталь, Теленкова 1985: 311].

2. **Неполная субстантивация.** Переход прилагательного в разряд существительных при продолжающемся употреблении исходной леммы в роли прилагательных (*мороженое, сладкое, часовой* и др.) [там же: 311].

3. **Окказиональная субстантивация.** При окказиональной субстантивации прилагательные имеют слабую степень субстантивации и употребляются в качестве существительного только в конкретном контексте («*Толстый и тонкий*» А.П. Чехова) [там же: 311]. При этом субстантивы получают эмоциональную окраску.

Процесс субстантивации пересекается с рядом смежных явлений, для правильной интерпретации которых необходимо обращаться к специальным критериям. Одно из смежных явлений – **конверсия**. Сходство конверсии и субстантивации заключается в том, что оба явления представляют собой разновидности морфолого-синтаксического способа словообразования, в рамках которого при образовании нового слова изменяется не форма слова, а его грамматическое и лексическое значения. Главное различие конверсивов и субстантивов состоит в том, что в первом случае всегда образуется слово новой части речи (*вожатый* и др.), во втором случае слово часто не переходит полностью в новую часть речи (неполные субстантивы могут употребляться и как существительные, и как прилагательные) [Ван 2016].

Второе смежное явление – **лексикализация**. Хотя вопрос об их разграничении недостаточно изучен, исследователями установлено, что лексикализация связана с существенными семантическими изменениями исходного словосочетания (например, в предложении *Наши просто молодцы!* местоимение *наши* остается местоимением), в то время как при субстантивации происходит изменение части речи и слово приобретает возможность иметь при себе согласованное определение [там же: 324] (*Новая столовая* закрыта).

Субстантивы способны выражать несколько связанных между собой значений, т. е. быть полисемантами. Как правило, **полисемия** обуславливается наличием нескольких значений у производящего прилагательного (например, *ленивый* (прил.): 1 – ‘избегающий труда’; 2 – ‘медлительный, неторопливый’; 3 – ‘приготовленный более быстрым способом, чем полагается’; *ленивый* (сущ.) 1 – ‘тот, кто не желает работать, склонен к лени’; 2 – ‘тот, кто ведет малоподвижный образ жизни, кто непроворен, медлителен’). Кроме того, полисемия возникает в результате семантической компрессии разных по смыслу словосочетаний, поэтому один и тот же субстантив будет иметь разные лексические значения (например, *военный* от *военный человек* и от *уличный торговец военными орденами*) [там же: 325].

В процессе образования субстантивы могут становиться омонимами. Большинство лингвистов считают, что **омонимия** не имеет отношения к конверсии, так как лексические значения слов-омонимов различны. Но есть и противоположное мнение, что возможна омонимия семантически связанных слов (например, *работать ведущим инженером* и *быть ведущим на концерте*) [цит. по Ван 2016, 325].

Еще одним смежным явлением субстантивации является *гипербат*. Под гипербатом понимается «нарушение привычного порядка слов, <...> разрыв предложно-падежного сочетания, отрыв предлога от словоформы, в результате которого два предлога могут оказаться рядом» [там же: 326] (*Только не с кем посоветоваться, кроме с вами*). При субстантивации же один из предлогов всегда употребляется в значении имени существительного (*от «до» до «после»*).

Далее представим тематические группы 50 субстантивированных прилагательных *pluralia tantum*, извлеченных методом направленной выборки из Большого академического словаря русского языка [БАС 2004]. Распределение лексем по тематическим группам осуществлялось на основе семантической общности субстантивов.

Нами выделены следующие тематические группы субстантивов *pluralia tantum*:

- 1) наименования лиц (*присяжные, родные, близкие, молодые, новобрачные, городские* и др.);
- 2) наименования денежных выплат (*годовые, государственные, карманные* и др.);
- 3) наименования групп музыкальных инструментов (*духовые, ударные, клавишные, струнные* и др.);
- 4) названия праздников (*майские, ноябрьские* и др.);
- 5) названия физических упражнений (*вольные, силовые* и др.);
- 6) номинации научных понятий биологии (зоологические и ботанические термины):
  - a. наименования отрядов животных (*двукрылые, земноводные, крылатые* и др.);
  - b. наименования семейств растений (*кутровые, кленовые, лиственные* и др.).

Помимо этого, было зафиксировано три субстантива, не относящихся ни к одной из тематических групп: *противозачаточные, позывные, вступительные*.

Результаты анализа семантических процессов, сопровождающих субстантивацию, сводятся к следующему:

1. *Сужение значения субстантива*. Этот процесс связан с ограничением семантики производного слова по сравнению с исходным прилагательным. Так, слово *молодые* в качестве прилагательного обозначает возраст, выражая качественный признак предмета (в широком смысле) и имея практически неограниченную сочетаемость с существительными (*Когда витамина достаточно, **молодые** клетки энергичнее приходят на замену старым, а кремы и маски с ним уменьшают и разглаживают морщины*). В качестве субстантива это слово имеет единственное значение 'молодожены, новобрачные' (*В помещение, где находились **молодые**, могли зайти несколько человек и сесть на брачную постель, поэтому молодоженам приходилось выкупать свою постель*).

Очевидно, что для понимания смысла высказывания прилагательное *молодые* обязательно должно иметь определяемое существительное, в то время как

субстантиву для выражения смысла контекст не требуется в силу однозначности слова.

2. Расширение значения субстантива. Этот процесс связан с увеличением количества лексических значений производного слова по сравнению с семантикой исходного прилагательного.

Например, прилагательное *беспозвоночные* обозначает принадлежность определенного животного к рангу иерархической классификации в зоологической систематике (*Эти огромные беспозвоночные трубчатые черви, не имеющие кишечного аппарата, являются ранее неизвестной формой жизни на Земле, которая, как знать, через миллиарды лет может стать основой новой цивилизации*). Помимо червей, беспозвоночными являются также насекомые, моллюски и другие животные. В качестве субстантива слово имеет значение ‘отряд животных без внутреннего скелета’ (*Кстати, многие животные, например, птицы, рыбы, амфибии и беспозвоночные, так и не научились по-настоящему спать*). Как видим, субстантив имеет более широкое значение, объединяя всех животных, у которых отсутствует позвоночник.

Приведем результаты количественного анализа семантических процессов, сопровождающих субстантивацию:

- 1) сужение семантики зафиксировано у 37 субстантивов (74%);
- 2) расширение семантики – у 13 субстантивов (26%).

Проведенный анализ показал, что частотность употребления субстантивов в немалой степени зависит от того, в текстах какой функциональной принадлежности они употребляются. Так, наибольшее количество субстантивов входит в тематические группы наименований денежных выплат и биологических терминов, которые характерны для книжной речи – официально-делового и научного стилей. Весьма немногочисленные группы наименований лиц, праздников и физических упражнений используются преимущественно в разговорной речи, что свидетельствует о не востребованности субстантивов *pluralia tantum* в разговорном стиле.

Исходя из вышесказанного, можно сделать предварительные выводы относительно функций субстантивов *pluralia tantum* в современном русском языке:

- 1) функция языковой компрессии, которая обеспечивает возможность с помощью субстантивов выражать свои мысли кратко и вместе с тем точно;
- 2) терминологическая функция, характерная в первую очередь для субстантивов, которые используются в официально-деловой и научной речи (субстантивы групп наименований лиц, денежных выплат, понятия биологии);
- 3) стилистическая функция, связанная с возможностью посредством использования в речи субстантивов избежать повторов и тавтологии.

Список литературы

Ван Я. О разграничении субстантивации и смежных явлений // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. Т.3. С.321–328.

Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., Наука, 1975. URL: <https://sites.google.com/site/slovoimorf/home/naucnye-trudy-sborniki-i-stati/vinogradov-v-v-voprosy-sovremennogo-russkogo-slovoobrazovania> (дата обращения: 18.04.2022).

БАС – Большой академический словарь русского языка: в 25 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004.

Рассадин В. И. К вопросу о субстантивации причастий в калмыцком и русском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №7(2). С.39–41.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Русская грамматика / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980–1982. Т.1. 792 с.

K.S. Gorlanova

Student of Philological Faculty

Perm State University

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF SUBSTANTIVE ADJECTIVES PLURALIA TANTUM

The article is devoted to a comprehensive study of the pluralia tantum substantia in modern Russian. This problem is poorly understood and requires further research. The novelty of the research is determined by the fact that attention is focused on the study of substantive adjectives pluralia tantum, which have not previously been subjected to semantic analysis. In addition, the paper for the first time identifies thematic groups of such substances. The article will analyze semantic phenomena of substantiation, such as the expansion and narrowing of semantics.

Key words: substantiation; substantive; substantive pluralia tantum; extension of semantics; narrowing semantics.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82-1/-9

Ольга Дмитриевна Бунеева
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
olga.buneeva.97@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЫ ЦИКЛА К.С. ЛЬЮИСА «ХРОНИКИ НАРНИИ»

В статье разграничиваются понятия фэнтези и литературная сказка. Фэнтези сближается с понятием *fractured fairy tale*, принятым в англоязычном литературоведении. Произведения цикла «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса определяются как литературные сказки, с учетом объема – как литературные сказочные повести. В статье подчеркивается направленность произведения Льюиса на детскую аудиторию.

Ключевые слова: сказка; фэнтези; литературный жанр; К.С. Льюис, Хроники Нарнии.

В российском литературоведении нет устоявшегося мнения относительно жанровой принадлежности произведения «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса. Часть исследователей относит «Хроники» к фэнтези, например, Ю.А. Афолина [Афолина 2012: 130] и О.А. Фролова [Фролова 2012: 43], в то время как другие ученые относят «Хроники» к литературной сказке, что отражено в диссертации А.А. Мостепанова [Мостепанов 2011:7]. Представители первой точки зрения считают, что Льюис и Толкин, будучи друзьями и относясь к одному литературному кружку «Инклинги», должны рассматриваться как представители жанра фэнтези. Другие исследователи подчеркивают, что Льюиса надо рассматривать как наследника традиции британской литературной сказки. Проблема усугубляется тем, что при множестве определений литературной сказки определение фэнтези в современном литературоведении не до конца устоялось и, соответственно, каждый исследователь принимает решение, к какому жанру (к фэнтези или к литературной сказке) относить «Хроники» в зависимости от того, какое определение фэнтези выбирается им как основное.

В первую очередь следует сопоставить жанры литературной сказки и фэнтези. Исследователь фэнтези Я.В. Королькова в статье «О соотношении литературной сказки и фэнтези» утверждает, что у этих двух феноменов один корень – «фольклорная сказка» Главный элемент, который сказка транслирует в фэнтези – чудо. Наличие чудесного позволяет отличать эти два жанра от всех других [Королькова 2010: 142]. Вспомним прекрасное выражение Новалиса: «В истинной сказке все должно быть чудесным, таинственным, бессвязным и ожив-

ленным, каждый раз по-иному... Мир сказки есть мир, целиком противоположный миру действительности, и именно потому так же точно напоминает его, как хаос – совершенное творение» [Новалис: эл. ресурс]. Во времена Новалиса фэнтези как жанра еще не существовало, и нам кажется, что противопоставление волшебного и бытового пространства характерно для обоих жанров.

Л.Ю. Брауде определяет литературную сказку как «авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение, преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [цит. по Намычкина 2010: 106].

Однозначного и общепринятого понятия фэнтези на данный момент не существует. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» дается такое определение: «Фэнтези (англ. *fantasy*) – вид фантастической литературы (или литературы о необычайном), основанной на сюжетном допущении иррационального характера. Это допущение не имеет «логической» мотивации в тексте, предполагая существование фактов и явлений, не поддающихся, в отличие от научной фантастики рациональному объяснению» [Литературная энциклопедия 2001: 1161]. Это определение, по нашему мнению, не разграничивает фэнтези и сказку в должной мере. Кроме того, Е.Н. Ковтун в работе «Художественный вымысел в литературе XX века» уточняет: «С течением времени, однако, как на Западе, так и на Востоке, первоначальное широкое понимание *fantasy* как «литературы волшебного, сверхъестественного, магического и необъяснимого» сузилось в массовом сознании до обозначения жанра «коммерческих» повестей и романов, рассказывающих о локальных вымышленных мирах с условно-средневековым магическим «декором» [Ковтун 2008: 18]. По нашему мнению, основным различием фэнтези и литературной сказки является наличие у сказки дидактической функции. Фэнтези – это «недетская» сказка, призванная развлечь подростков и взрослых, а не донести до читателя нравственные посылы. Кроме того, фэнтези может рассматриваться как жанр, близкий к существующему в британском литературоведении понятию *fractured fairy tales*, что можно перевести как «сломанные сказки». А.В. Демина пишет, что «*Fractured fairy tales* стали одним из наиболее востребованных жанров английской литературы» [Демина 2018: 141]. М.В. Соломонова отмечает, что в отечественном литературоведении нет аналога этому термину, наиболее близким, вероятно, является «сказки для взрослых» [Соломонова: эл. ресурс].

Сказки для взрослой аудитории (*fractured fairy tales*) на сегодняшний день представляют собой самостоятельную сказочную ветвь. Желание «сломать» сказку, доказать, что положительные герои таковыми не являются, ярко выражено в современной постмодернистской культуре. В этой связи можем вспомнить произведение «Три волчонка и большой гадкий свин» Евгениоса Тривизаса,

занявшее второе место в списке бестселлеров The New York Times 1993 года. Как отмечает популярный писатель Нил Гейман, составитель сборника «Страшных сказок», «мне нравится считать эту сказку вирусом. Стоит вам ее прочесть, и вы уже больше никогда не сможете читать исходную легенду по-старому» [Гейман: эл. ресурс]. Нил Гейман написал подобное fractured произведение и на основе «Хроник Нарнии»: в «Проблеме Сьюзен» происходит смешение добра и зла, Аслан лишается божественных характеристик и объединяется с Белой Колдуньей против детей. На наш взгляд, авторы fractured fairy tales прекрасно осознают «вирусный» характер написанного ими и используют приемы слома ожиданий для получения популярности через обработку всем известных сказочных сюжетов.

Так как в «Хрониках Нарнии» присутствует дидактический аспект и отсутствует «fractured», взрослая составляющая, мы относим это произведение к литературной сказке. В книге поднимаются вопросы нравственного выбора, предельно важные для ребенка. Кошелев так пишет о проблеме нравственного выбора в «Хрониках Нарнии»: «Перед героями постоянно встают вопросы морального выбора, и от того, как эти вопросы решаются, зависит судьба персонажа, а порою и нечто гораздо большее» [Кошелев: эл. ресурс]. Льюис в своих произведениях в целом, и в «Хрониках Нарнии» в частности, уделяет большое внимание мировоззренческому компоненту воспитания ребенка. Так, по его мнению, ребенок «не может поначалу дать правильных ответов. В нем надо воспитывать радость, любовь, неприятие и даже ненависть по отношению к тому, что заслуживает этих чувств» [Льюис 2016: 174]. Льюис в своих эссе отмечает необходимость воспитания у ребенка восприимчивости и чуткости к красоте, добру, сочувствия к чужому горю: «На одного ученика, которого нужно спасти от сентиментальности, приходится минимум три, которых нужно спасти от бесчувственности. Нынешний учитель должен не расчищать джунгли, но орошать пустыню. Единственное спасение от ложных чувств – чувства истинные» [Льюис 2016: 172].

В произведении Льюиса «Хроники Нарнии» можно выделить следующие жанровые особенности литературной сказки: ненавязчивая дидактичность, опора на фольклорные традиции, присутствие игрового начала, наличие «образа автора», сочетание реального и фантастического, ориентированность на детскую аудиторию. Кроме того, как и любая литературная сказка, произведение Льюиса отражает авторские нравственные нормы и своеобразие его творческой личности. Наличие всех этих жанровых признаков дает нам право относить входящие в указанный цикл произведения к жанру литературной сказки, если отталкиваться от объема – к жанру авторской (литературной) сказочной повести. В связи с этим сказки Льюиса возможно исследовать в русле сказочной традиции и, кроме того, важно учитывать, что в современном обществе сказки Льюиса, как и другие сказки, могут быть подвержены попыткам преобразовать их во fractured fairy tale, что уже реализовывал Нил Гейман в «Проблеме Сьюзен».

Список литературы

Афонина Ю.Н. Двоемирие в повествовательной структуре «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (17) С.130–136.

Гейман Н. Снег, стекло, яблоки. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=200486&p=1&ysclid=18k9l71jh9652636827> (дата обращения: 28.05.2022).

Демина А.В. Трансформация сказки в современной культуре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. С.139–147.

Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учебное пособие. Москва: Высш. шк., 2008. 484 с.

Королькова Я.В. О соотношении литературной сказки и фэнтези // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8(98). С. 142–144.

Кошелев С. Клайв Стейплз Льюис и его «Страна Чудес». URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/koshelev-klajv-stejplz-lyuis.htm> (дата обращения: 23.05.2022).

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.

Льюис К.С. Эссе. Тюмень: Русская неделя, 2016. 200 с.

Мостепанов А.А. Анималистический жанр в английской литературной сказке XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 21 с. Воронеж, 2011. 24 с.

Намычкина Е.В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского государственного университета. 2010. С. 103–109

Новалис Х.Ф. Фрагменты. URL: http://lib.ru/INOOLD/GARDENBERG/novalis_fragments.txt (дата обращения: 05.05.2022).

Соломонова М.В. Границы жанров фэнтези и волшебной литературной сказки в современной англоязычной детской литературе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. С. 74–78.

Фролова О.А. Языковое воплощение темы добра и зла в цикле произведений К. С. Льюиса «Хроники Нарнии» // *Lingua mobilis*. 2012. №6 (39). С. 43–46.

O.D. Buneeva

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

THE PROBLEM OF THE GENRE NATURE OF THE C.S. LEWIS CYCLE “CHRONICLES OF NARNIA”

The article distinguishes between the concepts of fantasy and literary fairy tale. Fantasy approaches the concept of a fractured fairy tale, accepted in English literary criticism. The works of “The Chronicles of Narnia” by C.S. Lewis are defined as literary fairy tales. The article emphasizes the focus of Lewis's work on a children's audience.

Key words: fairy tale; fantasy; literary genre; C.S. Lewis; The Chronicles of Narnia.

УДК 82-311.2

Мария Александровна Духнова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mariyafei@gmail.com

ОБРАЗ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В КИТАЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЛИЗЫ СИ «СНЕЖНЫЙ ЦВЕТOK И ЗАВЕТНЫЙ ВЕЕР»)

В статье на материале романа Лизы Си «Снежный цветок и заветный веер» рассматривается образ китайской женщины в китайской семье XIX в. с конфуцианским строем. Семья являлась прототипом государства, следовательно, семейный уклад, отношения между членами семьи подчинялись определенным законам и правилам, а положение каждого члена семьи на иерархической лестнице было определено. Помимо положения женщины в китайской семье, в романе затронуты темы женской дружбы, детско-родительских отношений, отношений между супругами.

Ключевые слова: конфуцианская семья; Китай; конфуцианство; патриархальная семья; положение женщины в обществе.

Традиции Китая во многом основываются на идеях конфуцианства, где семья рассматривается в качестве прообраза государства. «Дух конфуцианства пропитал государственное устройство Китая, а также устройство каждого микросоциума Поднебесной – семьи» [Шагинов 2007: 12]. Концепция семьи занимала и по сей день занимает важное место в конфуцианской системе социально-политических воззрений. Конфуцианство диктовало модель семейной организации, отличающейся патриархальностью, патрилинейностью (родство прослеживалось по отцовской линии) и патрилокальностью (супруги жили вместе или рядом с семьей родителей мужа). При этом определялось пять принципов отношений в семье и обществе: между правителем и подданными, отцом и сыновьями, мужем и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями. Согласно этим принципам, «отец должен относиться к сыновьям доброжелательно, а сыновья к отцу – с сыновней почтительностью; старший брат должен относиться к младшему с добротой, а младший брат к старшему – с уважением, муж должен относиться к жене справедливо, а жена к мужу – услужливо, правитель должен относиться к подданным – благожелательно, а подданные к правителю – с верностью» [Шаров 2018: 97].

Согласно Конфуцию, все отношения в семье, обществе и государстве должны быть строго регламентированы и подчиняться определенным нормам, в связи с чем любой человек должен руководствоваться строгим сводом правил, которые отражены в книге «Лунь Юй» (论语). «Лунь Юй» составлен учениками Конфуция и считается одним из главных источников знаний о конфуцианстве.

В семье была выстроена строгая иерархия, на вершине которой находится мужчина – глава семьи. В «Лунь Юй» говорится: «Пока ваш отец жив, надлежит взирать на его волю. Когда ваш отец скончается, надлежит взирать на его поведение при жизни» [цит. по Мартынов 2000: 97]. Следующую ступень занимал его старший сын, затем уже остальные сыновья. Некой властью в семье обладала единственная женщина – мать мужа, то есть свекровь. Исходя из конфуцианских канонов, дети обязаны были заботиться о родителях, и эти хлопоты также ложились по большей части на плечи жены. Сама женщина занимала нижнюю ступень в иерархии. «Доминирующая в XIX веке концепция неоконфуцианства ставила женщину в строго подчиненное мужчине положение» [Шоссанд 2016: 254]. Женщина всю жизнь находилась в подчиненном положении: сначала отцу, затем мужу, а после рождения детей – сыну.

Жизнь китайской семьи XIX века, быт и отношения между членами семьи нашли свое отражение в романе Лизы Си «Снежный цветок и заветный веер». Лиза Си – американская писательница, историк, биограф, публицист. Ее прадед был родом из Китая, что во многом определило интерес автора к этой стране. Сюжет романа «Снежный цветок и заветный веер» является художественным вымыслом и не относится к жанру биографической прозы, тем не менее пропитан духом Китая XIX века. В романе показаны отношения между членами семьи, описаны отношения матери и дочери, жены и мужа, невестки и свекрови, а также немаловажной темой является женская дружба. При этом межличностные отношения внутри семьи и за ее пределами регулируются конфуцианскими канонами, что ярко демонстрируется в романе через размышления и наблюдения главной героини Лилии. В процессе работы над романом автор путешествовала по уезду Цзаньюн с целью изучения и сбора информации о традиционном женском письме нушу, а также изучила большое количество трудов, посвященных Китаю, народу Яо и китайским женщинам.

Роман перемещает читателей в провинцию Хунань XIX века. Главная сюжетная линия книги посвящена развитию отношений между двумя девочками, читатель на протяжении всего романа наблюдает за взрослением героинь. Главная героиня романа – Лилия, от лица которой ведется повествование, описывает все периоды своего жизненного пути: дочерние годы, годы закалывания волос, годы риса-и-соли, годы спокойного сидения.

В семье, описываемой в романе, есть старший сын, который получает любовь и уважение всех членов семьи, так как он главный наследник и опора семьи: *«Каждая из нас [сестер] надеялась, что ежедневно будет проводить время со Старшим Братом, поскольку как первый сын он был самым драгоценным членом нашей семьи»* [Си 2020: 17]. При рождении нескольких мальчиков больше всего внимания уделялось первенцу. «Остальные сыновья после первенца рассматривались и ценились как заместители первенца в случае его смерти или при возможном пресечении его будущего рода» [Усов 2006: 29].

В семье Лилии помимо нее есть и другие дети – две сестры и младший брат. В то время как сыновьями гордятся и хвалятся, девочки растут в тени своих

братьев, и даже сами дочери воспринимают такое разное отношение к детям абсолютно нормально: *«Я никогда не задумывалась о том, была ли я счастлива в детстве и было бы это время веселым. Как обыкновенная девочка я жила в обычной семье, в обычной деревне. Я не знала, можно ли жить по-иному, и не тревожилась об этом»* [Си 2020: 16].

Даже отношение к такому страшному событию как рождение мертвого ребенка определялось полом младенца: *«Рождение мертвого ребенка считалось несчастьем, если только это был мальчик. Если рождалась мертвая девочка, родители обычно были даже благодарны этому. Никому не был нужен лишний рот»* [Си 2020: 265].

Дочерние годы можно назвать самым беззаботным периодом жизни девочки. Несмотря на то, что в это время она уже выполняла работу по дому, часто физически тяжелую, однако в ее жизни было пока не так много ограничений. Главное качество, которое воспитывалось в девочке с малых лет – это покорность, ведь *«быть избалованными имели право только братья»* [Си 2020: 21]. Воспитание девочки было нацелено на то, чтобы приучить ее прислуживать и угождать мужчинам в семье, а наивысшими ее добродетелями считались скромность и послушание. Девочку не учили, ум ее не развивали, ей не давали мыслить. *«Сама мысль о том, чтобы пожаловаться, была для нее недопустимой»* [Усов 2006: 27].

Иерархия в конфуцианской семье также определяет обязанности каждого члена семьи, предписывает действовать по шаблонам, указывает, например, кто и где должен сидеть во время приема пищи, кому первому подается чай и т.д. Кроме того, жилое пространство четко распределено между женщинами и мужчинами. Девочкам с ранних лет внушали, что их главный долг – рождение сыночек. Выходя замуж, девушка переходила из одной семьи в другую, но и там не становилась свободнее, так как вновь оказывалась в строгих границах одного дома с новым кругом обязанностей, таких как забота о муже и его родителях, ведение хозяйства, рождение детей. В китайской семье *«отец в основном управлял внешней деятельностью семьи, но что касается внутренних дел семьи, то тут право голоса оставалось за его женой или матерью»* [Фицджералд 2005: 120]. Мир внешний принадлежал мужчинам: *«Я слышала, как мужчины говорили о налогах, засухе и восстаниях, но все это было далеко от меня. Я вышивала, ткала, готовила, знала только родственников своего мужа, наших детей, внуков и правнуков»* [Си 2020: 9]. Мир строго делился на женский и мужской, внешний и внутренний, и каждый член семьи должен был четко осознавать свое место: *«Будь ты беден или богат, будь ты императором или рабом, домашний мир предназначен для женщин, а внешний для мужчин. Женщинам не следует выходить за пределы своих комнат ни в мыслях, ни на деле»* [Си 2020: 38].

В романе демонстрируется, как возвышение положения в семье сыночек естественным образом сказывается на отношениях матери и дочери. Осознавая свое низкое положение в семье, маленькая героиня Лилия все равно жаждет материнской любви. Но мать слишком перегружена домашними делами и заботами о муже и детях, чтобы обращать внимание на дочерей. *«Моя мать была истощена. У нее было пятеро детей, трое из них – от пяти лет и младше. На ней*

лежала ответственность за все наше хозяйство: уборку, стирку, починку одежды, готовку и все остальные домашние дела» [Си 2020: 24]. Очередная рожденная девочка – лишь напоминание о том, что придется кормить еще одного ребенка, а значит прибавление работы и хлопот. От матери не исходит тепла и нежности, лишь бесконечная усталость: «Она смотрела на меня так же, как все матери смотрят на своих дочерей: как на временных постояльцев, как на лишний рот, который надо кормить, как на лишнее тело, которое надо одевать, пока я не уйду жить в дом мужа» [Си 2020: 20]. Маленькой девочке хочется быть заметной, она нуждается во внимании и любви, однако, не смеет этого требовать, стараясь заслужить материнскую ласку покорностью и правильным поведением. «Я испытывала непреодолимое желание броситься в ее объятия и закричать: “Увидь меня! Увидь меня! Увидь меня!” Но я не сделала этого» [Си 2020: 23]. Потребность в любви естественна для каждого ребенка, но воспитанная в духе своего времени героиня романа в полной мере осознает свое положение: «Мы, женщины, любим своих родителей, потому что они заботятся о нас, но нас считают никчемными ветками на семейном дереве. Мы опустошаем семейные запасы. Наши семьи воспитывают нас для других семей» [Си 2020: 96].

Главная задача родителей – как можно раньше и удачнее выдать свою дочь замуж. И эта удача зачастую зависела от красоты ножек девочки, которой в детстве ломали кости и бинтовали стопы, чтобы превратить их в предмет восхищения и повысить ее шансы во время сватовства: «Красивое лицо – это дар Небес, но маленькие ножки могут улучшить общественное положение» [Си 2020: 33].

Бинтование ног являлось крайне болезненной процедурой, во многом определяющей будущее девочки. В процессе бинтования ступни значительно деформировались, иногда лишая возможности ходить в будущем. Маленький размер ступни и форма «золотого лотоса» считались привлекательными для мужчин. Женские «лотосы» без обуви дозволено было видеть только супругу. Мучительную процедуру начинали в период с пяти до семи лет, в богатых семьях в возрасте с трех лет. Появилась даже поговорка из семи слов, характеризующая идеальную женскую ступню: «тонкая, маленькая, острая, изогнутая, благовонная, мягкая, симметричная» [Усов 2006: 57].

Помимо того, что процедура сопровождалась мучительными болями, ошибка при бинтовании могла привести к хромоте девочки, заражению или даже летальному исходу. Боль, которую терпела девочка во время бинтования, была призвана также еще раз напомнить о важных качествах женщины – терпимости и повиновении: «Для будущих родственников моя маленькая нога служила доказательством моей личной дисциплины и способности переносить боль деторождения, а также любые трудности, которые могли быть впереди. Мои маленькие ноги показывали всем мое послушание в семье родителей, и особенно умение повиноваться матери, что производило хорошее впечатление на мою будущую свекровь» [Си 2020: 57].

Для дочери период бинтования ног – это еще и возможность получить материнское внимание и участие: именно это время дает девочке возможность «из

невидимой превратиться в очень даже видимую» [Си 2020: 31]. Молочные годы, когда так велик риск детской смерти, пережиты, теперь же дочь может стать полезной, если удачно выйдет замуж. Для героини романа Лилии это шанс быть замеченной матерью, получить толику ее заботы. Когда мать дает дочери пощечину за то, что прорицатель назвала девочку «особенным ребенком», Лилия не злится и не плачет, наоборот, воспринимает физическое наказание как награду: *«Хотя мое лицо пылало от пощечины, я была счастлива. Пощечина была знаком того, что Мама впервые показала мне свою материнскую любовь, и я была вынуждена закусить губы, чтобы скрыть улыбку»* [Си 2020: 36]. Но, став старше, с горечью осознает, что являлась для матери *«лишь средством получить выгоду»* [Си 2020: 37], ведь ее маленькие ножки сулили хороший брак, а значит улучшение материального и общественного положения семьи.

Помимо подробного описания отношений внутри семьи в романе затрагивается тема женской дружбы. Лилию с детства пророчат в лаотун – это традиция заключения сестринского союза на всю жизнь с другой девочкой. Более высокое социальное положение лаотун, то есть названной сестры Лилии, поднимет и статус главной героини в обществе, что сделает ее более завидной невестой. На сухой почве патриархата расцветает женская дружба молодых девушек, связанных на всю жизнь союзом крепче брака между мужчиной и женщиной. Лаотун – древнекитайское словосочетание, означающее «друзья на всю жизнь». И для китаянок это была важная традиция.

Девочки для пары лаотун подбирались прорицателем и свахой, сопоставлялись астрологические данные и только при наличии определенных совпадений девочки могли стать «половинками». Эти отношения официально оформлялись через подписание договора. Отношения с лаотун также основывались на традициях и ритуалах, однако, даже такие регламентированные отношения для девочки, живущей в строгих ограничениях, были глотком свободы: *«Когда мы впервые посмотрели друг другу в глаза в паланкине, я почувствовала, как что-то особенное возникло между нами, словно искра, из которой разгорается пламя, или зернышко, из которого вырастает рисовое поле»* [Си 2020: 97].

Названные сестры или «половинки» общались друг с другом через слоговое письмо нушу, предназначенное исключительно для женщин, которым они писали письма, песни и рассказы. Послания писали не только на бумаге, но и на веере, а также вышивали на платках. Мужчин не посвящали в тайны нушу, а значит это позволяло девушкам разговаривать друг с другом о самом сокровенном, что давало им ощущение призрачной свободы.

Маленькие ножки в форме лотоса и наличие лаотун повышали шансы девушки удачно выйти замуж. Однако, как уже было сказано, переходя в семью мужа, девушка получала лишь новый круг обязанностей и ограничений: *«Всю оставшуюся жизнь я буду просто гостьей в доме своего мужа – не той гостьей, которую балуют особыми блюдами, подарками, вниманием, мягкой постелью, а той, на которую всегда смотрят как на чужую, незнакомку, смотрят с подозрением»* [Си 2020: 176]. Каноны конфуцианского общества велели женщине

подчиняться всю жизнь. В отчем доме – родителям, в доме мужа – супругу и свекрови. Положение женщины могло закрепиться или даже улучшиться после рождения ею сына: *«Сыновья – это основа жизни женщины. Женщина, родившая сыновей, становится личностью, они придают ей достоинство и обеспечивают защиту. Они образуют связь между ее мужем и его предками. Это единственное, чего мужчина не может создать без своей жены»* [Си 2020: 241]. Но стоит оговориться, что если рождались девочки или мертвые младенцы, вина в этом целиком возлагалась на женщину, и отношение к ней в семье становилось еще хуже. Свекровь могла оскорблять невестку, мужа не брезговали физическими наказаниями. *«Служи своему мужу и повинуйся ему»* [Си 2020: 207] – вот главный принцип семейной жизни того времени.

Вместе с тем в конфуцианском обществе страсть между мужчиной и женщиной была запретной темой. Брак являлся союзом двух семей, а целью этого союза было рождение сыновей. Женщина обязана была угождать супругу, мужчина же в свою очередь обитал по большей части во внешнем мире. Отношения между супругами зачастую оставались холодными и отстраненными. При этом мужчине допускалось иметь наложниц, тогда как жена вынуждена была повиноваться воле супруга и со смирением принимать наложниц в доме. После рождения детей женщина погружалась в монотонное существование, наполненное большим количеством обязанностей: *«Эти годы и дни наполнены беспокойством и нудной работой молодой матери, родившей своего первого ребенка»* [Си 2020: 242].

Похороны – еще одна сторона жизни семьи, ответственность за которую лежит на женщине, будь то похороны ребенка или свекрови. При этом если смерть маленькой девочки зачастую воспринималось как освобождение от лишней ноши в семье, то ответственность за болезнь или смерть сына или свекрови возлагалась на женщину, так как именно она обязана была заботиться о членах семьи. Так, например, в романе описывается сцена болезни Бабушки, то есть свекрови в отчем доме Лилии: *«Как первая невестка Мама имела в своей жизни две цели: родить сыновей для продолжения рода и заботиться о матери мужа. Ей следовало более прилежно наблюдать за здоровьем Бабушки. <...> Теперь же Мама с яростным усердием, порожденным сознанием своей прежней небрежности, исполняла все предписанные ритуалы, делала специальные подношения богам и нашим предкам, молилась и даже сделала суп из собственной крови, чтобы восстановить силы Бабушки»* [Си 2020: 55]. Такова была традиция – за все, что происходит внутри дома, ответственна женщина.

Итак, какая же она – китайская женщина XIX века, существующая в обществе с конфуцианскими устоями? Внешность ее была не так важна, но маленькая «лотосовая» ножка ценилась и повышала надежду на выгодный брак. Всю жизнь вынужденная подчиняться другим, она могла укрепить свое положение только рождением сыновей, а относительную власть в семье получала только в «годы спокойного сидения» – то есть в достаточно пожилом возрасте. Уже вырастив детей, воспитав невесток, увидев внуков, а часто и похоронив супруга, женщина в семье могла занять позицию отстраненного наблюдателя. Хрупкая и трепетная

внешне женщина должна была оставаться стойкой и сильной внутри. Но не для себя, а для своего супруга и сыновей. «Я – женщина, о которой в нашей деревне говорят: “та, что еще не умерла”, – вдова восьмидесяти лет. <...> Мне можно говорить о моей жизни все; мне нечего терять, и мой рассказ никого не обидит и не оскорбит» [Си 2020: 7]. Именно так начинается повествование от лица главной героини, которая с горечью и смирением оглядывается на прожитые годы: «Узнав столько женских историй, я подумала о своей собственной. Сорок лет подряд воспоминания будили во мне только сожаления» [Си 2020: 405].

Лиза Си на примере своего романа демонстрирует четкую патриархальную структуру китайской семьи, показывает бесправность женщины. Но поставленная в жесткие рамки, существующая только во «внутреннем» мире семьи, ограниченная множеством правил, женщина остается чувствующей, любящей и понимающей, способной стать счастливой даже в таких условиях.

Список литературы

Мартынов А. С. Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. В 2 т. Т. 1. СПб.: «Издательский дом “Нева”»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. 384 с.

Си Л. Снежный цветок и заветный веер. СПб.: Аркадия, 2020. 416 с.

Усов В.Н. Жены и наложницы Поднебесной. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. 479 с.

Фицджералд Ч.П. История Китая / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 460 с.

Шагинов И.Ю. Религии мира. Религии Дальнего Востока. М.: ООО «ТД Издательство Мир книги», 2007. 192 с.

Шаров К.С. Параллелизм культурных нарративов России и Сингапура: этно-национальная, лингвистическая, религиозная и гендерная сферы // Международный журнал исследований культуры. СПб., 2018, 4 (33). С.91–108.

Шоссанд Д. Китай в XVIII веке. Расцвет империи Цин. М.: Вече, 2016. 288 с.

M.A. Dukhnova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

THE IMAGE AND POSITION OF WOMEN IN CHINA OF THE XIX CENTURY (BASED ON THE NOVEL BY LISA SEE “SNOW FLOWER AND THE SECRET FAN”)

The article, based on the material of Lisa See's novel "Snow Flower and the Secret Fan", examines the image of a Chinese woman in a Chinese family of the XIX century with a Confucian system. The family was the prototype of the state, therefore, the family structure, relations between family members were subject to certain laws and rules, and the position of each family member on the hierarchical ladder was determined. In addition to the position of a woman in a Chinese family, the novel touches on the themes of female friendship, child-parent relations, and relations between spouses.

Key words: Confucian family; China; Confucianism; patriarchal family; position of women in society.

УДК 82-1

Мария Сергеевна Яклюшина
аспирант департамента «Филологический факультет»
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
maria.iaklushina@urfu.ru

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В СЮЖЕТЕ ВЗЯТИЯ ГОРОДА В ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМАХ И.И. ЗАВАЛИШИНА И М.М. ХЕРАСКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье рассматриваются мотивы и образы, связанные с гуманистическим дискурсом, в поэмах «Россиада» и «Владимир Возрожденный» М.М. Хераскова и «Героида» и «Сувороида» И.И. Завалишина. В частности, внимание автора сосредоточено на сюжетах осады и/или взятия города. Посредством сравнительного анализа мы выделяем черты, характерные для обозначенных произведений обоих авторов и их индивидуальные подходы к вопросу гуманизма в военной ситуации.

Ключевые слова: эпическая поэма; М.М. Херасков; И.И. Завалишин; сюжет осады; гуманистические мотивы.

В статье мы обращаем внимание на первые завершённые эпические поэмы в российской литературе: произведения более известного Михаила Матвеевича Хераскова и практически забытого автора XVIII века – Иринарха Ивановича Завалишина. Мы не ставим целью сопоставить эстетическую ценность произведений этих авторов или осмыслить их в сравнении с уровнем Г.Р. Державина или В.И. Майкова. Однако данные эпические поэмы оказываются очень показательными как в вопросе развития жанра поэмы в русской культуре, так и в изучении литературной интерпретации сложного морального вопроса о гуманистических идеях в контексте военных действий.

Оставим здесь небольшую справку о менее известном из рассматриваемых нами авторов. И.И. Завалишин родился в 1769 – 1770 гг. (по разным источникам) в семье дворян Тверской губернии. Большую часть своей сознательной жизни он посвятил военной службе, став 20 июля 1781 г. каптенармусом лейб-гвардии Преображенского полка. Уже в 14 лет [Военная энциклопедия 1910: 27] поступил на службу в Фанагорийский гренадерский полк, в составе которого участвовал в Турецком (1787–1791) и Варшавском (1794) походах А.В. Суворова (наиболее значимых для исследования). Позже, если судить по заметкам и воспоминаниям о нем, проявлял себя как действительно талантливый офицер. Так, все источники об этом авторе отмечают период жизни, когда в 1799–1800 гг. Завалишин, будучи в чине генерал-майора, шефствовал над Таврическим гренадерским полком. За это недолгое время ему удалось и вернуть честь полка, который, как считалось, потерял знамя на поле боя, и произвести впечатление тактичного ди-

пломата и компетентного организатора [Кочеткова 1988: 321]. Активно занимаясь государственными и военными делами, Завалишин прожил до 1821 г. Однако важно отметить, что литературной деятельности, насколько известно, он посвятил только свою молодость, опубликовав самые крупные и значимые произведения – «Сокращенное землеописание Российского Государства...» (1792), «Героиду» (1793) и «Сувороиду» (1796) – к двадцати шести годам.

Избранные нами произведения объединяет стремление в героическом ключе показать значимые, с точки зрения авторов, события российской истории. Для всех этих произведений важные события, как и в одной из древнейших эпических поэм, «Илиаде», связаны с сюжетом осады. Первая поэма – «Россияда» М.М. Хераскова, завершенная в 1779 г. Ключевым элементом сюжета в поэме является осада и взятие Казани Иваном IV. Перу того же автора принадлежит «Владимир Возрожденный» (1785), где речь идет уже о князе Владимире и осаде греческого Херсонеса. У Завалишина мы обратим внимание только на «Героиду» и «Сувороиду». В «Героиде» описаны осада и взятие Очакова, Бендера и Измаила, в «Сувороиде» – взятие Варшавы.

Создание первых законченных эпических поэм пришлось в России на любопытный с точки зрения истории литературы момент. Эпическая поэма в классицизме – это высокий жанр, венчающий национальную литературу. Но «Россияда» и «Владимир Возрожденный» – и тем более поэмы Завалишина – были написаны уже на излете классицизма, в десятилетия, когда формируются и выходят на первый план принципы сентиментализма.

В этот период в сюжет осады города входят гуманистические образы и мотивы. Авторы стремятся показать своих персонажей-полководцев как национальных героев, а взятие вражеского города – как благо. Но при этом в сознании общества уже закрепляется мысль о том, что сочувствие другому человеку, в том числе «чужому», «врагу» – также благо. Отсюда повторяющиеся у разных авторов общие элементы художественного мира.

Первый из них – создание непосредственно образа сочувствующего и милосердного полководца. Царь Иоанн (Иван Грозный) представлен в «Россияде» как человек, разделяющий невзгоды похода и осады Казани с армией, стремящийся облегчить тяготы сдавшихся противников. Херасков показывает победившего правителя как человека, с распростертыми объятьями встречающего вражеских лидеров, открыто проявляющего свои эмоции: *«Признаться я должна, как троном я владела, / О пагубе твоей и день и ночь радела; / Я с воинством тебя хотела истребить; / Но можешь ли и ты врагов твоих любить? / <...> Царь в сердце ощутил, ея пронзенный стоном, / Любовь ко ближнему, предписанну законом; / Обняв ее вещал: не враг несчастным я! / Твой сын пусть будет мой, ты будь сестра моя!»* [Херасков 1807: 162].

Во «Владимире Возрожденном» фокус сюжета поставлен на внутреннем нравственном развитии князя, образ сочувствующего полководца в поэме – самый яркий из всех рассматриваемых нами. Наиболее показательным – и необычным – является эпизод с пресечением доступа воды к Херсонесу. Владимир идет

на достаточно логичный с точки зрения военного шаг: лишить жителей города пресной воды, чтобы те изнемогли от жажды и сдались без боя. Однако когда этот план приводит к закономерным последствиям – страданиям мирных людей, князь немедленно проникается сочувствием и приказывает своим же солдатам принести осажденным воду: *«С высоких стен к ключам свергаются они, / Но там потока вод, как прежде, не находят, / Глухой и жалкий вой рыдая производят. / Владимир зрелищ сих не мог перенести, / И воду им велел в сосудах принести»* [Херасков 1796: 331]. Согласно логике автора, поступок человеколюбивого, просвещенного полководца только ускоряет развязку осады: из града выходит старец, который от имени жителей, разрешает снова открыть доступ к воде, и князь вместе с войском и старцем входит в город как триумфатор и благодетель.

В «Героиде» образ просвещенного полководца используется уже в меньшей степени, но все же прослеживается в эпизоде, когда князь Потемкин приказывает прекратить огонь по Очакову во избежание смертей и разрушений: *«Тогда Таврический к отраде осажденным, / Умолкнуть повелел громам вокруг стен возженным. / Невинных жителей он более жалел, / И кровь их проливать напрасно не хотел. / О сколь велико то для сердца утешенье! / Коль тысячам людей доставится спасенье! / Тот воин знаменит, кто знает побеждать, / Но тот славней сто крат, умеет кто прощать»* [Завалишин 1793: 5].

В образе же Суворова из «Суворойды» эти описательные черты практически пропадают. Суворов у Завалишина скорее вдохновляет и поддерживает, нежели разделяет чувства своих солдат или противников: *«Везде за Рыминским дерзать полки готовы! / Везде с героем сим пожнут плоды лавровы... / В душе доверенность, в сердцах к нему любовь: / Кто шедши в бой за ним пролить откажет кровь?..»* [Завалишин 1796: 33].

Завалишин описывает сражение за Прагу – пригород Варшавы – как военный и свидетель событий. В героическом ключе, но не смягчая ужасов: реки крови, смятение в полках противника, «тысячи смертей», обрушенные на жителей из пушек: *«Природа в ужасе склоня главу трепещет... / Повсюду смертный дождь Суворов с громом мечет. / <...> Разженны молнии в Сарматов направляет: / Куда ни двинется, повсюду истребляет»* [Завалишин 1796: 39–40].

Для человека, не привыкшего к логике военной поэзии XVIII века, следующие цитаты могут показаться довольно резкой сменой тона повествования: в финале поэмы, когда противник сдает город, Суворов немедленно превращается в «сочувствующего полководца», обнимает врага, пускает «умильную слезу»: *«Упадших перед ним вельможей поднимает: / Жизнь, собственность, покой Варшаве обещает. <...> Суворов, как друзей Сарматов обнимает: / Из глаз его слеза умильна истекает: / Великая душа, где долг зовет, гремит; / Но к человечеству любовь всегда хранит. / Мать чадам говорит: вот ваших стен спаситель, / Целуйте длань его, се кроткий победитель»* [Завалишин 1796: 44–45].

Другой активно проявляющийся способ введения гуманистического нарратива в эпическую поэму – мотив совета в стане осажденных. Этот элемент повествования одновременно позволяет авторам дать «чужому» человеческое лицо и понятные причины для борьбы и вместе с тем оправдать штурм города, изобразив ошибки и пороки противника. Часто этот мотив возникает в «Россияде»: Херасков изображает царевну Сумбеку в совете с призраком своего усопшего супруга и в окружении не всегда доброжелательных придворных, каждый из которых ищет своей, вполне объяснимой, выгоды от продолжения конфликта.

Показателен и совет османского паши в «Героиде». Завалишин не изображает противников российской армии как злодеев, а дает в нескольких коротких репликах классическую и вполне понятную любому человеку, вне зависимости от занимаемой стороны баррикад, логику спора осажденных. Выступающие за сдачу Очакова указывают на бессмысленность жертв тысяч своих солдат, на полное окружение: *«Без нужды воинов не должно нам губить. / Ответ мы в том дадим отечеству и Богу! / Когда отверзем им упорством в гроб дорогу, / Советую сей град я Россам уступить! / Мы с честью договор возможем заключить...»* [Завалишин 1793: 8]. Выступающие за бой взывают к героическому прошлому Османской империи, делают ставку на храбрость защитников, обращаются к эмоциям слушателей, к чести: *«О вы защитники Османския короны! / Вы, кои свергнули тьмочсленные троны! <...> / Иль храбрость всю свою Османцы потеряли? / Иль мы с оружием ни где жизнь не кончали? / Нам крепость вверена: в ней должно умереть, / Нам сдать ее, на свет постыдно будет зреть...»* [Завалишин 1793: 6–7].

Вторая функция мотива совета в стане осажденных – оправдание осады или штурма – в своем специфическом аспекте интересно воплощается в поэме «Владимир Возрожденный» Хераскова и в «Сувороиде» Завалишина. Третья редакция «Владимира Возрожденного» была завершена уже после Великой французской революции, в 1797 году. Эта версия делает лидера осажденных херсонесцев Фериду носителем безбожности и свободолюбия, черт, которые в художественном мире Хераскова связаны с идеями революции. Ферид желает жениться на княгине Анне, обещанной Владимиру, и ради этого разжигает конфликт, ведущий к осаде. Ведомые себялюбивым лидером, горожане видят, как из их храма во время осады уходит божественная благодать, подтверждая правоту Владимира.

Предисловие же «Сувороиды» настаивает на том, что лидеры Польского восстания – носители «французской заразы», «крамолы свободолюбия»: *«По-всюду честныя и светильником благоразумия путеводимыя гражданае стонали под сим ярмом самовластия, вопреки принятым законам на все классы государственных чинов наложеннаго. Но сколь бы ни велико было гонение на добродетель, сколь бы истина ни претерпевала притеснений: в последствии благонамеренныя люди всегда над пороком восторжествуют»* [Завалишин 1796: IX]. Автор изображает лидеров восстания как людей «зараженных» противоестественными идеями, угнетающих большую часть польского народа. Соответственно,

дворяне, обратившиеся к Екатерине, предстают в художественном мире поэмы как положительные персонажи, а кровавый штурм Праги оказывается, с точки зрения автора, оправданным и направленным на человеколюбивые цели.

Подводя итог, еще раз подчеркнем две идеи.

Во-первых, черты образа милосердного завоевателя прослеживаются в большей или меньшей степени во всех рассмотренных поэмах. Этот образ позволяет авторам сохранять баланс между героизацией военных действий и гуманистическими ценностями новой эпохи. Для Хераскова, ставящего в своих поэмах акцент на вопросах духовного развития правителя и человека в целом, создание образа милосердного завоевателя особенно важно. Царь Иоанн непременно должен научиться сострадать подданным и прощать своих врагов – иначе он не доказывает морального превосходства над покоренным народом, и, что важнее, не показывает человеческого потенциала к самосовершенствованию. Для князя Владимира поход и осада – действия одновременно и военно-политические, и мистические, поведение милосердного полководца должно передать внутренние противоречия человека на пути к духовному прозрению. Использование данного образа Завалишиным говорит уже скорее о его прочном вхождении в традицию жанра. Суворов милосерден, даже в глазах побежденных жителей, даже после кровавой битвы, не для доказательства какой-либо аллегорической идеи, а именно потому, что таким должен быть, в представлении автора, хороший завоеватель.

Во-вторых, мотив совета в стане противника может быть использован как для гуманизации образа врага, так и для оправдания осады. И разговоры Сумбеки с приближенными в «Россияде», и спор предводителей осады в «Героиде» позволяют увидеть в противниках не безликих злодеев, а персонажей с собственными, понятными читателю целями, желаниями, идеалами. Эти же, вполне человеческие, цели и желания одновременно показывают пороки этих персонажей. А это должно оправдать осаду города милосердным полководцем, с точки зрения автора более близким к идеалу.

Список литературы

Завалишин И.И. // Военная энциклопедия: в 18 т. / гл. ред. В.Ф. Новицкий. Т. 10. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1910. С.27–28.

Кочеткова Н.Д. Завалишин Иринарх Иванович // Словарь русских писателей XVIII века: в 2 т. / гл. ред. А.М. Панченко. Т.1. Л.: «Наука», 1988. С. 321–322.

Херасков М.М. Творения М. Хераскова: Вновь исправленные и дополненные. Часть II. Владимир, поэма эпическая. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. 340 с.

Херасков М.М. Россияда, эпическая поэма. М.: Вольная Типография Пономарева, 1807. 213 с.

Завалишин И.И. Героида. СПб.: Типография И.К. Шнора, 1793. 65 с.

Завалишин И.И. Сувороида. СПб.: Типография В. Плавильщикова, 1796. 106 с.

M.S. Yaklyushina

Postgraduate Student of Philological Faculty
Ural Federal University

**MOTIFS AND IMAGES OF HUMANISM DURING A SIEGE
IN EPIC POEMS OF M.M. KHERASKOV AND I.I. ZAVALISHIN**

In this paper we look at the motifs and images, connected to the discourse of humanism in the late XVIII century Russia, in the epic poems of M.M. Kheraskov («Rossiada», «Vladimir») and I.I. Zavalishin («Heroida», «Suvoroida»). We focus in particular on the plot point of the siege and taking of a city. By using comparative analysis, we categorize the unique specifics and viewpoints of these authors in relation to humanistic virtues in the situation of war.

Key words: epic poem; M.M. Kheraskov; I.I. Zavalishin; siege plots; humanistic motifs.

УДК 82.01

Лев Олегович Мысовских
аспирант филологического факультета
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
levmisov@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье рассматривается ранняя лирика М.Ю. Лермонтова на предмет обнаружения в ней мотивов, характерных для философии экзистенциализма. Автор статьи утверждает, что Лермонтов постоянно задумывается об абсурдности человеческого бытия, невозможности самореализации для личности и о смерти, которая приведет к исчезновению его экзистенции. Исследование поэзии Лермонтова позволяет сделать вывод о том, что Бог даровал человеку свободу воли, которую он может использовать для совершения экзистенциального выбора, дабы через путь познания и любви прийти к Богу.

Ключевые слова: экзистенциализм; Лермонтов; поэзия; русская литература; теория литературы; философия.

Поиск экзистенциальных концептов в произведениях художественной литературы, на наш взгляд, является вполне оправданным. Так, один из наиболее видных представителей философии экзистенциализма Жан Поль Сартр считал, что именно художественную литературу, а не философские трактаты, можно использовать особенно эффективным образом для «передачи идей и идеалов человека» [Мысовских 2022: 32]. При этом попытки сравнить творчество М.Ю. Лермонтова с работами основателя экзистенциализма С. Кьеркегора уже предпринимались. Однако они в большей степени относятся к анализу романа «Герой нашего времени». Например, В.А. Котельников, сравнивая Печорина и Йоханнеса, утверждал, что в произведениях Лермонтова и Кьеркегора присутствует тема либертинажа [Котельников 2014]. В.И. Мильдон предлагал искать истоки экзистенциальных идей у русского поэта и датского мыслителя в особенностях современной им эпохи [Мильдон 2002]. Однако лирика Лермонтова, в особенности ранняя, на сегодняшний день остается малоизученной в плане выявления в ней экзистенциальных категорий. Поэтому в данной статье мы попробуем проследить становление экзистенциального сознания у юного Лермонтова на материале его ранней лирики.

К 1829–1830 гг. в поэзии Лермонтова начинает вырисовываться экзистенциальная парадигма его художественного сознания. Юного поэта волнует тема любви, что совершенно естественно для его возраста, но при этом Лермонтов постоянно задумывается об абсурдности человеческого бытия, невозможности самореализации личности и о смерти. Причем смерть страшит поэта не как фи-

зическое разрушение, а как прекращение существования, бесследное исчезновение его экзистенции: *«Боюсь не смерти я. О нет! / Боюсь исчезнуть совершенно. / Хочу, чтоб труд мой вдохновенной / Когда-нибудь увидел свет»* [Лермонтов 2014а: 106].

Лермонтов убежден, что погибнет *«в чужой, неведомой стране»* [там же], что указывает на внутреннюю тягу поэта к чему-то неизведанному. Так в творчестве Лермонтова появляется экзотическая тема, которая вскоре становится важной составляющей его поэтического дискурса, сочетаясь с такими темами, как космос и потерянный рай. Кавказ становится одной из основных экзотических тем для поэта, ассоциируясь в его мировоззрении с потерянным раем.

В стихотворении «Ангел» (1831) затрагивается вопрос первостепенной важности для Лермонтова: существование двух принципиально противоположных реальностей – неба и земли. Небеса воспринимаются не столько как место будущей награды или наказания, сколько как место прошлого блаженства, из которого люди были изгнаны. Таким образом, тема неба и земли сходна с темой потерянного рая Кавказа.

Стихотворение «Желание» (1831) перекликается с «Кавказом» и «Ангелом». Полет, совершаемый ангелом, несущим младенца, ассоциируется с полетом ворона, символа долгожданной свободы. Шотландия занимает экзотическое место Кавказа, лучшее место. Поэт никогда не жил в Шотландии, следовательно, не мог и потерять ее. Таким образом, это не совсем потерянный рай, однако это его истинный духовный дом, но недоступный: *«Но тщетны мечты, бесполезны мольбы / Против строгих законов судьбы. / Меж мной и холмами отчизны моей / Расстилаются волны морей»* [Лермонтов 2014а: 181].

Лермонтов озабочен недостижимым: небом и звездами. Звезды, в частности, служат символом этического идеализма, стремления к далекому и прекрасному. Они рассматриваются не как дополнение к самым благородным качествам человека, а как трансцендентное. Поэт завидует звездам и желает занять их место: *«Люди друг к другу / Зависть питают; / Я же, напротив, / Только завидую звездам прекрасным, / Только их место занять бы желал»* [Лермонтов 2014а: 197].

Таким образом, рассмотренные стихотворения демонстрируют зарождение в душе юного поэта тоски, которая впоследствии переродится в отчаяние, охарактеризованное Кьеркегором как «болезнь к смерти»: «Отчаяние – это не просто худшее из страданий, но наша гибель» [Кьеркегор 2014: 31].

Глубокий философский смысл прослеживается в стихотворении «Когда б в покорности незнания» (1831). Это торжествующее утверждение правоты человека в стремлении к знаниям. Фактически, в данном стихотворении Лермонтов утверждает, что Бог даровал человеку свободу воли, которую он может использовать для совершения экзистенциального выбора, дабы через путь познания и любви прийти к Богу: *«Когда б в покорности незнания / Нас жить создатель осудил, / Неисполнимые желанья / Он в нашу душу б не вложил»* [Лермонтов 2014а: 197].

Отмечая экзистенциально-религиозные мотивы в творчестве Лермонтова, О.В. Зырянов особо подчеркивает противоположность мира бренного и мира вечного, поясняя что это «не просто два сообщающихся, хотя и полярных мира, но именно процесс “преобразования” одного мира в другой, изживание экзистенциальной драмы, сакрализация природного начала, возведение его в культ» [Зырянов 2002: 111].

В финале стихотворения Лермонтов утверждает существование Высшего царства, где любовь совершенна: *«Такое место, где любовь / Предстанет нам, как ангел нежной»* [Лермонтов 2014а: 199].

В современных исследованиях представлены выводы о том, что в стихах Лермонтов заново «формирует идеал человеческой экзистенции» [Mysovskikh 2022: 87], но происходит это благодаря тому, что в своем экзистенциальном сознании поэт «воскрешает архаический идеал человеческой экзистенции, своего рода “первобытное” состояние души, “сон” ума и сердца, исключают холодную умственную рефлексию и вызывающие к жизни изначально гармоничные представления о любви как “ангеле нежном”» [Зырянов 2002: 118]. Рассматривая творчество Лермонтова сквозь призму религиозного экзистенциализма, В.В. Зеньковский отмечал, что поэзия Лермонтова – это «поэзия земного бытия, все тот же гимн “существованию”, переходящий в философский экзистенциализм» [Зеньковский 1960: 40–41].

Тема существования вселенского зла также начала волновать поэта еще в юности. При этом демонизм у Лермонтова тесно переплетался с темой любви. В нескольких стихотворениях, адресованных Варваре Лопухиной, Лермонтов пытается объединить эти две темы: свою искреннюю любовь и тягу к демонизму. В третьей редакции «Демона» (1831) есть такие строки: *«Как демон, хладный и суровый, / Я в мире веселился злом, / Обманы были мне не новы, / И яд был на сердце моем; / Теперь, как мрачный этот Гений, / Я близ тебя опять воскрес / Для непорочных наслаждений, / И для надежд, и для небес»* [Лермонтов 2014б: 199].

Еще одну экзистенциальную двойственность можно обнаружить в стихотворении «К*» (1832): *«Я рожден, чтоб целый мир был зритель / Торжества иль гибели моей»* [Лермонтов 2014а: 238].

В стихотворении «К Нэере» (1831) Лермонтов обращается к классической мифологии. Нэера – в греческой мифологии возлюбленная Гелиоса. Это имя использовалось в России времен Лермонтова применительно к молодой, красивой, любимой женщине. Поэта тревожит угроза неумолимого времени юной красоте, которая столь же мимолетна, как цветение роз. Лермонтов в деталях описывает процесс неизбежности увядания от первоначального вплетения роз в волосы, к несостоявшейся любви и мысли о желанности смерти: *«О, лучше умри поскорее, / Чтоб юный красавец сказал: / “Кто был этой девы милее? / Кто раньше ее умирал?”»* [Лермонтов 2014а: 212].

Разразившаяся в 1830 г. эпидемия холеры привела к большому количеству жертв и спровоцировала ряд крестьянских волнений. Эти события отразились в

творчестве Лермонтова созданием нескольких жутких стихов, наибольший интерес из которых, на наш взгляд, вызывает стихотворение «Предсказание» (1830): *«Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет; / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь; / Когда детей, когда невинных жен / Низвергнутый не защитит закон; / Когда чума от смрадных, мертвых тел / Начнет бродить среди печальных сел»* [Лермонтов 2014а: 109]. В данном стихотворении отчетливым образом проявляется беспокойство поэта по поводу возможности еще одного кровавого восстания, подобного восстанию Пугачева, и страх, что за крестьянскими восстаниями последует тирания, подобная той, которую установил Наполеон вскоре после Великой французской революции. Наполеон, конечно, представлял большой интерес для Лермонтова, как и для большинства его современников. Лермонтову была близка и патриотическая тема, связанная с Отечественной войной 1812 г., но также его интересовала загадка трагической судьбы Наполеона и предполагаемого величия духа, что можно обнаружить в стихах Лермонтова о Наполеоне: *«Поверь: великое земное / Различно с мыслями людей. / Сверши с успехом дело злое – / Велик; не удалось – злодей; / Среди дружин необозримых / Был чуть не бог Наполеон; / Разбитый же в снегах родимых / Безумцем порицаем он»* [Лермонтов 2014а: 75].

Тема отчуждения, появившаяся в начале XIX века в экзистенциальной философии С. Кьеркегора, находит свое отражение и в поэзии Лермонтова: *«Как в ночь звезды падучей пламень, / Не нужен в мире я. / Хоть сердце тяжело как камень, / Но все под ним змея»* [Лермонтов 2014а: 228].

В 1832 г. Лермонтов высказался о различиях между ним и Байроном, что можно считать поворотным событием в творчестве поэта. Такой поворот следует интерпретировать не как неприятие Байрона, а как осознание своей собственной уникальной экзистенции, иной ситуации и признания независимости своей личности: *«Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой»* [Лермонтов 2014а: 75].

Список литературы

Зеньковский В. В. М.Ю. Лермонтов // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1960. № 57. С. 32–41.

Зырянов О. В. Лермонтовский миф: некоторые аспекты проблемы // Архетипические структуры художественного сознания. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 110–121.

Котельников В. А. Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма // Русская литература. 2014. №3. С.28–40.

Кьеркегор С. Болезнь к смерти [Пер. с дат. Н. В. Исаевой]. М.: Академический проект, 2014. 160 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 776 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Поэмы. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 704 с.

Мильдон В. И. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели // Октябрь. 2002. №4. С. 177–186.

Мысовских Л. О. Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // Филология: научные исследования. 2022. № 4. С. 29–41.

Mysovskikh L. O. Existential type of artistic consciousness: genesis and ways of development in the literature of the XIX century // Litera. 2022. № 4. С. 83–92.

L.O. Mysovskikh

Postgraduate Student of Philological Faculty

Ural Federal University

THE FORMATION OF THE EXISTENTIAL PARADIGM OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS IN THE EARLY LYRICS OF M. LERMONTOV

The article examines the early lyrics of M. Lermontov for the detection of motives characteristic of the philosophy of existentialism in it. The author of the article claims that Lermontov constantly thinks about the absurdity of human existence, the impossibility of self-realization for the individual and about death, which will lead to the disappearance of his existence. Lermontov's poetry pushes to the conclusion that God has given man free will, which he can use to make an existential choice in order to come to God through the path of knowledge and love.

Key words: existentialism; Lermontov; poetry; Russian literature; literary theory; philosophy.

УДК 82.091

Ангелина Сергеевна Попова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
gelya111@mail.ru

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ЗАГРОБНЫЙ ТЕКСТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье кратко описывается модель и выявляются признаки сверхтекстовой общности, условно названной нами «загробным» текстом. С точки зрения принадлежности к загробному тексту анализируется роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». На основании проведенного мотивного и компаративного анализа в романе обнаруживаются основные константы загробного текста: образы, мотивы и сюжетные ситуации.

Ключевые слова: сверхтекст; загробный текст; царство мертвых; Ф.М. Достоевский; Преступление и наказание; компаративный анализ.

Сверхтекст – востребованный в литературоведении термин, получивший различные интерпретации. Н.Е. Меднис понимает под сверхтекстом «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис 2003: 13], а А.Г. Лошаков – «ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного интегративного словесно-концептуального образования, как составляющая ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы» [Лошаков 2008: 7].

В данной статье под сверхтекстом мы будем понимать совокупность произведений, объединенных общей идейно-философской направленностью, а также мотивами, образами, сюжетными ситуациями и взаимными аллюзиями.

Согласно классификации сверхтекстов, предложенной А.Г. Лошаковым, в группе «тематических» сверхтекстов выделяются сверхтексты локальные [Лошаков 2008: 8]. Таковыми являются, например, петербургский текст [Топоров 2003; Анциферов 1923], пермский текст [Абашев 2000], усадебный текст [Щукин 2007], крымский текст [Люсый 2003], венецианский текст [Меднис 1999; Кунусова 2011], лондонский текст [Воробьева 2009; Прохорова 2005]. В своих работах В.Н. Топоров, В.Г. Щукин и В.В. Абашев, объясняя критерии и принципы конструирования сверхтекстов, обращают внимание на наличие системы оппозиций, типичных мотивов, «текста-кода» [Лотман 1992: 150] или мифа, на прецедентные тексты [Топоров 2003: 22–23], культурно-географические, мифологические и мифопоэтические основы формирования сверхтекстов [Абашев 2000:

26, 55; Топоров 2003: 23; Щукин 2007: 472], а также составляют словари сверхтекстов [Топоров 2003: 60–62; Щукин 2007: 329–331]. Следуя предложенным критериям, можно говорить о функционирующем в культуре и играющем исключительно важную роль в европейской ментальности загробном тексте мировой литературы.

Базовая идейно-сюжетная модель выделенного нами сверхтекста такова: герой проходит некий путь (условный жизненный или буквально воплощенный посредством мотива пути, образа дороги), путь часто ассоциирован с мотивом поиска (родины, дома, себя); в определенный момент герой сбивается с пути, начинает блуждать (духовно и/или географически) и попадает в «царство мертвых» (реальное или метафорическое), которое служит ему местом/временем для осознания истинных и ложных ценностей, помогает выйти на верный путь, найти искомое. В загробном царстве героя часто сопровождает проводник. Прецедентными текстами, наиболее полно воплотившими данную модель, являются «Божественная комедия» Данте Алигьери и «Энеида» Вергилия, сами, в свою очередь, скрепленные плотными интертекстуальными связями. На формирование загробного текста главным образом повлияла литературная традиция (ср. с выводами В.Н. Топорова и В.В. Абашева [Абашев 2000: 12–13, 19–20, 23; Топоров 2003: 22–25, 48, 67]).

Кратко рассмотрим реализацию описанной структуры на примере нескольких произведений.

Эней, исполняя волю богов, отправляется в долгий путь на поиски своей прародины («Род от Юпитера мой; в Италию отчую плыл я, / Следуя воле судьбы. Мать-богиня мне *путь* указала» [Вергилий 1979: 147¹]). В те моменты, когда Эней забывает о своей истинной цели (влюбляется в Дидону, т.е. блуждает духовно: «Женщины раб, ты забыл о царстве и подвигах громких» [Вергилий 206]), он начинает блуждать и географически: «Что было метафорой чего – морские блуждания – блужданий души или блуждания души – морских блужданий – определить трудно» [Топоров 1993: 105]. В загробном мире, где проводниками Энея являются Сивилла и Анхиз, герою открываются величие и слава многих поколений его потомков, будущего народа Италии, что раскрывает, «материализует» цель его странствий, вдохновляет на дальнейший путь.

О пути и духовном «заблуждении» Данте мы узнаем из первой песни «Ада»: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины», «Ты должен выбрать *новую дорогу*» [Данте 9, 12]. Цель Данте, которой он пытается достичь, проходя с проводниками по загробному миру, – найти путь к спасению души, путь на небеса, к Богу как в подлинный дом («тогда его я встретил, / И вот он [Вергилий] здесь ведет меня *домой*» [Данте 12]).

Первый том «Мертвых душ» Н.В. Гоголя – метафорическое царство мертвых (поэму многократно анализировали, сопоставляя с «Божественной комедией»; см. подробнее [Веселовский 1912; Белый 1934; Герцен 1954; Голенищев-Кутузов 1971; Купреянова 1981; Смирнова 1987; Манн 1996; Полтавец 1998;

Дмитриева 2005; Гольденберг 2007, 2007а; Ивинский 2009; Кораблев 2012 и др.]), в котором Чичиков – духовно заблудший человек. Цель автора-проводника – вывести героя от «смерти» к «воскресению» (в задуманных автором вторым и третьем томах). Чичиков, подобно Энею и Данте, – герой пути, стремящийся обрести дом («Ему мерещилась впереди жизнь во всех довольствах, со всякими достоинствами, экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды, вот что беспрерывно носилось в голове его», «Подумывал он о многом приятном: о бабенке, о детской, и улыбка следовала за такими мыслями» [Гоголь 89, 228]). Кроме того, произведение Н.В. Гоголя прямо отсылает к прецедентным текстам: «Божественной комедии» (эпизод в присутственном месте как «ироническая реминисценция из Данте» [Манн 1996: 318]), а через нее – к «Энеиде».

Горянчиков, герой «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, совершив преступление («оступившись» на жизненном пути), попадает на каторгу – в метафорическое царство мертвых, которое маркируется похоронной символикой и дантевскими аллюзиями (каторжане делятся на символические «круги» по разным основаниям [Сафронова 2013; Курган 2021], присутствуют общие с «Божественной комедией» образы-символы [Акелькина 2012], мотивы тесноты, повторяющегося наказания, Петров выступает как функциональный двойник Вергилия и т.д.). Загробная тема неоднократно эксплицирована рассказчиком: «это был ад, тьма крошечная», «“Мертвый дом!” – говорил я сам себе, присматриваясь <...> к арестантам» [Достоевский 12, 69]. Приобщившись к иному духовному и экзистенциальному опыту, герой выходит в новую жизнь: «свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых» [Достоевский 232].

Отметим в качестве сквозного микросюжета загробного текста диалоги в царстве мертвых [Абрамзон 2013: 152; Готовцева 2018: 10–12; Михайлова 2021: 227] – художественно-речевую ситуацию, обнаруживаемую едва ли не во всех названных произведениях.

Анализ, таким образом, позволяет установить, что рассмотренные произведения имеют общие мотивы и образы, сквозные отсылки и реминисценции, однако их наличие не охватывает всю идейно-философскую сущность загробного текста, что позволяет говорить именно о сверхтексте, а не о совокупности произведений с интертекстуальными связями.

Нами были выделены две группы **признаков** загробного текста: **обязательные и факультативные**. К обязательным признакам относятся: наличие в произведении онтологической, философской, религиозной, морально-нравственной идеи, которую автор воплощает посредством комплекса мифопоэтических компонентов (мотивы пути, путешествия, блуждания, поиска, топос царства мертвых или его метафорический аналог, функция которого – прозрение героя), системы оппозиций (там/здесь, живое/мертвое, душа/тело, верх/низ). К факультативным относятся фигура проводника по царству мертвых, наличие «текста-кода» или мифа, позволяющих расширить интерпретационные горизонты текста, аллюзии и реминисценции на прецедентные тексты, элементы традиции диалогов мертвых.

Важными мотивами загробного текста нам представляются мотивы преступления и наказания, греха и кары, вины и раскаяния. Так, вследствие совершенного преступления Горянчиков подвергается наказанию юридически (мотив преступления и наказания в «Записках...» актуализируется также посредством нравственно-философской проблематики: рассказчик задумывается над «неравенством наказания за одни и те же преступления, с одной стороны, а с другой – о невозможности уравнивать два преступления, назначив одинаковое наказание» [Курган 2021: 37]), души в «Аду» Данте получают наказания за грехи, Чичиков в последующих томах поэмы должен был осознать ложный характер своих жизненных установок, раскаяться и исправиться.

Рассмотрим более подробно реализацию загробного текста на материале «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского.

Мотив пути проявляется с первых страниц романа (аналогичным образом начинаются «Мертвые души», «Энеида» и «Божественная комедия») как на лексическом уровне («он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать» [Достоевский 7]), так и метафорически [Ветловская 2002: 31–32] («...чего люди больше всего боятся? Нового *шага*, нового собственного слова» [Достоевский 6]).

В.Е. Ветловская подробно анализирует перемещения Раскольникова в библейском контексте: в начале романа «он делает “крюки” и предпочитает “обход”», ходит кругами, «как пьяный», часто поворачивает, что свидетельствует о его заблуждениях. В финале ему остается «прямой путь – путь Христа», путь искупления [Ветловская 2002: 34–35]: «пошел *прямо* через переулок по направлению к конторе» [Достоевский 406]. Его духовный и физический пути взаимозависимы, как и в случае Энея.

На своем жизненном «пути» Раскольников встречает ряд препятствий: гнетущая атмосфера Петербурга (вонь, пыль, пьяные, грязь, духота) и жилища (комната-гроб, «низкая клетушка», «угол», «шкаф», «сундук», «каморка» [Достоевский 5, 25, 35, 178]), плохое финансовое положение и физическое состояние (ломотья, голод, лихорадка). Но главное из них, несомненно – теория и ее воплощение в жизнь. Совершив преступление (сбившись с пути), он оказывается в «аду»² своей совести. Его духовные страдания проецируются на чувственном (омерзение, презрение, отвращение, тоска, апатия, «мрачное возбуждение») и физическом уровнях («ослабели нервы», «точно гвоздь вбивали в темя», «нервный смех», «нервная дрожь», «ослабевший шаг с дрожащими коленами» [Достоевский 7, 8, 86, 89, 210]). То же происходит с грешниками/преступниками в «Аду» Данте и в «Записках...».

Ведущей в описании «болезни» Раскольникова становится **символика холода**: «страх, как лед, обложил его душу, <...> окоченил его», «озноб минутами проходил по спине его», «на такой жаре ему становилось холодно», «озябший», дрожал «как загнанная лошадь», «как лист» [Достоевский 45, 50, 90, 91, 127, 210]. В «Аду» Данте также есть мучимые холодом («Грешный род / Терзается, жесто-

ким льдом зажатый» [Данте 148]). В то же время Раскольников часто сопровождается «зной, духота и пыль»; Свидригайлова, напротив, – дождь, холод, гроза. В этом Л.Н. Дмитриевская видит «два круга ада» в романе Ф.М. Достоевского [Дмитриевская 2013: 104–105].

При объяснении действий Раскольникова и описании происходящего вокруг него «для вербализации главного inferнального концепта [дьявол] используются личные и неопределенные местоимения “он” и “кто-то”» [Азаренко 2013: 64]: «как будто *кто-то* подслуживается», «как будто *кто* его сорвал с дивана», «как будто *кто* его принуждал», «как будто его *кто-то* взял за руку и потянул за собой <...> с неестественною силой», «как будто *кто* шепнул ему что-то на ухо» [Достоевский 53, 56, 58, 132–133]. Героем словно управляет некая внешняя сила, толкая на преступление («Силы его тут как бы не было. Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила», «понять не мог, откуда он взял столько хитрости» [Достоевский 61, 63]). Речь безусловно идет о дьяволе, о чем говорит сам герой: «не рассудок, так *бес*», «когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь *дьявол* смущал меня?» [Достоевский 60, 321]. Но в то же время Раскольников сопротивляется как на стадии обдумывания теории («Как это все отвратительно! <...> грязно, пакостно, гадко, гадко!», «Господи! <...> покажи мне *путь* мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!» [Достоевский 10, 50]), так и в момент убийства («Ему вдруг опять захотелось бросить все и уйти», «если бы только мог сообразить <...> все отчаяние, все безобразие и всю нелепость его [положения], <...> он бросил бы все и тотчас пошел бы сам на себя объявить <...> от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал» [Достоевский 63, 65]).

В образе Раскольникова сильна **мортальная символика**: герой неоднократно сравнивается с «приговоренным к смерти», он «притих как мертвый», у него «апатия, похожая на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих» [Достоевский 52, 64, 335]. Граница между мирами живых и мертвых как будто проницаема, подвижна³ (явление привидений Свидригайлову, «переходы от бодрствования к беспамятству <...> через опыт бреда или потери сознания» у Раскольникова и Данте) [Корбелла 2022: 21]. Примечательно, что высказанное Свидригайловым предположение о загробном бытии («И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской *бани*, закоптелая, а по всем углам *науки*, и вот и вся вечность» [Достоевский 221]), как нам кажется, прямо отсылает к «Запискам из Мертвого дома», где присутствуют «паучьи» метафоры, имеющие inferнальную семантику (см. подробнее [Касаткина 2016; Курган 2021]), а топос бани может быть интерпретирован как концептуальный центр произведения.

Функцию **проводника** Раскольникова по загробному царству выполняет Соня с ее «ненасытимым состраданием» [Достоевский 243]: после ее прихода герой решает идти к Порфирию Петровичу, она дает ему Евангелие и крест, именно она приводит его к «воскресению» в финале романа (о воскресении-вос-

крещении см. подробнее [Тарасова 2020]). В этом она функционально сближается с Беатриче, что отмечает К. Корбелла (как и то, что «на Соне, как и на Беатриче – зеленый платок» [Корбелла 2022: 33]), обращая внимание на еще одну типологическую пару: Разумихин и Вергилий [Корбелла 2022: 21–22].

Помимо типичных для загробного текста *оппозиций* (верх/низ, душа/плоть, живое/мертвое), в «Преступлении и наказании» присутствуют дихотомии крайностей физического состояния Родиона: холодное/горячее (озноб и лихорадка), активное действие/полное бездействие («лихорадочная суета» и «сон», «отупение» [Достоевский 56]), а упомянутые выше основные мотивы загробного текста являются сюжетообразующими и несут идейно-философскую нагрузку.

В качестве *текста-кода*, расширяющего возможности интерпретации «Преступления и наказания», могут быть предложены традиционные библейские параллели: воскресение Лазаря и путь Христа на Голгофу. Ко всем пяти проанализированным произведениям может быть также применена евангельская притча о блудном сыне.

Таким образом, «Преступление и наказание» актуализирует многие как обязательные, так и факультативные признаки загробного текста, обнаруживая при этом наибольшую соотнесенность с «Божественной комедией» Данте. Применение модели загробного текста позволяет, включая тексты в «большой» герменевтический круг – сверхтекстовое целое, по-новому прочитать известные произведения.

Примечания

¹ Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С.А. Ошерова. М., Художественная литература, 1979. 417 с. Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с итальянского М.Л. Лозинского. М., Наука, 1967. 627 с. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т.4. Записки из Мертвого дома. / Текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др., Л., Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 326 с. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т.6. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / Текст подгот. Л.Д. Опульская. Л., Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 424 с. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т.6. Мертвые души. Ч.1 / Ред. Н.Ф. Бельчиков и др., М., Изд-во АН СССР, 1951. 924 с. Здесь и далее произведения цитируются без указания года издания и тома с указанием страниц в квадратных скобках.

² Петербург как дантевский «Ад» интерпретируют М.Г. Курган [Курган 2015: 166], Л.Н. Дмитриевская [Дмитриевская 2013]; К. Корбелла сопоставляет «спуск Раскольникова в распивочную» и сходжение в ад Данте [Корбелла 2022]; Т.А. Касаткина упоминает, что «в процессе истязания душа Раскольникова сходит в ледяные области ада» [Касаткина 2015: 199].

³ Эней также встречает умерших не только в загробном мире (кровотокащий куст-Полидор в стране фракийцев).

Список источников

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т.6. Мертвые души. Ч.1 / Ред. Н.Ф. Бельчиков и др., М.: Изд-во АН СССР, 1951. 924 с.

Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с итальянского М.Л. Лозинского. М.: Наука, 1967. 627 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т.4. Записки из Мертвого дома. / Текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 326 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т.6. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / Текст подгот. Л.Д. Опульская. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 424 с.

Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С.А. Ошерова. М.: Художественная литература, 1979. 417 с.

Список литературы

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.

Абрамзон Т.Е. Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777 г.): поэтика культурной роли Ломоносова // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1(39). 2013. С. 151–162.

Азаренко Н.А. Экспликация и импликация концептов бог и дьявол в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №4 (37). С. 61–68.

Акелькина Е.А. Данте и Достоевский (рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из Мертвого дома») // Вестник Омского университета. 2012. №2. С. 394–399.

Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. СПб.: Изд-во Брокгауз-Эфрон, 1923. 106 с.

Белый А. Мастерство Гоголя. М.–Л., ОГИЗ, 1934. 355 с.

Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 347 с.

Ветловская В.Е. Тема пути-дороги в «Преступлении и наказании» // Литературоведческий журнал. 2002. №16. С. 30–37.

Воробьева Л.В. Лондонский текст русской литературы первой трети XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Томск, 2009. 22 с.

Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 2. М., АН СССР, 1954. 519 с.

Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 552 с.

Гольденберг А.Х. К проблеме Дантовского архетипа в поэтике Гоголя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5(23). С. 115–119.

Гольденберг А.Х. Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, Волгоград, 2007а. 39 с.

Готовцева А.Г. «Разговоры по подобию Лукиановых»: жанр «разговоров» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. №1 (34). 2018. С. 9–16.

Дмитриева Е.Е., Капитанова Л.А., Коровин В.И. и др. История русской литературы XIX в.: в 3 ч. Ч.2. М.: ВЛАДОС, 2005. 524 с.

Дмитриевская Л.Н. Пейзаж в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как возможная аллюзия на «Божественную комедию» Данте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 1(76). С. 103–106.

Ивинский Д.П. Композиция первого тома поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и «фигура фикции». 2009. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/758/#8> (дата обращения: 25.09.2022).

Касаткина Т.А. «Записки из Мертвого дома». Этнографические заметки или попытка инициатического романа. Научно-практический семинар для учителей-филологов // 29.09.2016. Великий Новгород. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GbhRxNmJ-k&t=5s#> (дата обращения: 23.09.2022).

Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

Кораблев А.А. Системология фольклорных и физиогномических аллюзий в «Мертвых душах». 2012. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1210/> (дата обращения: 25.09.2022).

Корбелла К. «Комедия» Данте в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. №3 (19). С.18-36.

Кунусова А.Н. Венецианский текст в русской поэзии XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Астрахань, 2011. 22 с.

Купреянова Е.Н. Н.В. Гоголь. История русской литературы: в 4 т. Т. 2 / Под ред. Е.Н. Купреяновой. Л., АН СССР, 1981. С.5 30–572.

Курган М.Г. Дантовская концепция ада в творческой перцепции Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2015. № 1(3). С. 160–176.

Курган М.Г. Дантовские образы ада в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 31–52.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т.1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 148–160.

Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2008. 51 с.

Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

- Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
- Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с.
- Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
- Михайлова Е.А.* Петр I и Петровская эпоха в «разговорах в царстве мертвых» (по материалам отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Два века русской классики. Т. 3. № 1. 2021. С. 224–243.
- Полтавец Е.Ю.* «Мертвые души» Н.В. Гоголя: Опыт комментированного чтения // Литература в школе. 1998. № 2. С. 93–103.
- Прохорова Л.С.* Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.
- Сафронова Е.Ю.* Метафизический «дантовский» код в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2013. № 2. С. 73–83.
- Смирнова Е.А.* Поэма Гоголя «Мертвые души». Л.: «Наука», 1987. 197 с.
- Тарасова Н.А.* «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. № 2(18). 2020. С. 190–216.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: «Искусство–СПб», 2003. 616 с.
- Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. Часть I. М.: Радикс, 1993. 208 с.
- Щукин В.Г.* Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.

A.S. Popova

Student of Philological Faculty
Perm State University

**“CRIME AND PUNISHMENT” BY F. DOSTOEVSKY
AND THE AFTERLIFE TEXT OF WORLD LITERATURE**

This article is dedicated to description of the model and definition of the characteristics undescribed supertext generality, which we conventionally named the “afterlife text”. F. Dostoevsky’s novel “Crime and punishment” analyzed in terms of its relation to the afterlife text. On the basis of comparative and motif analysis of the novel was founded and interpreted functioning of the main constants (recurrent images, motifs, situations of the plot) of the afterlife text.

Key words: supertext; afterlife text; abode of the dead; Dostoevsky; Crime and punishment; comparative analysis.

УДК 821.161.1

Хэ Тинтин
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
heting120@gmail.com

ИДЕИ ДАОСИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье рассматриваются идеи даосизма, выраженные в литературе русской эмиграции, а также краткие даосские теории единства человека и природы, восточного квиетизма и отшельничества. Анализируется влияние основных ценностей даосизма на мировоззрение писателей-эмигрантов. Делается вывод, что идеи даосизма помогли русским эмигрантам начала XX в. уйти от боли, одиночества и смятения, обрести надежду и открыть для себя новые направления в жизни и творчестве. В трудах прозаиков и поэтов русской эмиграции выражается их любовь к традиционной китайской культуре.

Ключевые слова: литература русской эмиграции; идеи даосизма; восточный квиетизм; отшельничество; единство человека и природы.

В начале XX в., в связи с напряженной обстановкой и ограничениями свободы слова, вызванными революционными событиями 1917 г. и гражданской войной, большое количество русских писателей, интеллектуалов и философов были вынуждены уехать из России. Русские эмигранты под гнетом репрессий покинули свою родину и стремились к спокойной жизни после мятежных событий. Тема тоски стала неотъемлемой частью их творчества, поиска самовыражения вдали от дома. Миролюбивая китайская мысль оказалась духовным убежищем для русских эмигрантов, переживших войну и изгнание. Она содержала в себе традиционный китайский даосизм с его идеями восточного квиетизма и отшельничества, которые соответствовали стремлению русских эмигрантов к тихой жизни в Китае. Таким образом, постулаты даосизма глубоко полюбились писателям-эмигрантам и стали постоянным источником их вдохновения. Китайские исследователи отмечают, что основные положения и идеи даосизма оказали значительное влияние на прозаиков и поэтов русской эмиграции, оказавшихся в Китае в начале XX в. Ли Яньлин писал, что «поэзия русской эмиграции в Харбине испытала влияние философичности и лаконизма китайской поэзии» [Ли Яньлин 2005: 8].

Восточный квиетизм – одна из важных теорий даосизма, оказавшая глубокое влияние на русских эмигрантов. С точки зрения логики даосской идеи, основные принципы восточного квиетизма разделены на «естественность» (цзы жань 自然) и «недеяние» (у вэй 无为). Основа принципа «недеяния» в даосской философии указывает на отношения между человеком и природой, а именно, что человек не должен активно вмешиваться в окружающий его мир, должен соблюдать законы природы и развиваться естественно.

Поэзия В. Перелешина наилучшим образом отражает идеи философии даосизма. В. Перелешин – известный поэт русской эмиграции, приехавший в Китай с родителями в 1920 г. Он хорошо владел китайским языком, глубоко исследовал китайскую культуру и перевел древний китайский трактат «Дао дэ цзин» Лао-цзы. Поэзия Перелешина в целом – это поэтические размышления на философские темы: осмысление своего жизненного пути и предназначения, смысла всего сущего. Поэтому в его стихотворении «Картина» проявляется сильная даосская мысль – взаимодействие человека и природы:

*«Есть у меня картина: между скал
Простерто небо, всех небес лучистой.
Китайский мастер их нарисовал
Легчайшею и совершенной кистью.*

*Внизу, в долине, зелень, как ковер,
Стада приходят на призыв свирели.
Так безобидный высказан укор
Всем возлюбившим маленькие цели.*

*А выше есть тропинка по хребту,
И будет награжден по ней идущий
Вишневыми деревьями в цвету,
Прохладою уединенных кущей»* [Перелешин 2018: 85].

Стихотворение начинается с описания природного пейзажа. В нем передана особенность китайской живописи: «изображения всегда украшались иероглифами, старательно выписанными тушью, и слово составляло с рисунком единое целое» [Хадынская 2019: 209]. Перелешин отмечает прежде всего такие особенности китайской живописи, как тончайшее мастерство и легчайшая кисть, а также взаимодействие человека и природы, в каком-то смысле подчиненность человека миру природы. В китайской традиции литературы отношения человека и природы воплощают гармонию мироздания [Жарикова 2008: 123]:

*«Но там над пропастью взвилась сосна,
Торжественно, спокойно, равнодушно,
И там царит такая тишина,
Что сердце ей доверится послушно.*

*Лишь только смерть, легка и хороша,
Меня нагонит поступью нескорой,
Я знаю, наяву моя душа
Придет бродить на вычурные горы»* [Перелешин 2018: 85].

В последних двух строках герой надеется, что его душа сможет бродить по выписанным и вычурным горам и обретет тишину и гармонию с природой. В этом стихотворении поэт описал эмоции стремления к свободе и достижения даосского философского состояния – «единства человека и природы».

В четвертой строфе стихотворения появляется образ «мудрецов», которые, удалившись на покой и завершая свой земной круг, могут размышлять о пройденном пути:

*«Здесь мудрецы, сдав сыновьям дела
И замуж внучку младшую пристроив,
Вздохнут о том, как молодость цвела
Надменной роз и радостней левкоев»* [Перелешин 2018: 85].

В стихотворение поэт включает точку зрения «мудрецов», которые, свершив положенное, наблюдают за красотой природы, а главное, очень лаконично описывает обычный земной путь: вырастить сыновей, дать им дорогу, дожидаться продолжения рода, *«и замуж внучку младшую пристроив»*, удалиться на покой. Путь длиной в жизнь поэт «вмещает» в две строки, концептуализирует его. Жизненный путь мудрого человека такой же, как в даосизме - подчиняется законам природы: отказ от произвольной целеполагающей деятельности, преобразующей природу.

В творчестве русской эмиграции часто отражена тема природы. В стихотворении В. Янковской «Ночью я зачиталась нечаянно» прослеживается глубокая связь с природой; острота восприятия делает образный мир ее лирики ярким, но не вычурным. Природные объекты обретают сходство с человеком, очеловечиваются:

*«Сразу тополи стали глазастыми,
Растопырив ресницы впервые;
А движения ветра вихрастого
Провели по песку кривые»* [Янковская 1978: 19].

В поэтическом мире Янковской природа и человек находятся в гармонии друг с другом. Человек является частью природы, и как будто вписан в нее, между ними нет противостояния. И именно мир богатой восточной природы сформировал такое даосское философское мировоззрение писательницы и поэтику ее лирики.

В то же время в творчестве Б. Юльского, писателя русской эмиграции, есть много ориентальных философских мотивов. Особенно идеи даосской философии: недеяние, созерцание и отшельничество. Б. Юльский родился в 1912 г. в Иркутске в дворянской семье. В 1921 г. он приехал с родителями в Харбин, его жизнь и судьба тесно связаны с Китаем.

В произведении «Закон жизни» Б. Юльского главный герой стремится к жизни в «естественности и недеянии», отражая даосскую философию восточного квиетизма. В рассказе главный герой Марков решает спастись в тайге: *«...в первых письмах он писал о том, что давно устал от города, что главное в жизни – простота и ясность, и что человеком можно быть только в тесном единении с природой, в непосредственной близости к ней...»* [Юльский 2011: 283]. Идеи есте-

ственности и недеяния в даосизме включают в себя социально-гуманитарные аспекты, проповедуя то, что люди должны следовать духу Дао и стараться сохранять народные обычаи простыми. Юльский пишет, что люди должны вернуться к самому простому состоянию: без забот, ревности и ссор. Через желания главного героя автор выражает даосскую философскую идею о возвращении к природе.

Принципы естественности и недеяния в даосизме обеспечили философскую основу и культурную концепцию отшельничества. Отшельничество – еще один вариант даосского возврата к естественности. В даосизме излагается стремление удалиться от мирских забот и соблазнов, желаний и требований. Даосизм учит созерцательному отношению к жизни. Мотивы созерцания и отшельничества имеют большое значение в даосской философии, что оказало влияние на духовную и творческую жизнь прозаиков и поэтов русской эмиграции.

Перелешин создал образ сосны в своем стихотворении «Картина», а также дополнил его своими рассуждениями о жизненном пути:

*«А скалы те, что в небо уперлись,
Обнажены, как варварские пики, –
Немногие любят эту высь,
Где только ястребы да камень дикий.*

*Но там над пропастью взвилась сосна,
Торжественно, спокойно, равнодушно,
И там царит такая тишина,
Что сердце ей доверится послушно»* [Перелешин 2018: 85].

Таким образом, можно сказать, что в лирике Перелешина прослеживаются связи с образами и мотивами китайской культуры. Русский поэт-эмигрант тонко чувствует поэтичность этих образов и мотивов, их роль в китайской литературе. Для лирики Перелешина характерно включение философских мотивов, медитативных размышлений о земном пути. Китайская живопись располагает зрителя к созерцанию, размышлению о природных процессах, неторопливому постижению красоты. Эти два свойства двух искусств «встречаются» в данном стихотворении. Как можно заметить, в лирике Перелешина пейзаж (в данном случае картина) становится толчком для развертывания философских размышлений о собственном жизненном пути. В стихотворении «Картина» описание горного пейзажа завершается изображением сосны, спокойно и равнодушно стоящей на горной вершине, желанном приюте лирического героя в конце его жизненного пути.

Даосизм подчеркивает духовное стремление, внутреннюю свободу и спокойствие в идее отшельничества. Однако стихотворение не ограничивается описанием рефлексии лирического героя-наблюдателя. Скитания заставляют героя Перелешина срочно искать жизненную стабильность для обретения, а природа, воспетая на картине, поддерживает его стремления.

В целом русские писатели-эмигранты переняли традиционные китайские даосские идеи, чтобы лучше показать свое стремление к спокойствию и свободе.

Они выразили свою любовь к китайской даосской культуре, воплотив в жизнь даосскую идеологию стремления к единству человека и природы, восточному квиетизму и отшельничеству в своих произведениях. Идеи даосизма помогли русским эмигрантам начала XX вв. уйти от одиночества и смятения, обрести надежду и открыть для себя новые направления в жизни и творчестве.

Список литературы

Жарикова Е. Е. Ориентальные мотивы в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. С.120–126.

Жарикова Е.Е. Переосмысление ориентального мотива созерцания и отшельничества в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока / Е. Жарикова // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы VIII междунар. научн.-метод. конф. Усурийск: Изд-во УГЛИ, 2006. С. 285–288.

Кириллова Е. О. Мотивы ухода от реальности, созерцания, отшельничества в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (на примере произведений Б. Юльского) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 2. С. 70–74.

Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае: в 5 т. Харбин: Изд. Северное литература и искусство. 2002. 李延龄. 中国俄罗斯侨民文学丛书(中文版 5 卷本)

Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае. Паровозы гудят у Цицикара / под. ред. Я. Ли. Пекин: Китайская молодежь, 2005. С. 8.

Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы. Том 1. М.: Престиж Бук, 2018. 608 с.

Хадынская А. А. Три родины Валерия Перелешина // Дергачевские чтения–2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2019. С. 202–217.

Юльский Б. М. Зеленый легион: Повесть и рассказы / Сост. и комм. А. Колесова; Сост. и вступ. ст. А. Лобычева. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 560 с.

Янковская В.Ю. По странам рассеяния. Нью-Йорк: Ам-Издат, 1978. 73 с.

He Tingting

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

IDEAS OF TAOISM IN THE LITERATURE OF THE RUSSIAN EMIGRATION

An article presents the overview of Taoism ideas that are reflected in the literature of Russian emigrants, as well as succinct Taoism theories of human and nature unity, eastern quietism and asceticism. Also, it discusses how the main Taoism values influenced outlook of emigrated writers and poets. In conclusion, in early 20th century Taoism concepts helped Russian emigrants to cope with pain, loneliness and distress, to find hope and to open new avenues for life and creativity. The writings of litterateurs and poets of Russian emigration show their love to the traditional Chinese culture.

Key words: Russian emigration literature; Taoism ideas; eastern quietism; asceticism; human and nature unity.

УДК 800

Ян Хао

аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
1145842816@qq.com

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ХАРБИНЕ

Дальневосточная молодежная и детская литература в Харбине представляет собой важный и ценный культурный феномен. Русские поэты, писатели и литераторы-эмигранты были обеспокоены вопросом воспитания и образования подрастающего поколения русских харбинцев. В этой связи в Китае функционировали многие детские и молодежные объединения, выпускались литературные газеты и журналы, стремящиеся поддержать юных переселенцев.

Ключевые слова: дальневосточная литература; детская литература; дальневосточная детская литература; русские эмигранты Харбина.

Рубеж XIX-XX веков для Российской империи и Китая ознаменован подписанием партнерского договора о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Благодаря строительству КВЖД на территории Китая появляются такие новые города, как Харбин, Далянь (историческое название – Дальний), Маньчжурия. Русскоязычная колония на территории Китая заметно выросла после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны в России – появилась первая волна русской эмиграции.

Гражданское и военное население Сибири, Дальнего Востока, преимущественно уехавшее в Маньчжурию, уделяло большое внимание развитию в Китае сети школьного и высшего образования, культуре, литературе в регионе. Большое значение придавалось воспитанию и обучению подрастающих русских детей. Подобное явление было связано с тем, что строители КВЖД приезжали в Китай вместе с семьями. Дети должны были продолжать свое школьное обучение, но из-за незнания китайского языка, их зачисление в китайские школы было невозможно. С этой целью русские начинают массово строить вдоль линий КВЖД школы, церкви, больницы, приглашать в Китай русских педагогов, общественных деятелей.

В русском литературоведении изучением вопроса детской и молодежной литературы на территории Маньчжурии посвящены научные работы многих ученых. Отдельно отметим монографии А.А. Хисамутдинова «Русская словесность в Шанхае» [Хисамутдинов 2014], А.А. Забияко «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина» [Забияко 2016], Е.С. Бабкиной «Эпоха русского рассеяния на страницах детского журнала» [Бабкина 2014], книгу китаеведа Г.В. Мелихова «Белый Харбин: Середина 20-х» [Мелихов 2003].

Благодаря русским инженерам и архитекторам маленький и незначительный в свое время поселок на берегу реки Сунгари разрастается до уровня большого города. Отныне новое название бывшего поселка – Харбин.

С первых дней строительства город становится центром и местом притяжения русской дальневосточной эмиграции. Например, в опубликованном рассказе Бориса Юльского «Конец Милона Шабанова» Харбин воспринимается как оазис для русских эмигрантов. Чтобы оказаться в этом городе, герои Юльского – семья староверов – готовы вступить в открытый конфликт с пограничниками и переплыть через опасную для неподготовленного человека реку Амур. В рассказе Арсения Несмелова «Лаомоза» показаны не только добрососедские отношения между русскими и китайцами, но и великодушные корни коренного населения Маньчжурии по отношению к угнетенным белоэмигрантам – когда беглецы покидали Россию, в их спины стреляли красногвардейцы, а китайцы усыновляли русских сирот. Другой русский харбинец Валерий Перелешин называл Китай «ласковой мачехой» [Дин Сян 2019: 51]. Таким образом, Харбин становится важной географической точкой для русских переселенцев.

Для детей в Харбине издавались литературные журналы «Ласточка», «Красное солнце», детские приложения к журналу «Рубеж» и к газете «Рупор». Также в Харбине долгое время успешно функционировали Христианский союз молодых людей, литературное объединение для молодежи «Молодая Чураевка» под руководством талантливого поэта Алексея Алексеевича Ачаира, а также скаутские организации «Костровые братья», «13».

Молодые русские эмигранты в Харбине, большинство из которых принадлежало студии «Молодая Чураевка», публиковали свои поэтические сборники. К примеру, свет увидела книга Марианны Колосовой «Господи, спаси Россию!». Наиболее активными и известными членами «Чураевки» стали поэтессы Лариса Андерсен, Лидия Хаиндрова, Александра Паркау, Виктория Янковская, Юстина Крузенштерн-Петерец и поэты Алексей Ачаир, Валерий Перелешин и другие талантливые мастера русской словесности. Были и другие яркие литераторы, не принадлежавшие молодежным организациям – к примеру, поэт-белогвардеец Арсений Несмелов и редактор детского журнала «Ласточка» Елена Васильева (часто публиковалась под псевдонимом «Юрка»).

Произведения молодых русских литераторов 1920-х годов были пронизаны чувством тоски по Родине, желанием вернуться в Россию, но к 1930-м годам данная тенденция чуть ослабевает. Появляются произведения, в которых запечатлен различный китайский опыт. Например, особый колорит русским стихотворениям и рассказам придают описания семейных отношений коренного населения, а также в русскую речь и письменность входят различные китайские заимствования: *«нередко встречаются такие легко узнаваемые и производные от китайской лексики слова, как Будда (佛), кумирня (寺庙), лама (喇嘛), манда-*

рин(普通话), паланкин (轿子), лотос (莲花), бамбук (竹子), джонка (垃圾), иероглиф(象形文字), чай(茶), гаолян (秫), тайфун (台风), фанза (范扎), кан (范扎), рикша (黄包车)» [Дин Сян 2019: 53].

Конечно, основной задачей русских писателей, поэтов и переводчиков в Китае в начале XX века становится сохранение русских традиций, устоев классической русской литературы и культуры. Русскоязычное население Маньчжурии противилось утрате своих русских корней, с чем связано желание сделать из построенного города Харбин островок русской жизни, «*Россию вне России*» [Олесина 2008: 326]. Особенно это проявлялось в вопросах воспитания подрастающего поколения русских харбинцев.

Важной и ценной для маленьких русских эмигрантов был детский журнал «Ласточка». Главным редактором издания был успешный и талантливый директор издательства «Товарищество Заря» Евгений Кауфман. Он публиковал не только произведения для детей, но и стимулировал детское словотворчество, побуждая маленьких подписчиков стать авторами статей на страницах любимого издания. В качестве поощрения для юных писателей Е.С. Кауфман регулярно проводил конкурсы с ценными призами от редакции.

Помимо прославленной «Ласточки» издатель Е.С. Кауфман печатал для детей бесплатные приложения к взрослым изданиям «Рупор» и «Рубеж».

Характерной чертой приложений «Юный читатель “Рупора”» и «Юный читатель “Рубежа”» становится наличие обратной связи. Дети могли переписываться между собой, обмениваться марками, подарками, ценными советами и просто житейским опытом прямо на страницах приложений. Этот раздел писем и корреспонденции очень полюбился маленьким подписчикам, что не удивительно – юным беженцам остро необходима была моральная поддержка от сверстников, попавших в аналогичную ситуацию. Большинство переселенцев оставили на Родине любимых друзей, домашних питомцев, родственников, а главное – дом. Тоска по Родине, по привычному порядку жизни объединяла маленьких изгнанников.

Преградой для общения подписчиков не становился даже факт того, что некоторые дети никогда не виделись. Например, находим следующее трогательное письмо в приложении к газете «Рупор»: «*Милая Сиротка! Итак, мы с вами – друзья. Хорошо, но мы еще совсем не знаем друг друга. Скажу вам о себе несколько слов*» [Рупор 1928: 3].

Встречались на страницах приложения также удивительные случаи, когда друзья по переписке оказывались знакомы лично: «*Ниночка Коль! Ты не ошиблась в моих инициалах. Мы хорошо знаем друг друга, и поэтому я с удовольствием буду с тобой переписываться. Бенита*» [Рупор 1928: 3].

Подводя итог, отметим, что русская дальневосточная литература представляет собой уникальный культурный феномен в истории русской эмиграции. По-

добный литературный опыт, с одной стороны, отражает национальное самосознание русских переселенцев, а с другой стороны, показывает, как развитая на чужой почве русская словесность обретала своеобразный китайский след.

Мы считаем, что необходимо и в дальнейшем продолжать научные исследования в области русской эмигрантской литературы в Китае, так как данный вопрос до сих пор остается малоизученным. Полагаем, что подобные научные работы необходимы и для того, чтобы укреплять русско-китайские дружественные отношения. Русская культура на рубеже XIX-XX веков внесла ценный опыт для развития литературы, образования, культуры Китая.

Список литературы

Бабкина Е.С. Эпоха русского рассеяния на страницах детского журнала. – М.: Флинта-Наука, 2014. 92 с.

Дин Сян Некоторые особенности литературы русского зарубежья в китайском Харбине // Человек и культура. 2019. Выпуск 2. С. 47–55.

Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Издательство Российской академии наук, 2016. 437 с.

Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

Олесина Е.П., Зайцев В.А., Стукалова О.В. Мировая художественная культура. XX век. Литература. СПб.: Питер, 2008. 464 с.

Рупор. № 243 (2443). Харбин: Товарищество Заря, 1928.

Рупор. № 303 (2503). Харбин: Товарищество Заря, 1928.

Хисамутдинов А.А. Русская словесность в Шанхае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2014. 69 с.

Yang Hao

Postgraduate Student of Philological Faculty
Perm State University

FEATURES OF CHILDREN'S LITERATURE OF THE RUSSIAN FAR EAST EMIGRATION IN THE EARLY XX CENTURY IN CHINA

Far Eastern youth and children's literature in Harbin is an important and valuable cultural phenomenon. Russian poets, writers and émigré writers were concerned about the upbringing and education of the younger generation of Russian Harbin residents. In this regard, many children's and youth associations functioned in China, newspapers and magazines were published, seeking to support young migrants.

Key words: Far Eastern literature; children's literature; Far Eastern children's literature; Russian emigrants from Harbin.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 372.882

Милица Джорджевич
аспирант философского факультета
Университет в Нише
milica.djordjevic@filfak.ni.ac.rs

ПОДКАСТЫ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ МАТЕРИАЛ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются проблемы использования подкастов в обучении литературе и их образовательный потенциал. Основная задача и цель работы – доказать, что подкаст может найти свое место в преподавании литературы на иностранном языке с учетом всей специфики работы в этой сфере.

Ключевые слова: подкаст; преподавание литературы; образование; ИКТ; РКИ.

Во время эпидемии вируса COVID-19 мы стали свидетелями процесса, который сделал информационные и коммуникационные технологии частью повседневной жизни. Люди, так или иначе вовлеченные в процесс обучения, в то же время столкнулись с тем, что эти технологии стали неотъемлемой и неизбежной частью современного образования. Переход школьной образовательной системы на дистанционную форму работы не только стимулировал процесс информатизации образования, но и сделал онлайн-обучение практически неизбежным решением, за исключением некоторых попыток популяризации обучения с помощью телевизионных сервисов. Благодаря, прежде всего, большой приверженности и гибкости преподавательского состава и готовности быстро адаптироваться к новым обстоятельствам и немедленно приступить к разработке инновационных методических приемов, опирающихся на ИКТ, учебный процесс продолжал проходить в сложной, но стабильной атмосфере.

В результате новых обстоятельств, которые на данном этапе выходят за рамки таких явлений, как вирусная эпидемия, но уже представляют собой следствие опережающих процессов адаптации подрастающих поколений к влиянию ИКТ, педагоги де-факто обязаны проектировать регулярную интеграцию новых технологий в обучение, уделяя особое внимание возможностям, которые предлагаются в Интернете. Однако, учитывая то, что каждая учебная дисциплина имеет свои особенности, которые обусловлены возможностью применения того или иного вспомогательного средства или метода работы (так и в области филологии, а в частности преподавания литературы), на выбор средств ИКТ, которые можно

эффективно применять в учебном процессе, накладываются определенные ограничения. Одним из таких ресурсов, который в последние годы набирает все большую популярность, является так называемый интернет-ресурс подкастов.

Что такое «подкаст»? В языковом употреблении мы встречаем два термина, взятых из английского языка: «подкаст» и «подкастинг». Оба термина произошли от популярного бренда «iPod», разработанного американской компанией «Apple» в качестве альтернативы популярным в то время MP3-плеерам. Название упомянутого бренда означает линейку портативных медиаплееров, предназначенных для прослушивания различных аудиоформатов. Считается, что название «iPod» было предложено сетевым маркетологом Вини Чико, нанятым для продвижения нового устройства¹. Вторая часть сложного слова «подкаст» относится к английскому слову «broadcast», т.е. «трансляция», так как под этим термином понимается ряд цифровых аудиозаписей, которые пользователь может загрузить и прослушать через проигрыватель в удобном для него виде и в удобное для него время. Дополнительную популярность всей концепции привнес Интернет, так как в современных условиях всеобщего сетевого общения указанную серию аудиозаписей можно смотреть прямо онлайн [Podcast Production 2012; Савостьянова, Сичинава, 2014]. Эти термины используются в языке, и в том числе, в научном дискурсе с 2004 г.

Отличает подкасты от более ранних форм передачи информации – теле- и радиопередач – возможность подстроить время прослушивания под нужды конечного пользователя. Большинство исследователей феномена подкастов сходятся во мнении, что решающую роль в их популяризации сыграло удобство слушателей при просмотре аудиоматериалов. Однако их применение изначально ограничивалось людьми с развитой слуховой моделью приема информации, которые были способны концентрироваться на получении звуковой информации даже при выполнении других видов деятельности. Из-за этого ограничения вскоре появился подтип подкастов, который получил название «скринкаст» (от сочетания английских слов «экран» и «трансляция») и предполагал более приемлемое для широкого круга пользователей сочетание аудио-видео контента. Здесь важно отметить, что термин «скринкаст» не прижился, поэтому большинство материалов, которые мы находим на хостингах или специализированных сайтах, помечены термином «подкаст», хотя в большинстве случаев это аудио-видео записи.

Растущая популярность подкастов быстро привела к признанию большого потенциала их использования в образовательных целях. Благодаря направленности на разговорную деятельность подкасты привлекли к себе особое внимание филологов, преподающих иностранные языки. Вскоре появилось большое количество научных работ, в основном посвященных методике использования подкастов в обучении иностранному языку – по данной теме имеется достаточно обширная научная литература, где в англоязычной сфере выделяются работы Мд.-М. Хасана и Т.Б. Хун [Hasan, Hoon 2013: 128–135], М. Йостара и З. Патри [Yoestara, Putri 2018: 15–26], а также С. Лона и С. Тесли [Lonn, Teasley 2009: 88–

92], в которых обсуждается возможность использования подкастов в первую очередь для аудирования и фонетики в обучении английскому языку. Не меньший интерес эта возможность вызвала и в русскоязычном пространстве, где в многочисленных работах [Сапух 2016; Сысоев 2014; Игнатенко 2016; Зарва 2011] разрабатываются методические приемы внедрения подкастов в обучение русскому языку. Авторы всех названных работ обращают внимание прежде всего на возможность использования подкастов для ведения диалога с присущими ему дискурсивными характеристиками в условиях, максимально приближенных к «естественному» ходу разговора и соответствующего эмоционального звучания.

Однако не будет преувеличением сказать, что такой подход к применению подкастов в обучении больше ориентирован на их формальную сторону, чем на содержание. В связи с этим нас интересует утверждение О.А. Трапезниковой, которая указывает, что «еще одним критерием выбора подкастов является их совпадение с содержанием обучения и будущими профессиональными интересами учащихся» [Трапезникова 2021]. Фактически можно сказать, что этот критерий является определяющим в процессе подбора материалов, которые бы гармонизировали с целями и задачами обучения. Из вопроса о содержании подкастов в обучении проистекает главный вопрос настоящей работы - может ли подкаст найти свое место в обучении литературе с учетом всей специфики работы в этой сфере?

Проблемы применения подкастов в обучении литературе. С точки зрения применения подкастов в преподавании литературы и культуры мы не находим в научной литературе много обсуждений. Можно считать, что это обусловлено консервативными представлениями о природе преподавания литературы, поскольку в ее основе с самого начала ее существования как дисциплины заложена диалектическая модель работы. С этой точки зрения подкаст в качестве вспомогательного материала подходит для преподавания литературы, поскольку дает возможность учителю быстро и легко создавать условия для научной полемики, приводящей к выявлению закономерностей литературного процесса. По-видимому, причина, по которой этот вопрос ранее не обсуждался применительно к преподаванию литературы, кроется в формате работы, поскольку организовать урок литературы в условиях физического присутствия всех участников учебного процесса несравненно проще. Использование подкастов в обучении языку логически вытекало из уже существующей популярности использования персональных портативных медиаплееров, а идея модернизации аудирования и обучения фонетике опиралась на уже существующее явление. О возможности применения подкастов в других дисциплинах, в том числе в преподавании литературы, стали задумываться в условиях пандемии, когда из-за специфики использования средств коммуникации для онлайн-обучения актуальным стал вопрос рассмотрения различных форм обучения.

Что касается самих подкастов, то их тематическое разнообразие и гиперпродукция не являются ограничением при рассмотрении возможности применения в обучении. Фактически вопрос выбора подкастов возникает как ключевая проблема при разработке методики, основанной на включении подкастов в обучение. Соответствующие материалы можно найти даже в области узко профессиональных литературных интересов, но качество их существенно различается. Поэтому в качестве обязательных подготовительных работ перед осуществлением обучения необходимо определить критерии, по которым отбираются подкасты или отрывки из них, чтобы их применение имело смысл и соответствовало цели обучения. В связи с этим уже определенные критерии выбора подкастов для практики фонетики и аудирования при обучении иностранному языку не могут быть учтены в полной мере, а потому не являются предметом более подробного рассмотрения в данной работе.

Ввиду отсутствия обстоятельного рассмотрения данного вопроса, мы склонны предложить некоторые основные рекомендации при выборе материалов, не претендуя на полноту. В первую очередь важен формат подкаста. Нам кажется, что монологические подкасты неэффективны в контексте обучения литературе, поскольку не создают необходимой диалогической атмосферы, без которой невозможна проблематизация ключевых аспектов текста, и поэтому учащиеся становятся пассивными участниками учебного процесса, что снижает их мотивацию к активной деятельности. Монологические подкасты, по всей видимости, могут найти свое место только в тех форматах работы, когда преподаватель на уровне вузовских лекций контекстуализирует литературное произведение. Таким образом, возможность использования подкастов в обучении литературе сводится к форматам «chumchat» (дружеская беседа) и в особенности интервью. О том, что эти два формата являются наиболее подходящими для использования в обучении, наглядно свидетельствует их популярность: как правило, именно эти формы подкастов вызывают наибольшее количество отзывов и интерес слушателей.

Следующий важный момент при выборе подкастов для применения в обучении литературе касается их согласования с темой обучения. Именно этот критерий во многом определяет целесообразность применения подкастов, так как требует от преподавателей прослушивания большого количества материала, отбора соответствующих элементов (которые часто могут быть применимы лишь частично) и методической подготовки к их внедрению в преподавание. Этот процесс несколько облегчается тематизацией подкастов, поэтому материалы относительно быстро можно найти по соответствующим литературным направлениям/периодам, но на практике часто бывает, что стилистически подкаст не адаптирован для аудитории в образовательной сфере. В таких ситуациях преподаватель вынужден использовать только те элементы подкаста, использование которых не ставит под угрозу учебный процесс.

Наибольшая ценность подкастов с точки зрения онлайн-обучения заключается в способности поддерживать интерес и внимание слушателей. Это особенно важно для преподавания литературы, где наличие интриги и необычных фактов может стимулировать более активное вовлечение учащихся в учебный процесс. На наш взгляд, преподаватель в том случае, когда он использует подкаст как материал на уроке, должен не направлять внимание учащихся исключительно на ход диалога на записи, а побуждать к дополнительным комментариям и вопросам с целью обсуждения. Последний, но не менее важный критерий выбора подкастов для использования в учебной литературе касается их технических характеристик, которые должны обеспечивать хорошее, чистое звучание, без шумов и других помех.

Образовательный потенциал подкастов в обучении литературе. Когда мы закончили отбор подкастов, которые могли бы найти свое место в обучении, возникает вопрос, каков их образовательный потенциал? Решение этого вопроса важно, потому что внедрение подкастов не должно являться целью само по себе, а тем, что реально способствует улучшению некоторых элементов преподавания. В первую очередь ценность подкастов выражается в многофункциональности. Под многофункциональностью мы понимаем одновременную работу по достижению нескольких целей обучения. В этом плане подкаст очень полезен на занятиях по иностранной литературе, где на первый план, наряду с литературно-культурологическим, выходит пассивное слушание, расширение лексического фонда, усвоение дискурсивных норм в условиях естественного общения и сама тематика подкаста. Однако, даже когда подкаст используется вне рамок иностранной филологии, он все равно сохраняет свою многоцелевую значимость, особенно если говорить о формате интервью с писателями, критиками или другими представителями литературного процесса.

Из многофункциональности подкастов вытекает еще один образовательный потенциал этих средств в преподавании литературы, в частности, в развитии информационных компетенций. Мы считаем, что очень важно показать учащимся важность интернета как источника в первую очередь для обучения, а не только для развлечения. Другой аспект данного вопроса касается подготовки учащихся к самостоятельной работе. В этом контексте работа с подкастом на уроке становится моделью, которую следует воспроизводить в виде индивидуальной деятельности учащихся.

Интерактивность была бы еще одной возможностью, которая возникает из-за применения подкастов в преподавании литературы. Интерактивность – это, прежде всего, обсуждение, которое может развиваться на основе материала, предлагаемого тем или иным подкастом. Нам кажется, что специфическая рабочая атмосфера, которую можно создать с помощью подкастов, оказывает стимулирующее влияние на активное участие студентов, по крайней мере, на уровне вузовского обучения. Этот вопрос требует более детального рассмотрения методики использования подкастов как средства обучения, особенно если речь идет

об их применении на уровне школы. Качественная подготовка такого типа материала позволяет добиться выдающихся результатов в обучении на всех уровнях образования.

Не менее важным является умение адаптироваться к индивидуальным особенностям учащихся. Педагогическая практика с каждым годом все больше напоминает нам о разнице в скорости освоения материалов разными учениками. Любая попытка обобщения, как правило, приводит к «наказанию» кого-то из участников учебного процесса. По этой причине интересно иметь возможность, помимо прочего, адаптировать учебный материал к потребностям разных студентов с помощью подкастов. Конечно, добиться такого эффекта на самих занятиях очень сложно, но такая форма работы более чем применима во внеурочной деятельности.

Подкасты предлагают свой наибольший потенциал в виде внеклассных мероприятий, в качестве домашних заданий. Такое приложение позволяет слушать подкаст так, как было задумано изначально, в условиях и в то время, которые лучше всего подходят слушателю. В этом случае обработка на занятии шла бы в направлении беседы на определенную тему, с акцентом на основные моменты из прослушанного/проанализированного материала. При таком подходе мы не будем говорить, что он «экономит» время, отведенное на педагогическую деятельность, но расширяет работу учащихся и студентов за рамки формального обучения, что имеет особое значение в условиях современного отношения к образованию в целом. Однако это не исключает самого проблемного аспекта рассмотрения роли подкастов в преподавании литературы – огромной исследовательской и подготовительной работы, которую необходимо провести перед внедрением.

Вместо заключения мы попытаемся указать на некоторые впечатления из личного опыта о возможном применении подкастов в преподавании литературы, не претендуя на то, чтобы подчеркнуть уникальность методического приема. При выполнении лекций и упражнений по отдельным литературным предметам по программе бакалавриата по русскому языку и литературе на Философском факультете в г. Нише была реализована проверка применения подкастов в обучении в течение 2019–2020 и 2020–2021 учебных годов. Причиной, по которой автор данной статьи решился на этот образовательный эксперимент, стали сложные условия преподавания литературы в дистанционном формате. На подготовительном этапе реализации данной деятельности основное время уходило на поиск адекватного материала, который бы максимально согласовывался с целями обучения. Большое значение в этом плане имел онлайн-ресурс Культура.РФ, с помощью которого было отобрано большинство подкастов. В зависимости от содержания курса для использования в обучении были выбраны следующие подкасты: «Книжный базар», посвященный современным темам в литературе, «Читатель», известный хорошими интервью с выдающимися представителями русской литературной сцены, «Арзамас», подкаст, ставший популярной он-

лайн-платформой, предлагающей курсы и уроки известных авторов и исследователей, «Полка», образовательный проект, посвященный классической русской литературе. Хотя отзывы студентов нельзя назвать репрезентативными в прямом смысле этого слова (поскольку в проекте участвовали студенты, которые постоянно посещают занятия, в какой бы форме он ни реализовывались), сложилось впечатление, что студенты положительно реагируют на введение такой формы вспомогательного учебно-методического материала, даже когда он дается в форме внеклассной работы. Это укрепляет нас в позиции, что в области преподавания литературы имеет смысл расширить существующий перечень учебных пособий и такими ресурсами, какими являются подкасты.

Примечание

¹ По словам самого Чико, увидев прототип, он вспомнил фильм «2001: Одиссея в космосе» и фразу из этого фильма «Открой двери отсека площадки, Хэл», что натолкнуло его на мысль дать такое же имя «под» устройству [Kahney 2006].

Список литературы

Зарва М.В. Слово в эфире: О языке и стиле радиопередач: Произношение в радио- и телевизионной речи. Москва: Флинта: Наука, 2011. 376 с.

Игнатенко Н.А. Подкасты англоязычного радио в самостоятельной работе студентов на продвинутом этапе обучения иностранному языку // Язык и культура. 2016. №. 1 (33). С. 148–159.

Савостьянова Ю.И., Сичинава Ю. Н. Интеграция системы языковых подкастов в учебный процесс военного вуза // Теория и практика общественного развития. 2014. №. 14. С. 35–38.

Сапух Т.В. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров посредством подкастов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. №. 3 (16). С. 150–153.

Сысоев П.В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2014. №. 2 (26). С. 189–201.

Трапезникова О. А. Использование подкастов в обучении русскому языку как инославянскому // Славистика. XXV/2. Београд: Славистичко друштво Србије, 2021. С. 168–177.

Hasan M. et al. Podcast Applications in Language Learning: A Review of Recent Studies // English Language Teaching. 2013. V. 6. №. 2. P. 128–135.

Kahney L. Straight Dope on the iPod's Birth. Wired News, October 17, 2006. URL: <https://www.wired.com/2006/10/straight-dope-on-the-ipods-birth/> (дата обращения 01.09.2022).

Lonn S., Teasley S. D. Podcasting in higher education: What are the implications for teaching and learning? // The Internet and Higher Education. 2009. V. 12. № 2. P. 88–92.

Podcast Production. Harvard Graduate School of Education. 2012. Archived from the original on July 10, 2012.

Yoestara M., Putri Z. PODCAST: An alternative way to improve EFL students' listening and speaking performance // *Englisia: Journal of Language, Education, and Humanities*. 2019. V. 6. №. 1. P. 15–26.

M. Djordjevich

Postgraduate Student of the Faculty of Philosophy
University in Niš

**PODCASTS AS A AUXILIARY LEARNING MATERIAL
ON THE LESSONS OF LITERATURE**

The article deals with the problems of using podcasts in the description and their educational potential. The main task of this article is to explain that a podcast can find its place in teaching literature in a foreign language, taking into account the specification of work in this area.

Key words: podcast; teaching literature; education; ICT; RFL.

УДК 371.3

Валентина Алексеевна Куклина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
2002kouklinava@mail.ru

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИЕРОГЛИФОВ ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В работе решается задача отбора иероглифов для последующего их включения в программу внеурочной деятельности в рамках обучения каллиграфии младших школьников. Описано возникновение и развитие китайской письменности с древних времен и до современности; типы строения иероглифов; основные каллиграфические черты. Проанализированы учебно-методические комплексы по китайскому языку для российских школ. Разработана рабочая программа по курсу внеурочной деятельности «Китайская каллиграфия и китайские иероглифы – это увлекательно!».

Ключевые слова: китайские иероглифы; китайская каллиграфия; внеурочная деятельность; младшие школьники.

В России постепенно расширяется список регионов, где китайский язык изучается в рамках школьной программы, при этом активно разрабатываются образовательные программы для изучения китайского языка как второго иностранного, начиная с 5 класса. В некоторых школах китайский язык вводится уже в начальной школе, в том числе и в рамках внеурочной деятельности. Одной из проблем, с которой сталкиваются учителя при обучении младших школьников, является отсутствие отдельных учебных материалов для введения первоначальных знаний о формировании иероглифов и отбора минимально необходимого иероглифического материала во внеурочной деятельности.

В статье представлена разработка методики по обучению основам китайской каллиграфии и использованию иероглифов во внеурочной деятельности младших школьников, а именно для учащихся 4-х классов.

Прежде чем приступить к написанию рабочей программы, мы обратились к истории возникновения и развития китайской письменности с древних времен и до современности, постепенного оформления структуры иероглифа до современного вида, появления каллиграфических черт и распределения иероглифов по типам. Некоторые исторические сведения о развитии китайской иероглифики включены в разработанную нами рабочую программу.

В развитии китайской письменности выделяются два этапа: древний этап и современный этап. Древний этап называют *гувэнь*, а современный – *цзиньвэнь*. Для *гувэнь* характерны следующие стили начертания иероглифов: *цзягувэнь*, *цзиньвэнь*, *дачжуань*, *сяочжуань*. В начальные периоды «в надписях *цзягувэнь* и надписях на бронзе *цзиньвэнь* преобладают изобразительные и указательные

иероглифы» [Ван Най 2019: 13]. Для современного этапа написания иероглифов характерны такие стили написания, как *лишу*, *синшу*, *цаошу* и *кайшу*.

В 221 г. до н.э. первый император Цинь Шихуанди объединил под своей властью весь Китай, Шесть царств, основал империю Цинь и унифицировал систему письма, назвав новый вид «малая печать» – *сяочжуань*. Он приказал провести унификацию современной циньской письменности и распространить ее по всему государству [Ван Най: 2019: 20]. По мере развития *сяочжуань* знак упрощался, его структура становилась пропорциональной, пиктографическое начало ослабевало, был сделан шаг на пути к символизации. Знаки освобождались от простой изобразительности, стали преобладать фоноидеогаммы. Постепенно большая часть иероглифов стала носить составной характер и включать фонетик. Стиль *лишу* пользовался условными символами, образованными каллиграфическими чертами. Иероглиф стало возможным разделить на несколько основных черт, которые постепенно принимали форму *точки, горизонтальной, вертикальной черты, ломаной, откидной влево или вправо, восходящей и крюка*. В эпоху поздней Хань (25–220 гг.) в правление императора Гуань У (25–57 гг.), императора Линь-ди (167–189гг.), императора Сянь-ди (190–220гг.) были созданы все условия для появления каллиграфии [Фицджеральд 2008: 1]. Стиль *лишу* «...достиг пика развития в эпоху Хань. Этот стиль подчеркивает зрелость китайской каллиграфии как самостоятельной формы искусства. Лучшими ее образцами являются надписи на стеллах эпохи Восточная Хань» [Ван Най: 2019: 19].

«Ван Сичжи (303–361) называли корифеем каллиграфии, движения его кисти, штрихи и композиция обладали естественностью, в них не было ничего от стиля *лишу*, а каллиграфия отличалась необыкновенной возвышенностью и легкостью» [Ван Най: 2019: 42]. «Пиктографический принцип строения иероглифов сохранялся с момента появления иероглифического письма и вплоть до перехода на стиль *лишу*, когда от него по большей части отказались. Новый способ начертания китайского иероглифа был основан на горизонтальных и вертикальных чертах, откидных влево и откидных вправо. Затем были добавлены и другие базовые черты» [Ван Най 2019: 10]. В дальнейшем развитие китайского иероглифа никогда не прерывалось.

Опираясь на данные исследований двух основных методов создания иероглифов: *люшу* и *саньшу*, описанные Ван Наем [Ван Най 2019: 11], мы составили две таблицы типов строения иероглифов.

Таблица 1

Типы строения иероглифов

Метод создания иероглифов люшу		
Указательные	上 «вверх»	下 «вниз»
Изобразительные	日 «солнце»	月 «луна»
Идеографические	武 «военный»	信 «верить»
Фоноидеографические	江 «река»	河 «река»
Видоизмененные	老 «старый»	考 «старший в роду»
Заемствованные	令 «приказ», уст. «начальник, глава»	长 «длинный, долгий»; «главный, старший»

Люшу – это шесть категорий иероглифов. Иероглифы делятся на указательные, изобразительные, идеографические, фоноидеографические, видоизмененные и заимствованные. «Указательные: если взглянуть на некий иероглиф, можно сразу его понять, тщательно, изучив, узнать его значение, например, это иероглифы 上 «вверх» и 下 «вниз»; изобразительные: в начертании таких иероглифов кроется изображение того предмета, который они обозначают, черты иероглифа изламываются и переплетаются подобно тому, как выглядит сам предмет, например, 日 «солнце» и 月 «луна»; фоноидеографические: состоят из ключа, который связан со значением всего знака, подразумевающим определенный предмет, и фонетика, указывающего на чтение иероглифа, например, 江 «река» и 河 «река»; идеографические: лексические значения двух и более иероглифов складывается в одно общее, например, 武 «военный» и 信 «верить», при этом иероглиф состоит из двух знаков 止 «останавливать» и 戈 «клевец», а иероглиф из 人 «человек» и 言 «речь»; видоизмененные: указывают на два иероглифа, схожих по значению, но различных по форме, например, 老 «старый» и 考 «старший в роду»; заимствованные: указывают на то, раньше иероглифа для этого слова не существовало, основываясь на его произношении, находят омонимичное или схожее по звучанию слово и используют его иероглиф для обозначения этого предмета, например, 令 «приказ», уст. «начальник, глава» и 长 «длинный, долгий»; «главный, старший»» [Ван Най 2019: 12].

Таблица 2

Типы строения иероглифов

Метод создания иероглифов саньшу		
Изобразительные	日 «солнце»	月 «луна»
Идеографические	出 «появляться»	立 «стоять»
Фоноидеографические	爸 «отец»	芭 «душистая трава»

В *саньшу*, все иероглифы делятся на изобразительные, идеографические и фоноидеографические. Первые создаются по принципу пиктографического изображения, которое передает лексическое значение. Они относятся к простым, состоящим из одного знака. Этот тип не был способен передать абстрактные понятия. Потребность в этом восполнили идеографические иероглифы, значение которых передается с помощью двух разных символов или изобразительного иероглифа вместе с другими знаками. Например, такие, как 出 «появляться», 立 «стоять», 伐 «рубить». По виду изобразительных и идеографических иероглифов можно догадаться об их лексическом значении, но нельзя узнать их произношения.

Для решения этой задачи были созданы фоноидеограммы, образуемые путем соединения фонетика и ключа. Таким образом, они передают лексическое значение и определяют чтение иероглифа. Например, в словах 爸 «отец» и

芭 «душистая трава» фонетик 巴 «змея, удав» указывает на звучание, а ключи 父 «отец» и 艹 «трава» на смысл. Сложные иероглифы – фоноидеогаммы составляют 90% всех китайских иероглифов.

Для ознакомления учащихся младших классов с иероглифами наибольший интерес представляют два типа строения иероглифов: указательные и изобразительные иероглифы – пиктограммы.

На данный момент в российской системе школьного образования существуют следующие программы для изучения китайского языка: рабочие программы А.А. Сизовой «Китайский язык. Второй иностранный язык. Предметная линия учебников «Время учить китайский!» для учащихся 5–9 классов»; методические рекомендации с поурочным планированием к учебному пособию Ван Луся, Н.В. Демчевой, О.В. Селиверстовой «Китайский язык. 1-й год обучения»; рабочая программа к учебному пособию М.Б. Рукодельниковой, О.А. Салазановой, Ли Тао «Китайский язык. Второй иностранный язык. для учащихся 5 классов»; рабочая программа Л.Ш. Рахимбековой, С.Ю. Распертовой, Н.Ю. Чечиной, Дин Аньци «Китайский язык. Второй иностранный язык» для учащихся 10 класса. Учебное пособие Ван Луся, Н.В. Демчевой, О.В. Селиверстовой «Китайский язык. 1-й год обучения» может быть использовано для обучения учащихся начальной школы. Что касается наличия программ для изучения китайского языка в начальной школе, то они создаются учителями китайского языка на основе рабочих программ к учебникам китайского языка для учащихся 5-х классов с ограниченным количеством лексических тем, направленных на развитие коммуникативных компетенций обучающихся.

Далее нами были проанализированы два учебно-методических комплекса по китайскому языку для учащихся 5-х классов и один учебно-методический комплекс для учащихся 10-х классов первого года обучения. Основное внимание было обращено на упражнения по иероглифике и каллиграфии.

В учебном пособии по китайскому языку для учащихся средних общеобразовательных учреждений, начинающих изучать китайский язык как второй иностранный для учащихся 5 класса авторов М.Б. Рукодельниковой, О.А. Салазановой, Ли Тао были выделены следующие упражнения по каллиграфии и иероглифике:

- Выучи правила каллиграфии;
- Напиши базовые черты;
- Догадайся о значении иероглифа по внешнему виду;
- Выучи базовые иероглифы, графемы;
- Назови значение изображенного иероглифа;
- Выучи новые иероглифы [Рукодельникова 2017].

В учебнике по китайскому языку для учащихся средних общеобразовательных учреждений, начинающих изучать китайский язык как второй иностранный под редакцией Ван Луся, авторов Ван Луся, Н.В. Демчевой, О.В. Селиверстовой предлагаются упражнения:

- Назовите изображенные черты;
- Назовите количество черт в иероглифах и порядок их написания;
- Назовите выделенную черту;
- Найдите и назовите спрятавшиеся черты;
- Прочитайте числа;
- Назовите числа. Запишите их иероглифами;
- Прочитайте названия месяцев;
- Назовите ключи и графемы в иероглифах. Запишите их по порядку черт [Ван Луся 2015].

Мы сравнили упражнения двух учебников. В учебнике под редакцией Ван Луся, авторов Ван Луся, Н.В. Демчевой, О.В. Селиверстовой большое внимание уделяется изучению, написанию и закреплению в памяти учащихся базовых черт, ключей и графем из которых состоит китайский иероглиф, а также последовательности написания черт. Упражнения повторяются на протяжении всего курса. Это должно способствовать автоматизации базовых знаний по китайской иероглифике. В учебном пособии по китайскому языку для учащихся средних общеобразовательных учреждений, начинающих изучать китайский язык как второй иностранный для учащихся 5 класса авторов М.Б. Рукодельниковой, О.А. Салазановой, Ли Тао учащимся необходимо учить базовые иероглифы и графемы. Регулярно предлагаются упражнения на догадку значения изображенного иероглифа.

В учебнике Л.Ш. Рахимбековой особое внимание уделяется изучению ключей. Предложены вводный раздел, 12 разделов, три проверочных работы. В каждом разделе представлена группа наиболее частотных иероглифов с одинаковыми ключами. Практика написания иероглифов интегрирована в тематическую канву разделов. Предлагаются к изучению 24 ключа. Изучение ключей формирует и расширяет словарный запас учащихся.

Нами были выделены следующие упражнения:

- Догадайтесь о значении иероглифов с опорой на пиктограммы;
- Посмотрите на эти иероглифы. Обратите внимание на ключи – они выделены красным цветом;
- Найдите иероглифы в своем словаре (ключи выделены красным цветом);
- Определите ключ в данных иероглифах;
- Обведите иероглифы, соблюдая последовательность черт;
- Рассмотрите ключи и примеры, указанные в таблице. Приведите примеры других иероглифов с данными ключами;
- Догадайтесь о значении этих древних иероглифов. Теперь установите соответствие между древними и современными иероглифами [Рахимбекова 2017].

Изучив имеющиеся в России методики преподавания китайского языка как второго иностранного с начального уровня, типы иероглифов, историю китайской письменности и китайскую каллиграфию как дисциплину, образцы китайской каллиграфии, отобрав иероглифический материал и сведения о приемах и техниках для начинающих заниматься каллиграфией, а также пиктограммы, мы

создали рабочую программу по введению в иероглифику и обучению азам каллиграфии в начальной школе.

В первую очередь мы предлагаем начинать с обучения основным чертам написания китайских иероглифов. Затем в несколько этапов познакомить обучающихся с односоставными иероглифами. Сначала представить вниманию младших школьников пиктографические и индикативные иероглифы. Пиктографические иероглифы по форме напоминают обозначаемый ими предмет или природное явление, например, 人, 木, 口, 日, 月, 山 (человек, дерево, рот, солнце, месяц, гора) и т.д. Обучение написанию иероглифов будет сопровождаться рассказами, историями и мифами об их появлении. Затем мы предлагаем представить индикативные иероглифы. Индикативные иероглифы состояются из черт и показывают какое-нибудь абстрактное явление. Например, 上, 下, 中, 一, 二, 三 (вверх, вниз, середина, один, два, три). Таким образом, знакомя учащихся младших классов с основами китайской иероглифики, мы сможем обучить их лексическим единицам по следующим темам: «Семья», «Явления природы», «Животные», «Счет от 1 до 12», «Названия месяцев», «Китайские народные праздники», «Русские народные праздники». Тем самым проведем подготовительный этап к изучению китайского языка в 5 классе. Программа по курсу внеурочной деятельности по китайской каллиграфии рассчитана на 34 часа в год.

Кроме того, предполагается научить школьников красиво писать иероглифы кистью, а также познакомить с примерами работ каллиграфов. Рабочей программой предусмотрено обучение учащихся написанию каллиграфическим почерком следующих слов, словосочетаний и предложений: «панда», «медведь», «Китай», «Россия», «счастье», «долголетие», «драгоценность», «Великая китайская стена», «Кремль», «Желаю счастья большого, как Восточное море, долголетия, как у Южных гор», «Знание – сила», «Дружба – такая долгая, как земля, и бесконечная, как небо», «Поздравляю с Днем рождения». Основным результатом обучения является личностный результат. Ученик начальной школы будет уметь писать односоставные иероглифы кистью стандартным письмом *кайшу* и будет иметь первичные представления об особенностях каллиграфического иероглифического письма.

Исследователи отмечают, что занятия каллиграфией положительно влияют на здоровье: улучшают осанку, помогают обучающемуся стать более внимательным, аккуратным, гармонизируют внутреннее состояние, развивают мелкую моторику. Исправление почерка младших школьников в лучшую сторону посредством занятий каллиграфией особенно актуально в современной школе. «Так, согласно данным современных китайских и американских медиков, занятия каллиграфией способствуют стабилизации физиологического и психологического состояния человека, заметно улучшают показатели тех психофизических параметров, которые отражают коммуникативную активность» [Куланина 2021: 138].

Следует отметить, что урок по чистописанию не включен в учебные планы, в образовательный процесс в начальной школе. Занятия китайской каллиграфией смогли бы значительно улучшить почерк обучающихся.

Список литературы

Ван Луся. Китайский язык: 5 класс: учеб. пособие / Ван Луся, Н.В. Демчевой, О.В. Селиверстовой; под ред. Ван Луся. Москва: АСТ: Астрель, 2015. 126 с.

Ван Най. История китайских иероглифов. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. 272 с.

Куланина Е.М. Современная каллиграфия как социокультурный феномен: Монография / Е.М. Куланина; под ред. М.В. Силантьевой. М.: Прометей, 2021. 256 с.

Рахимбекова Л.Ш. Китайский язык: второй иностранный язык: учебное издание для учащихся 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый уровень / Л.Ш. Рахимбекова, С.Ю. Распертова, Н.Ю. Чечина, Дин Аньци под ред. Л.Ш. Рахимбековой. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2017. 176 с.

Рукодельникова М.Б. Китайский язык: второй иностранный язык: 5 класс: учебное пособие / М.Б. Рукодельникова, О.А. Салазанова, Ли Тао. М.: «Вентана-Граф», 2017. 175 с.

Фицджеральд Ч.П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2008. 460 с.

V.A. Kuklina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

METHODOLOGY OF USING CHINESE CHARACTERS IN EXTRACOURSE ACTIVITIES OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

The paper solves the problem of selecting Chinese characters for their subsequent inclusion in the program of extracurricular activities in the framework of teaching calligraphy to younger schoolchildren. The emergence and development of Chinese writing from ancient times to the present is described; types of structure of hieroglyphs; basic calligraphic features. The educational and methodological complexes in Chinese for Russian schools are analyzed. A work program has been developed for the course of extracurricular activities "Chinese calligraphy and Chinese characters – it's exciting!"

Key words: Chinese; Chinese characters; Chinese calligraphy; extracurricular activities; younger students.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Обухова И.А. Влияние интро-экстраверсии и пола пользователей социальной сети на использование эмодзи и стикеров в сетевом общении	3
Тихон Т.Н. Социокультурная маркированность интернет-сленга в социальных сетях (на материале английского языка)	13
Чурина Д.Е. Серийность в соцсетях: карточный формат новостного контента	18
Стародумова А.А. Архетипика успешного продвижения (на материале популярного блога)	27
Короткевич А.Д. «Жизнь после жизни»: соцсети в продвижении Guns n' Roses	35
Бочкарева М.Ю. Эпоха 1950-х в фильме «Стиляги»: о проблеме репрезентации прошлого в игровом кино	39
Чугунова О.О. Sns!au: особенности новых литературных практик в Интернете	45

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Еремеева К.А. Концепт «культура» в языковом сознании студентов-филологов. Анализ концептуальных метафор	50
Родич А.Н. Универсальные и национально обусловленные характеристики понятия <i>превращение</i> (на материале английского и русского языков)	57
Цзюй Цзюнь Семантика лексических единиц фразеологического типа с колоративом «светлый» и «темный» в русском и китайском языках	62
Якшимурдова Г. Фонетический акцент в русской речи туркмен: длительность гласных	71
Янь Сяолин Реализация функционально-семантической категории причины в русской разговорной речи	76
Синявская А.С. Реализация принципа речевой системности функционального стиля (на примере английских параметрических глаголов)	80
Горланова К.С. Семантика и функции субстантивированных прилагательных <i>pluralia tantum</i>	84

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Бунеева О.Д. Проблема жанровой природы цикла К.С.Льюиса «Хроники Нарнии»	89
Духнова М.А. Образ и положение женщины в Китае XIX века (на материале романа Лизы Си «Снежный цветок и заветный веер»)	93
Яклюшина М.С. Гуманистические мотивы и образы в сюжете взятия города в эпических поэмах И.И. Завалишина и М.М. Хераскова: к постановке вопроса	100
Мысовских Л.О. Становление экзистенциальной парадигмы художественного сознания в ранней лирике М.Ю. Лермонтова	106
Попова А.С. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и загробный текст мировой литературы	111
Хэ Тинтин Идеи Даосизма в литературе русской эмиграции	120
Ян Хао Особенности молодежной и детской литературы русской дальневосточной эмиграции в начале XX века в Харбине	125

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Джорджевич М. Подкасты как вспомогательный учебный материал на занятиях по литературе	129
Куклина В.А. Методика использования иероглифов во внеурочной деятельности младших школьников	137

Научное издание

Проблемы филологии глазами молодых исследователей

Сборник материалов конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Филология в XXI веке»

(г. Пермь, ПГНИУ, 13–14 мая 2022 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка:

*А.Ю. Бурлака, К.А. Еремеева, Д.М. Кельберг,
А.С. Попова, Д.А. Сухоева, А.О. Черановская*

Объем данных 4 Мб

Подписано к использованию 23.12.2022

Размещено в открытом доступе

на сайте www.psu.ru

в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15